

ISSN 2410–2415

РОССИЯ И МИР

ВЕСТНИК

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

МИД РОССИИ

4 (14)

2017

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 1 декабря 2015 г.). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель журнала — публикация материалов по специальностям: «исторические науки и археология», «экономические науки», «политология».

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в «Объединенном каталоге. Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2018 г. — 94182.

Научный руководитель

Е.П. Бажанов, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Редакционная коллегия

А.Ю. Чудодеев — главный редактор, к.и.н.

И.Л. Бендерский — редактор

П.А. Развин — ответственный секретарь, к.э.н.

А.Г. Володин — д.и.н.

С.М. Гаврилова — к.и.н.

Т.А. Закаурцева — д.и.н.

О.П. Иванов — д.п.н.

М.А. Кукарцева — д.ф.н.

Ли Цзинцзе — академик (КНР)

Н.И. Маслакова-Клауберг — к.п.н.

М.А. Неймарк — д.и.н.

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка,

д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России

www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель:

Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка,

д. 53/2, стр. 1

www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

© Дипломатическая академия МИД России, 2017

© Оформление. ООО «ИТК «Дашков и К°», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Мозель Т.Н.</i> Тернистый путь европейской интеграции	6
<i>Мурашко М.М.</i> Парламентские выборы в Австрии в контексте миграционной политики ЕС	20
<i>Ломова А.А.</i> Безопасность во внешней политике ЕС: тренд к обратному возрастанию жесткой силы?	26
<i>Тимакова О.А.</i> Новый этап трансформации НАТО	35
<i>Цю Сяофэнь.</i> Отношения Российской Федерации и КНР в культурно-гуманитарной сфере	42
<i>Алексамян Л.М.</i> Турецко-грузинские отношения в новых геополитических реалиях: начало неопределенности	49
<i>Андреева Е.С.</i> Сотрудничество Ирана и ЕАЭС	58
<i>Гопта И.</i> Политика безопасности в словацко-чешских отношениях	64

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Жильцов С.С., Зонн И.С., Сойлемезиду М.</i> Проблемы международно-правового статуса Каспийского моря: механизмы решения	74
<i>Ногмова А.Ш.</i> Геополитические перспективы современной российской политики в Каспийском регионе	85
<i>Макилова А.М.</i> Роль трансграничных рек в развитии государств Центральной Азии	96
<i>Хоссейнзадех В.</i> Развитие российско-иранского сотрудничества в Каспийском регионе: на примере транспортного коридора «Север — Юг» ...	102

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Гребенюк А.В., Колосова И.В.</i> Штрихи к портрету рыцарей-крестоносцев	106
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Закаурцева Т.А., Солнцева Е.С.</i> Евразийские исследования в ASTANA CLUB — 2017	121
К сведению авторов	126

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue — 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on December 1, 2015). The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The mission of the journal is to disseminate the results of Russian and foreign studies on the specialties: “historic sciences and archeology”, “economic sciences”, “political science”, as well as to hold “round tables”.

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in “The Consolidated Catalogue. Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 1st half of 2018 — 94182.

Academic Advisor

Evgeny Bazhanov, DSc (History)

Editorial Board

Alexander Chudodeev — Editor-in-Chief, PhD (History)

Igor Benderskiy — Editor

Petr Razvin — Executive Secretary, PhD (Economics)

Andrey Volodin, DSc (History)

Svetlana Gavrilova, PhD (History)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Marina Kukartseva, DSc (Philosophy)

Li Jingjie, Academician, PRC

Natalya Maslakova-Klauberg, DSc (Political Science)

Mark Neimark, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

Diplomatic Academy, MFA, Russia

www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher:

Diplomatic Academy, MFA, Russia,

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg.No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014.

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. The position of the editorial staff does not necessarily coincide with the authors' opinion. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2017

© Page make-up: Publishing and trading Corporation «Dashkov & Co.», 2017

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Tatiana Mozel</i> . The thorny path of European integration	6
<i>Marina Murashko</i> . Legislative elections in Austria in the context of the European Union's migration policy	20
<i>Anastasia Lomova</i> . Security in the EU foreign policy: a trend to bring back a hard power?	26
<i>Olga Timakova</i> . New Stage of NATO's Transformation	35
<i>Xiaofen Qiu</i> . Relations between Russia and China in the cultural and humanitarian sphere	42
<i>Larisa Aleksanyan</i> . Turkish-Georgian relations in new geopolitical realities: the beginning of uncertainty	49
<i>Ekaterina Andreeva</i> . Cooperation between Iran and EUEU	58
<i>Ivo Hopta</i> . The security policy in Slovak-Czech relations	64

REGIONAL PROBLEMS

<i>Sergey Zhiltsov, Igor Zonn, Marina Soilemezidou</i> . The Problems of the International Legal Status of the Caspian Sea: Mechanisms for the Resolution	74
<i>Adelina Nogmova</i> . Contemporary Russian Foreign Policy in Caspian Region: geopolitical prospects	85
<i>Anna Makilova</i> . Role of the cross-border rivers in development of the states of Central Asia	96
<i>Vahid Hosseinzadeh</i> . The development of Russian-Iranian cooperation in the Caspian region: case study of the transport corridor "North — South"	102

HISTORY AND RELIGION

<i>Andrey Grebenyuk, Irina Kolosova</i> . Touches to the Portrait of the Knights-Crusaders	106
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Tatiana Zakaurtseva, Elena Solntseva</i> . Eurasian studies at Astana Club — 2017	121
Notice to the authors	126

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тернистый путь европейской интеграции

Т.Н. Мозель

Татьяна Николаевна Мозель, доктор политических наук, проректор по вопросам повышения квалификации и профессиональной переподготовки Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: интеграционные процессы получили широкое распространение в современном мире. Наиболее продвинутым интеграционным объединением на сегодняшний день является Европейский союз, за 60 лет своего существования поэтапно прошедший ряд стадий углубления и географического расширения. Однако в настоящее время ЕС переживает разноплановый кризис, преодоление которого стало основной задачей его руководства и государств-участников.

Ключевые слова: интеграция, Евросоюз, США, миграция, легитимность, солидарность, санкции, Brexit, реформы.

Abstract: integration processes have become widespread in the modern world. The most advanced integration association to date is the European Union, which for 60 years of its existence has gradually passed through a number of stages of deepening cooperation and geographical expansion. However, at present the EU is experiencing a multifaceted crisis, the overcoming of which has become the main task of its leadership and the participating states.

Key words: integration, the European Union, the United States, migration, legitimacy, solidarity, sanctions, Brexit, reform.

В течение последних десятилетий одной из ведущих мировых тенденций стала межгосударственная интеграция, тесно связанная с другим,

более широким геоэкономическим процессом — глобализацией. Интеграция дает реальную возможность обеспечить мирное сосуществование и развитие государств посредством таких мер, как укрепление национальной экономики в рамках совместно реализуемых проектов, расширение торговли, свободное перемещение капиталов, услуг и людей, развитие культурных и образовательных обменов, координируемое политическое взаимодействие на мировой арене.

В соответствии с логикой интеграции государства-члены передают часть своих суверенных прав в пользу создаваемой и единой для всех институциональной структуры с тем, чтобы обеспечить учет и реализацию их общих интересов. Особо широкое распространение региональная интеграция получила в различных частях земного шара после Второй мировой войны как способ решения прежде всего экономических и социальных задач, для сглаживания противоречий между отдельными государствами путем развития экономических, социальных и гуманитарных связей.

Этот процесс, с одной стороны, объективно давал государствам более широкое поле для взаимодействия и сотрудничества на субрегиональном, региональном и мировом уровнях, а с другой — предоставлял сильнейшим участникам международных отношений возможности воздействовать на происходящие в мире процессы.

Зародившаяся на европейском континенте интеграция приобретала различные формы и охватывала определенные сферы взаимодействия. В марте 1948 г. пять западноевропейских государств (Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды и Франция) заключили так называемый Брюссельский пакт. Его главной целью было заявлено развитие экономического, социального и культурного сотрудничества. Однако сущностью этого документа стало именно создание системы коллективной самообороны против возможного агрессора (в первую очередь СССР).

Необходимость экономического объединения была признана и на востоке Европы, где в январе 1949 г. СССР и большинство стран Восточной Европы декларировали заключение экономического союза — Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Реакция Соединенных Штатов и ведущих европейских государств выразилась в образовании в апреле 1949 г. военно-политического союза — Организации Североатлантического договора (НАТО). Создание НАТО стало одним из первых шагов на пути перехода к конфронтации Запада с социалистическим блоком. Согласно договору между странами НАТО, одной из декларированных целей альянса является обеспечение сдерживания любой формы агрессии в отношении территории любого государства — члена НАТО или защиту от нее. Изначально альянс создавался как структура, призванная противодействовать политике СССР

и возможному возрождению военных устремлений капитулировавшей Германии. Таким образом, НАТО своим существованием цементировала неразрывную связь США и Западной Европы в противостоянии социалистическому лагерю.

Вместе с тем США и Евросоюз объединяет не только совместное участие в военно-политическом альянсе НАТО, но и другие факторы: экспорт идей глобализации, мультикультурализма, во многом согласованная внешняя политика, совместная, борьба против многополярного мира, информационная война против России.

Не случайно второй структурой, возникшей на европейском континенте в мае 1949 г., стал Совет Европы¹. В его задачу входило создание возможности объединить усилия для защиты общих ценностей, прав и свобод жителей континента. По сути, созданием организации ставилась задача воспитания «нового европейца», терпимо воспринимающего жителей соседних стран и готового соучаствовать в строительстве единой Европы.

Импульсом к началу экономической интеграции в Европе послужил План Маршалла (официальное название — «Программа восстановления Европы»), который способствовал восстановлению разрушенных во Второй мировой войне европейских экономик с помощью американских кредитов и других форм помощи, но одновременно ставил большую часть Европы в зависимость от США. Однако объединительный сценарий отличался от масштабного интеграционного проекта США².

Локомотивом европейской интеграции стало созданное в 1957 г. Европейское экономическое сообщество, отцы-основатели которого благоразумно рассчитали, что экономические рычаги смогут и должны выстроить и направить объединение в нужное русло взаимной заинтересованности и, как результат, взаимозависимости. В Европе эти процессы стимулировались необходимостью скорейшего восстановления разрушенного войной хозяйства, а также осознанием недопустимости новых вооруженных конфликтов. Тесное взаимодействие в экономической области было призвано стать базисом безопасности и политической стабильности интеграционного объединения³.

¹ Министры иностранных дел Бельгии, Дании, Франции, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Великобритании на конференции в Лондоне подписали соглашение о создании Совета Европы (СЕ) и Устав СЕ.

² План Маршалла охватывал в различной степени 18 европейских стран, в то время как членами ЕЭС изначально стали лишь шесть из них.

³ Зарождение интеграционных процессов в Европе относится к 1920-м гг., когда был подписан Договор о создании Бельгийско-Люксембургского экономического союза (БЛЭС), к которому впоследствии присоединились Нидерланды, и в результате образовалось фактическое ядро будущего ЕЭС — Бенилюкс.

В итоге ЕЭС, преобразованное в 1992 г. в Европейский союз, за годы своего существования продемонстрировало высокую степень эффективности интеграции. Он по праву считается одним из наиболее успешных интеграционных проектов современности, несмотря на многие трудности, преодоление которых можно также отнести к успехам объединения. Особенностью западноевропейской интеграции является ее **институционализация**, которая формируется в условиях пионерной роли государств, правительств, создающих влиятельные международно-государственные органы.

Анализируя европейскую интеграцию как своего рода практическое пособие для других регионов, включая постсоветское пространство, необходимо иметь в виду поэтапный, поступательный характер процесса интеграции, которому присущи определенные отступления и откаты. Само понятие «интеграция» как экономическая категория все еще носит достаточно абстрактный характер, поскольку нигде в мире пока не произошло объединения группы стран в полноформатное государственное образование. Следовательно, интеграция — это процесс объединения, а не конечный результат.

Это признают и современные европейские политики, зачастую склонные к пафосным оценкам деятельности Союза. Председатель Европейского совета Дональд Туск заявил: «Евросоюз — это не лозунги, процедуры и правила. Наш союз — гарантия того, что свобода, достоинство, демократия и независимость уже не мечты, а повседневная реальность». В то же время, выступая на саммите 60-летия ЕС, он напомнил, что потребовались десятилетия, чтобы добиться единства Европы, и уйдет совсем немного времени, чтобы его уничтожить. «Европа как политический субъект либо объединится, либо исчезнет совсем», — предупредил он [1].

Хотя ЕЭС создавалось как экономическое объединение, формирование институтов, свойственных национальному государству, свидетельствует о том, что перспективной целью ЕЭС/ЕС было выстраивание полноценных наднациональных институтов, аналогичных внутригосударственным. Созданная институциональная система органов управления с многочисленным аппаратом призвана отвечать многообразию задач, стоящих перед ЕС, в сложных согласованиях находить приемлемые для всех стран-членов решения и соответствовать изменяющимся мировым и внутренним реалиям.

С 1970-х гг. в сферу компетенций ЕЭС вошли ранее не поднимавшиеся вопросы культуры и образования, в дальнейшем оформленные в конкретные программы и документы. Данное направление особо актуализировалось вследствие усложнения культурно-цивилизационного состава Европейского союза, произошедшего в результате значительного

расширения объединения за счет трех бывших прибалтийских республик СССР и европейских стран распавшейся социалистической системы. Свою лепту в изменение этнического и религиозного состава европейских обществ внесли многочисленные иммигранты, осевшие в странах ЕС и продолжающие прибывать в Европу.

Поэтапное расширение ЕЭС/ЕС означало геополитическое наступление идеологии и практики интеграции, привлекавшей потенциальных членов своими ценностными установками и успехами в экономической и социальной сферах. Что касается основной причины присоединения к ЕС стран бывшего социалистического блока и бывших республик СССР, то были, безусловно, политические соображения, продиктованные не столько потребностями европейской экспансии, сколько главным образом настойчивыми «рекомендациями» Соединенных Штатов.

Очередным решающим этапом развития европейского объединения стала разработка концептуальных и организационных основ программы внешней политики и политики безопасности, а также политики в сфере безопасности и обороны. На саммите Европейского союза в 1992 г. в Мaaстрихте были определены основные цели и задачи общей европейской внешней политики. Она базируется на принципах взаимной информации, консультаций, согласования внешнеполитического курса стран Евросоюза, на выработке общих позиций и совместных действий по отношению к тем или иным событиям международной жизни, общей внешнеполитической стратегии.

Несмотря на очевидные успехи Евросоюза на пути интеграции к своему 60-летнему юбилею, отмечавшемуся в 2017 г., он подошел с целым букетом нерешенных проблем. Самыми болезненными их симптомами стали предстоящий выход Великобритании из состава ЕС (Brexit), предопределенный референдумом, и миграционный кризис 2014–2016 гг., а также неустойчивость финансовой системы объединения, дефицит управляемости, самоидентификации граждан, лидерства и солидарности и др.

Показатели кризиса накапливались задолго до наступления момента истины, то есть осознания европейской элитой всех сложностей дальнейшего развития объединения. Еще в 2007 г., когда отмечался полувековой юбилей Европейского объединения в Берлине¹, прозвучали тревожные сигналы о необходимости проведения реформ, обновления общих принципов европейского сообщества, принятия новых правил, чтобы организация могла играть более заметную роль в мире. Расширение Евросоюза до 28 членов создавало проблемы с процессом принятия решений, функционированием руководящих органов и институтов ЕС. Попытка решить

¹ Именно Германия председательствовала в тот период в Евросоюзе.

проблему путем принятия Конституции для Европы, призванной играть роль основного закона Европейского союза и заменить все прежние учредительные акты ЕС, не увенчалась успехом. Документ, подписанный в Риме 29 октября 2004 г., не получил поддержки на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г., что вызвало тогда серьезный кризис объединения.

Тем не менее, так и не одобрив проекта Конституции, ЕС весьма оперативно нашел компромиссное решение — принятие Лиссабонского договора, вступившего в силу 1 декабря 2009 г. При этом из текста проекта Конституции были изъяты спорные для многих участников объединения упоминания о христианских ценностях Европы и о дальнейшем расширении ЕС¹. Вместе с тем на его основе в Евросоюзе была создана полноценная внешнеполитическая служба во главе с Высоким представителем ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности (фактически министром иностранных дел ЕС), наделенным весьма широкими полномочиями. Учреждение поста координатора внешнеполитического курса и Внешнеполитической службы не предполагает полную передачу функций по осуществлению внешней политики стран-членов Евросоюзу, поскольку Высокий представитель должен согласовывать свои решения с министрами иностранных дел стран-членов. Здесь отчетливо просматривалось сопряжение самостоятельного внешнеполитического курса европейских стран, участвующих в интеграции, и общих интеграционных устремлений.

Экономический кризис 2008 г. выявил, помимо прочего, ущербность введенной в обращение единой валюты без проведения других финансовых преобразований, в первую очередь без одновременной унификации в области бюджетной политики и регулирования [2]. Тогда руководство Евросоюза признало актуальность трансформации системы принятия решений, укрепления финансовой дисциплины, перераспределения полномочий существующих органов, однако этому препятствуют как объективные, так и субъективные факторы в составе ЕС.

Предполагается, что в случае возникающих неординарных ситуаций, подобных миграционному кризису 2014–2016 гг. или необходимости оказания финансовой поддержки более слабым членам сообщества, население этих стран должно с пониманием относиться к возможному

¹ Последнее обстоятельство напрямую касается перспективы вступления Турции в Евросоюз, переговоры о котором идут с 1959 г., однако решению этой проблемы препятствует ряд трудноразрешимых противоречий между ЕС и Турцией («армянский вопрос», членство Кипра, демографический фактор, политика Реджепа Тайипа Эрдогана).

материальному самоограничению ради поддержания внутренней экономической и социальной стабильности в регионе. Опыт ЕС показывает, что пока подобного единения не происходит, и граждане наиболее преуспевающих государств болезненно воспринимают систему распределения средств, ущемляющую их интересы, снижающую уровень их благосостояния, конкуренцию на рынке рабочей силы. Граждане отстающих в своем экономическом развитии стран, напротив, выражают недовольство системой квот на размещение беженцев, зачастую испытывают чувство неполноценности в рамках объединения.

Нет ответа и на вопрос о культурно-цивилизационном единстве, от которого во многом зависит разрешение глобальных кризисов современности. Речь идет о способности Европы достойно ответить на вызов международного терроризма, основными субъективными факторами которого являются протест бедных стран против глобализации, плодами которой они не могут воспользоваться, возникновение исламского радикализма, идеологически подпитывающего международный терроризм как реакцию на попытку вестернизации мусульманского мира, на многолетнее пренебрежение его интересами со стороны богатейших стран Запада. Таким образом, вопрос идентичности, культурного и цивилизационного единства не замыкается лишь на самовосприятии европейцев как единого сообщества, а затрагивает и внешнеполитическую сферу, и политику безопасности Евросоюза. Принятию оперативных решений в немалой степени препятствуют забюрократизированность деятельности объединения, запутанность полномочий, относящихся к различным органам и структурам ЕС.

Углублению кризиса способствовали и внешние факторы. Резкое ухудшение отношений с Россией после добровольного присоединения Крыма и вследствие украинского кризиса, введение санкций против Российской Федерации негативно сказались не только на российской, но и на европейской экономике¹.

Непредвиденным обстоятельством для руководителей европейских государств и ЕС стало избрание Д. Трампа на пост президента США. Его резкие выступления в ходе предвыборной кампании и в первые дни президентства относительно того, что ему безразлична судьба Евросоюза [3], обескуражили и без того напрягшихся европейских лидеров, делавших безальтернативную ставку на Хиллари Клинтон. Президент США дал ясно

¹ По данным Идриса Джжазири, спецдокладчика ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека, ЕС за период с 2014 г. потерял из-за санкций в два раза больше, чем Россия, то есть более 100 млрд долл.

понять, что считает Германию торговым конкурентом Америки и выразил убеждение, что ФРГ не только поставила себе на службу ЕС в экономическом плане, но и «бездарно руководит им», втянув другие европейские государства в миграционную авантюру с «этими беженцами», чем добилась Brexit, который он назвал «великим шагом», и создала предпосылки для выхода новых стран из ЕС, что будет означать его конец в нынешнем виде [4].

В сфере безопасности Д. Трамп вознамерился пересмотреть отношения с НАТО, обязав европейских членов НАТО вносить положенные 2% в бюджет альянса. По его убеждению, НАТО — это устаревшая организация, во-первых, потому что она была учреждена много, много лет назад, во-вторых, из-за нежелания многих стран полноценно оплачивать свое членство. К тому же, по его мнению, НАТО «не ведет борьбу с терроризмом» [5]. Была поставлена под сомнение и судьба Трансатлантического соглашения о торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), разработка которого продолжалась несколько лет. Дискуссия о заключении соглашения свидетельствует о неопределенности дальнейшего развития Евросоюза.

Именно неопределенность характеризует современное состояние Евросоюза. Возникшая как следствие целого ряда кризисов, обрушившихся на ЕС в последние годы, она ведет Союз не к распаду, но к неизбежной внутренней трансформации [6].

В канун 60-летнего юбилея стало очевидно, что строительство общего европейского дома будет неминуемо порождать новые проблемы, и, возможно, именно сейчас он переживает самое серьезное испытание за время своего существования. Это открыто признают уже не только евро-скептики и главы отдельных стран, но и высшие руководители самого Евросоюза. Более того, по мнению многих аналитиков, проблемы переросли в глубокий кризис; имеется в виду сочетание целого ряда симптомов, требующих серьезного вмешательства. Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер, выступая в сентябре 2016 г. с докладом о состоянии дел в Евросоюзе, заявил, что ЕС, по крайней мере частично, находится в состоянии экзистенциального кризиса. По его мнению, очевидно, что никто не ожидает распада Евросоюза, но он должен существенным образом измениться, чтобы продолжить интеграционный проект.

С этой целью в канун 60-летия руководство ЕС обнародовало ряд программных документов, нацеленных на реформирование, восстановление внутреннего единства и укрепление позиций Евросоюза в мировых делах. Ж.-К. Юнкер опубликовал «Белую книгу», в которой поделился своим видением дальнейшего взаимодействия 27 членов ЕС (уже без Великобритании). Документ был представлен на обсуждение Европарламента

1 марта 2017 г. и позиционировался как вклад Еврокомиссии в Римский саммит, как начало программы будущего развития стран ЕС по пяти сценариям [7].

Из предложенных Юнкером вариантов развития ЕС лидеров Германии, Франции, Италии и Испании более других устраивал бы третий принцип «Европы разных скоростей». Тот факт, что судьбоносные решения принимались узким кругом руководителей Евросоюза, подтверждает, что Европа разных скоростей фактически уже существует. Отвечая на критику данного принципа, председатель Еврокомиссии пояснил: «Я хочу очень ясно повторить: наша цель не в том, чтобы создать новый “железный занавес” между Востоком и Западом в Европе. Наша цель — объяснить, что не все могут или хотят продвигаться одинаковым образом в вопросе европейской интеграции» [8]. Фактически, это откровенное признание преждевременности и несостоятельности «скоростного» расширения Евросоюза на Восток. Реализация этого сценария неизбежно вызовет фрустрацию у менее продвинутых членов объединения, и без того противящимся некоторым решениям Брюсселя.

Развернувшаяся внутри Евросоюза дискуссия о будущем организации после выхода из нее Великобритании побудила руководство ЕС подготовиться к празднованию 60-й годовщины Декларацию о том, как сделать блок более «безопасным, процветающим, социальным и сильным». Текст документа обсуждался главами государств и правительств единой Европы на саммите ЕС 10 марта 2017 г. в Брюсселе без участия Соединенного Королевства [9]. Однако из-за негативной позиции Польши относительно переизбрания Дональда Туска на пост председателя Европейского совета Декларация не была принята, хотя в Риме на юбилейной встрече ее все же одобрили.

Попыткой ответа на новые угрозы и вызовы стала приуроченная к юбилею новая «Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности. Общее видение, общее действие: более сильная Европа». Она была представлена главой Внешнеполитической службы Федерикой Могерини на рассмотрение участников саммита ЕС в Брюсселе 28 июня 2016 г.

Стратегия внешней политики и политики безопасности, которая не обновлялась с 2003 г., фиксирует ключевое изменение, произошедшее в европейском восприятии мира, определяет задачи ЕС на внутреннем, региональном и глобальном уровнях, подчеркивая необходимость вовлечения соседних стран в партнерское взаимодействие. Ставя высокие цели обеспечения мира, процветания Евросоюза и благосостояния и безопасности его граждан, Могерини настойчиво призывает к укреплению единства Союза.

Документ содержит в себе пять приоритетов, по которым Евросоюз будет разворачивать свою деятельность:

- собственная или внутренняя безопасность ЕС;
- государственная и общественная гибкость в зоне Восточного и Южного соседства;
- единый подход к конфликтам и кризисам;
- региональный порядок, строящийся на сотрудничестве, или устойчивый региональный порядок;
- эффективное глобальное правление XXI века [10].

Россия в документе упоминается в разделе «Европейская система безопасности Евросоюза», где выстраивание отношений с Россией рассматривается как «ключевой стратегический вызов для Евросоюза». Сам термин «вызов» (challenge) стал отступлением от формулировки Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1997 г., где эти отношения квалифицировались как стратегическое партнерство. В обновленной Ф. Могерини Стратегии утверждается, что ЕС «не признает незаконное присоединение Крыма со стороны России и дестабилизацию востока Украины». Жестким условием сплочения членов Евросоюза является установка на солидарность: краеугольный камень стратегии европейских государств по отношению к РФ — это единство подходов всех стран — членов ЕС.

На фоне этих реляций весьма «несвоевременно» произошел референдум о самостоятельности в Каталонии. Референдум поставил не только Испанию, но и весь Европейский союз перед очередным (после референдума в Шотландии в марте 2017 г., правда, с иными целями и результатами) вызовом: признавать или нет выбор отдельно взятой территории и проживающего на ней населения. Ранее в ЕС решали подобный вопрос, исходя из политической целесообразности (признание независимости Косово без всякого референдума и вопреки жесткой позиции Сербии и категорическое непризнание референдума в Крыму в пользу воссоединения с Россией). В обоих случаях позиция Брюсселя (и Вашингтона) отвечала задачам противодействия России и ее союзникам.

В то же время в документе подчеркивается, что Европейский союз и Россия взаимозависимы, поэтому необходимо пойти навстречу России, чтобы обсуждать противоречия и сотрудничать, если и когда наши интересы будут совпадать. Документ перечисляет возможные направления взаимного сотрудничества между Евросоюзом и Москвой: климатическая политика, Арктика, безопасность на море, образование, научные исследования и «пограничное сотрудничество». «Евросоюз также будет продвигать сотрудничество, включающее укрепление связей между сообществами через упрощенные правила въезда для студентов, представителей гражданского общества и бизнесменов», — утверждается в документе.

Определенную заинтересованность ЕС в поддержании диалога с Россией глава европейской дипломатии Федерика Могерини продемонстрировала, побывав с кратким визитом в Москве в апреле 2017 г. Еврокомиссар отметила, что ее первый приезд в РФ в этой должности является демонстрацией того, что отношения между Евросоюзом и Россией не являются замороженными. В беседе с главой МИД РФ Сергеем Лавровым Могерини затронула вопросы взаимодействия ЕС с РФ по нескольким направлениям: ядерная программа Ирана, двусторонние отношения РФ и Евросоюза, ситуация в Донбассе, военный и гуманитарный кризисы в Сирии, Ливии, Афганистане. Вместе с тем на пресс-конференции по итогам встречи с Сергеем Лавровым она заявила о наличии принципиальных разногласий по разрешению украинского кризиса между Евросоюзом и Россией, в то время как российский министр иностранных дел подчеркнул нацеленность России на восстановление полноформатного сотрудничества с Европейским союзом [11]. В целом по итогам встречи стороны отметили, что, несмотря на санкционную политику ЕС в отношении РФ, взаимовыгодное сотрудничество продолжит выстраиваться на основе объективной взаимосвязи экономик и территориального соседства.

Российский фактор парадоксальным образом может стать одним из стимулов консолидации Евросоюза. На это обратил внимание Е.П. Бажанов: «Вновь вышел на передний план российский фактор. Окрепшая, с растущими лидерскими амбициями Россия воспринимается многими в Европе как потенциальная политическая и экономическая угроза, противостоять которой можно лишь сообща. Такие настроения обильно подпитываются новыми восточноевропейскими членами ЕС, выходцами из советского лагеря. Самостоятельное, вне рамок Запада, существование по соседству с могущественной Россией их пугает» [12].

Хотя фокус внимания России все больше смещается в Евразию, европейское направление остается крайне важным. Россия заинтересована в экономически сильном и менее политизированном Европейском союзе, с которым можно было бы взаимодействовать на основе прагматизма. Ключом к налаживанию сотрудничества могут быть практические проекты, а также использование потенциала диалога по линии ЕС — ЕАЭС. Это отвечает и интересам ЕС, для которого возвращение к технократическому подходу вместо излишней политизации может стать основой для сглаживания противоречий внутри Союза.

До недавних пор деятельность ЕС осуществлялась по большей части посредством притягательной силы своей экономики, уровня благосостояния населения и других ценностей. Новая стратегия предлагает сосредоточить усилия на обороне, борьбе с терроризмом и киберпреступлениями, энергетике и стратегических коммуникациях. ЕС будет уделять больше

внимания вопросам безопасности и созданию собственной оборонной системы. Одновременно документ настаивает на том, что НАТО остается главной опорой в сфере безопасности для большинства государств — членов ЕС. Это, очевидно, должно приглушить дискуссию о создании европейской армии ЕС, в пользу которой выступал и председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер. Накануне юбилейного саммита в рамках «инвентаризации» накопившихся проблем и в новых внешних условиях деятельности Евросоюза в Брюсселе вновь вспомнили о необходимости создания европейской армии как символа самостоятельности, легитимности и весомости объединения [13].

Вооруженные силы и военно-промышленный комплекс необходимы Евросоюзу как для внутреннего, так и для внешнего самоутверждения в качестве единого и мощного объединения, способного в случае необходимости обеспечить собственную безопасность и проецировать силу на другие регионы мира [14]. Поскольку оперативно создать такие силы не представляется возможным, аналитики и политики предлагают ЕС оказывать поддержку НАТО как главному гаранту безопасности и обороны Европы, одновременно создавая свои дееспособные военные структуры, действующие в координации с натовскими.

Проблемы, которые накопились у Евросоюза, квалифицируются многими аналитиками как глубокий и многоплановый кризис, что послужило поводом для самых мрачных прогнозов относительно возможного и недалекого распада ЕС [подр. см.: 15]. Безусловно, единая Европа переживает не лучшие времена, столкнувшись одновременно с внутренними неурядицами, внешнеполитическими и глобальными вызовами. Важно в этой ситуации не увлечься сценариями наихудшего развития событий, приписывающих Евросоюзу безысходность и перспективу его распада.

Главное, что смогли сделать лидеры ЕС, — это вполне трезво оценить масштабы кризиса, о чем открыто говорится в документах, подготовленных к саммиту 60-летия объединения. Предлагаемые варианты решения проблем и в целом выбора пути дальнейшего развития, обращение к общественному обсуждению предложенных инициатив свидетельствуют о стремлении руководства преодолеть по крайней мере кризисы легитимности, солидарности, нигилизма и национализма. Это позволяет оценить хотя и запоздалое, но вполне трезвое осознание общеевропейским руководством самого факта наличия проблем.

История развития ЕС, начиная с 1950-х гг., — это история преодоления кризисов [16]. На каждом этапе объединенная Европа находила способы преодоления кризисных ситуаций, отступая назад или переформируя поставленную задачу. Пройдя через горнило непростых и небыстрых реформ, зрелый 60-летний Евросоюз, в создание которого вложены

огромные интеллектуальные, организационные и финансовые средства большей части европейских государств, стремится обрести обновленный образ и создать очередную действенную «дорожную карту».

Источники и литература

1. 60 лет идеи ЕС. Союз в кризисе. Идеи нет. — Режим доступа: <https://oko-planet.su/finances/financesnews/363467-60-let-idei-es-soyuz-v-krizise-idey-net.html> — Дата обращения: 2 ноября 2017.
2. Романова Т.А. Кризисы Европейского союза и его будущее. — Режим доступа: <https://oko-planet.su/politik/politikmir/336460-krizisy-evropeyskogo-soyuza-i-ego-budushee.html> — Дата обращения: 2 ноября 2017.
3. Два шокирующих интервью Трампа. — Режим доступа: <http://www.russiapost.su/archives/101900> — Дата обращения: 4 ноября 2017.
4. Трамп подписал и огласил смертный приговор Евросоюзу. — Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/tramp-podpisal-i-oglasil-smertnyj-prigovor-evrosojuzu_44592 — Дата обращения: 2 ноября 2017.
5. Дональда Трампа приняли как угрозу. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3194803> — Дата обращения: 3 ноября 2017.
6. Неопределенное будущее Евросоюза: что делать России? — Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/неопредelyенное-budushchee-evrosoyuza/> — Дата обращения: 2 ноября 2017.
7. Пять сценариев развития: Юнкер запускает дискуссию о будущем ЕС. — Режим доступа: <https://news-front.info/2017/03/03/pyat-stsenarijev-razvitiya-yunker-zapuskaet-diskussiyu-o-budushhem-es/> — Дата обращения: 3 ноября 2017.
8. Юнкер вновь предостерег от неверного толкования «Белой книги» ЕК о сценариях будущего развития Евросоюза. — Режим доступа: <https://www.interfax.by/news/world/1221477> — Дата обращения: 2 ноября 2017.
9. Draft Rome text goes soft on 'multi-speed' EU. Upcoming event in Rome to mark 60 years of European integration (Photo: europarl.europa.eu) By Jean Comte and Eric Maurice. BRUSSELS. — Режим доступа: <https://euobserver.com/institutional/137163> — Дата обращения: 2 ноября 2017.
10. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy, June 2016, p. 9. — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf — Дата обращения: 3 ноября 2017.
11. Могерини отметила наличие глобальных разногласий ЕС и России по Украине. — Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2017/04/24/mogerini-otmetila-nalichie-globalnykh-raznoglasiy-es-i-rossii-po-ukraine.html> — Дата обращения: 2 ноября 2017.
12. Бажанов Е.П. ЕС: будущая «сверхдержава» или плод политических интриг? — Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2009-12-23/8_es.html — Дата обращения: 4 ноября 2017.
13. Европейская, единая, своя. Реализуется ли идея европейской армии. 2015. 26 марта. — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/03/25/euroarmy/> — Дата обращения: 2 ноября 2017.

14. *Техау Ян*. Великая трансатлантическая сделка // Военно-промышленный курьер. 2012. № 29 (446). — Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/9070> — Дата обращения: 4 ноября 2017.
15. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. *Т.В. Зверева*. М.: Дипломатическая академия, 2017.
16. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // Обозреватель — Observer. 2009. № 9 (236). С. 6–15.

Парламентские выборы в Австрии в контексте миграционной политики ЕС

М.М. Мурашко

Марина Михайловна Мурашко, аспирантка Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье анализируются результаты досрочных выборов в парламент Австрии в октябре 2017 г., которые были вызваны неспособностью правящей коалиции консерваторов и социал-демократов договориться по ключевым политическим вопросам. Исход голосования выявил существенные изменения в электоральных позициях австрийцев. Сложились условия для формирования коалиционного правительства консерваторов и правонационалистических сил, которые выступают против политического курса Брюсселя в отношении урегулирования миграционных потоков. Тем не менее итог парламентских выборов не следует рассматривать как фактор, способный повлиять на миграционную политику Евросоюза.

Ключевые слова: Австрия, парламентские выборы, партии, Евросоюз, миграционная политика, миграция, интеграция.

Abstract: the article analyzes the results of legislative elections in Austria in October 2017, which were caused by the inability of the governing Conservative-Liberal Democrat coalition to agree on key political issues. There have been significant changes in the electoral positions of the Austrians. Thus, a coalition government of conservatives and right-nationalist opposed Brussels' migration policy might be form. Nevertheless, the outcome of the legislative elections should not be viewed as a factor that can affect the migration policy of the European Union as a whole.

Key words: Austria, legislative elections, parties, European Union, migration policy, migration, integration.

Состоявшиеся в октябре 2017 г. парламентские выборы в Австрии проходили в условиях самого масштабного миграционного кризиса со времен Второй мировой войны, пик которого пришелся на вторую половину 2015 г. [1: 252]. Несмотря на то, что около 80% от количества прошений о предоставлении убежища приходится на долю таких стран, как Германия, Франция, Италия, Великобритания, Бельгия и Швеция [2: 4], миграционные

потоки неблагоприятно отразились и на такой небольшой и благополучной центральноевропейской стране, как Австрийская Республика. Выступая в качестве транзитной зоны, Австрия получила в 2015 г. около 88 тыс. заявлений на прошение об убежище [4], что стало рекордным показателем с момента вступления страны в ЕС в 1995 г. Несмотря на то, что количество ходатайств в 2017 г. сократилось почти в четыре раза, Австрия по-прежнему уступает только Люксембургу по общему количеству мигрантов в соотношении к численности населения страны, заняв второе место среди стран Евросоюза [5].

Результаты голосования в Национальный Совет

Результаты голосования на парламентских выборах отразили настроения австрийцев в отношении миграционных процессов на европейском континенте. Согласно конституции Австрии, парламент республики состоит из двух палат. Выборы в нижнюю палату (Национальный Совет) проходят раз в пять лет [6]. Так, следующие парламентские выборы должны были состояться не ранее осени 2018 г. Однако уже в мае 2017 г. министр иностранных дел Себастьян Курц принял решение о проведении досрочных выборов в Национальный Совет. Причиной для подобного решения стал правительственный кризис, выразившийся в неспособности партий правящей коалиции социал-демократов и консерваторов договориться по основным политическим вопросам [7].

Основная борьба на выборах проходила между тремя крупными партиями страны: *Социал-демократической партией Австрии* (СПА) под руководством действующего главы кабинета министров и председателя партии Кристиана Керна, консервативной *Австрийской народной партии* (АНП), лидером которой является министр иностранных дел страны и глава АНП Себастьян Курц, а также оппозиционной националистической *Австрийской партии свободы* (АПС) во главе с Хайнцем-Кристианом Штрахе.

Результаты голосования можно охарактеризовать как беспрецедентные. Победу одержали консерваторы: АНП набрала 31,6% голосов, таким образом превзойдя на 7,5% собственный результат по сравнению с последними выборами в парламент в 2013 г. Такой высокий результат партия достигла второй раз с 1966 г. [4] Второе место получила левоцентристская СПА, за которую проголосовало 27% избирателей, что практически не отличается от результатов прошлых парламентских выборов. Более того, количество набранных голосов в 2013 г. оказалось самым низким в истории партии [8]. Прорывным оказался результат для националистической АПС. В 2017 г. в ее поддержку выступило 26% избирателей. В 2013 г. за правопопулистскую партию проголосовало 20,5% австрийцев. Теперь на-

ционалистическая партия имеет все шансы выступить в качестве второй политической силы страны, чего прежде ей еще никогда не удавалось достичь. Помимо этого, по результатам голосования в Национальный Совет прошли либеральная партия «Новая Австрия» и «Список Петера Пильца», учрежденный как партия в 2017 г. бывшим депутатом от «Зеленых». Партии набрали 5,3 и 4,4% голосов избирателей соответственно. Прошедшие выборы стали серьезным поражением для партии «Зеленых». По результатам голосования их поддержало только 3,8% избирателей (в 2013 г. — 8%). Этого оказалось недостаточным, чтобы преодолеть установленный Конституцией 4% барьер и войти в состав нового правительства [8]. Таким образом, «Зеленые» впервые за 30 лет с момента основания партии будут отсутствовать в национальном парламенте.

Для политической культуры Австрии характерна высокая степень вовлеченности граждан в политические процессы республики [9]. Со времен окончания Второй мировой войны уровень участия в парламентских выборах едва ли опускался ниже 75%. Общая явка в 2017 г. составила 80% [10]. Такой показатель дает основания сделать вывод о том, что австрийское общество в высшей степени озабочено перспективами своего дальнейшего развития в свете миграционного кризиса. Согласно опросам общественного мнения, именно приток нелегалов представляет главную социально-политическую проблему для республики [11].

Обеспокоенность австрийцев сложившейся ситуацией сказалась на результатах голосования на региональном уровне еще в 2015 г. Тогда Австрийская партия свободы (АПС), представленная в лице правых националистов, смогла набрать в ряде федеральных земель рекордно высокие результаты [12]. На следующий год в Австрийской республике проходили выборы на пост президента. Во втором туре оказались представитель той же правопопулистской АПС Норберт Хофер и независимый кандидат, профессор экономики Александр Ван дер Беллен. Несмотря на то, что Хофер не смог одержать победу, факт участия в президентских выборах члена националистической партии вызвал широкий общественный резонанс: это был первый подобный случай со времен окончания Второй мировой войны [12]. Таким образом, прорыв АПС на досрочных парламентских выборах в октябре 2017 г. лишь подтверждает тезис о том, что австрийцы крайне обеспокоены сложившейся ситуацией.

Позиция Австрии в контексте миграционного вопроса

Интеграция и миграционная проблематика стали основными темами в предвыборной кампании консервативной АНП. Так, председатель Себастьян Курц ввел официальный запрет на ношение никаба и бурки в

общественных местах Австрии, утвердил сокращения в предоставлении минимальных социальных льгот для зарегистрированных беженцев и ограничения, касающиеся доступа к разным социальным выплатам из австрийского бюджета в отношении граждан Евросоюза. Курц также выступил с инициативой размещать лагерь для беженцев за пределами Евросоюза [13].

Насколько молодой политик принципиален в вопросах миграционной политики ЕС, свидетельствует его заявление о закрытии национальных границ для «балканского маршрута» на конференции стран Западных Балкан в Вене в 2016 г.¹ Это решение снизило общее количество мигрантов на территории Австрии, чего активно добивался австрийский министр в целях поддержания безопасности и что, в свою очередь, создало трудности для регулирования потоков беженцев из Турции. Теперь они вынуждены перемещаться в направлении Северной Европы в обход австрийских границ. Схожий сценарий ожидает и Средиземноморский путь, по которому в Европу также прибывает множество незаконных беженцев. Вена также выступает за полное прекращение диалога о вступлении Турции в Евросоюз, а не за приостановление переговоров по данному вопросу [14].

Критика в адрес миграционной политики Евросоюза вызывает обеспокоенность в Брюсселе. Теперь группа стран, выступающих против распределения мигрантов по принципу квот, расширилась за счет Австрии. В этом отношении логика принятия последующих политических решений по вопросам общеевропейской миграционной политики будет схожа с позициями Польши, Венгрии, Чехии и Словакии, которые также выступают против действий Брюсселя [1: 273].

Заключение

Несмотря на то, что коалиционное правительство консерваторов и правых националистов стало реальностью для европолитиков, в целом вряд ли исход парламентских выборов в Австрии повлияет на миграционный вопрос в Евросоюзе. В 2017 г. выборы в национальный парламент прошли во Франции, Нидерландах и Германии. Отличительной особенностью выборов в европейских странах стало усиление риторики националистических правых сил [15]. Это означает, что результаты голосования в Австрии свидетельствуют о системном характере нынешнего кризиса политической системы Европейского союза и его неспособности предложить европей-

¹ Данный форум является частью так называемого берлинского процесса — пятилетнего периода регулярных встреч на высшем уровне. На проводимых встречах лидеры стран Евросоюза подтверждают готовность расширять границы ЕС в сторону Западных Балкан.

скому обществу адекватную и консолидированную политику по вопросам урегулирования миграционных потоков. В этом контексте важно учитывать заявления Курца о том, что Австрия выступает за единую и сильную Европу, а европейские ценности являются незыблемыми ориентирами для внешнеполитических решений Альпийской республики [14]. Таким образом, на повестке дня для Австрии скорее стоит вопрос о том, каким образом она готова оказать свой вклад в процесс согласования национальных интересов с общеевропейскими с учетом новых реалий на континенте.

Далеко не последнюю роль в политической жизни Австрии играет фигура президента [3]. Данный пост занимает формально независимый, но поддерживаемый партией «Зеленых» Александр Ван дер Беллен. Помимо того, что он критично относится к любым антииммигрантским и антиисламским инициативам, в соответствии с австрийской конституцией президент Австрии контролирует формирование правительства и может выступать с законодательными инициативами [6]. Это может создать определенные трудности для Курца при проведении своей политики в отношении миграционного вопроса.

Таким образом, исход партийных выборов в Австрии представляет собой значительный интерес, поскольку амбициозному политику Себастьяну Курцу удалось за короткий срок трансформировать консервативную АНП в партию, предвыборные установки которой в наибольшей степени отвечали современным вызовам. Его националистические лозунги импонируют настроениям австрийского избирателя, что в итоге привело его партию к победе, а самому Курцу дало возможность стать самым молодым канцлером в истории Австрии.

Источники и литература

1. Мозель Т.Н. Миграционная политика ЕС и проблема беженцев в современном мире // Россия и современный мир / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016.
2. ЕС перед вызовами миграционного кризиса. Позиции европейских стран / Под ред. Н.К. Курбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
3. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? // Обозреватель — Observer. 2009. № 9 (236). С. 6–15.
4. Anzahl der Asylanträge in Österreich von 2007 bis 2017 // Statista. — Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/293189/umfrage/asylantraege-in-oesterreich/> — Дата обращения: 4 ноября 2017.
5. Statistics explained. Immigration by citizenship, 2015 YB17. Eurostat. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Immigration_by_citizenship,_2015_YB17-de.png — Дата обращения: 4 ноября 2017.

6. Bundes-Verfassungsgesetz // Bundeskanzleramt. Rechtsinformationssystem. — Режим доступа: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000138> — Дата обращения: 11 ноября 2017.
7. Наследники нацистов готовятся к октябрю // Газета.ru. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/16_a_10676825.shtml — Дата обращения: 12 ноября 2017.
8. Nationalratswahl 2017 in Österreich. Ergebnisse bei der Nationalratswahl 2017. — Режим доступа: <http://www.nationalratswahl.at/ergebnisse.html> — Дата обращения: 4 ноября 2017.
9. Das politische System Österreichs. — Режим доступа: https://www.uni-klu.ac.at/wiho/downloads/QoD-text_10.pdf — Дата обращения: 11 ноября 2017.
10. Wahlbeteiligung an den Nationalwahlen in Österreich von 1945 bis 2007 // Statista. — Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/288641/umfrage/wahlbeteiligung-an-den-nationalratswahlen-in-oesterreich/> — Дата обращения: 12 ноября 2017.
11. Welches sind Ihrer Meinung nach die wichtigsten Probleme, denen Österreich derzeit gegenübersteht? // Statista. — Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/284477/umfrage/umfrage-zu-den-wichtigsten-problemen-fuer-oesterreich/> — Дата обращения: 5 ноября 2017.
12. Австрия: президентский марафон 2016 года // Аналитическая записка. 2017. № 1 (74) / ИЕ РАН. — Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an74.pdf> — Дата обращения: 11 ноября 2017.
13. Die österreichische Nationalratswahl 2017 // 2017-1 MIDEM-Bericht. — Режим доступа: https://forum-midem.de/cms/data/fm/user_upload/MIDEM_Bericht_2017-1.pdf — Дата обращения: 11 ноября 2017.
14. Interview mit Außenminister Sebastian Kurz // Glaube.at. — Режим доступа: <http://www.glaube.at/news/politik/oesterreich/article/10094-interview-mit-aussenminister-sebastian-kurz-oevp-oesterreichische-volkspartei/> — Дата обращения: 5 ноября 2017.
15. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. *Т.В. Зверева*. М.: Дипломатическая академия, 2017.

Безопасность во внешней политике ЕС: тренд к обратному возрастанию жесткой силы?

А.А. Ломова

Анастасия Александровна Ломова, аспирант Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье анализируется эволюция подходов ЕС к использованию жесткой силы в свете задач создания союза обороны и европейской армии. Поставлен «ключевой исследовательский вопрос»: каковы параметры феномена милитаризации ЕС, можно ли говорить о нем как о факте и как это может сказаться на ЕС и пространстве евроатлантической безопасности.

Ключевые слова: милитаризация, нормативная сила, Европейский союз.

Abstract: an evolution of the EU vision of hard power in light of the objectives to create the European Defense Union and European army. A “key research question” is raised: what is an EU militarization phenomenon, is it a fact, what this could mean for the EU and Euro-Atlantic security.

Key words: militarization, normative power, European Union.

Введение

Новой целью оборонной политики ЕС стало создание большего военного потенциала для более эффективного реагирования на международные угрозы. Сложившаяся политическая архитектура Европейского союза с его опорой на базовые либеральные ценности, многосторонность и использование экономических инструментов как ключевых во внешней политике (теория комплексной взаимозависимости) нашла свое выражение в акцентировании нормативности в политике обеспечения безопасности ЕС. Однако кризис нормативности привел к возникновению феномена, который можно назвать с известной долей условности «милитаризацией ЕС».

Тренд к милитаризации ЕС

Определенные шаги в военном направлении ЕС предпринимает уже с 1999 г. Общая политика безопасности и обороны (ОПБО) была принята

в качестве одной из базовых сфер, как и сотрудничество полицейских и судебных органов в уголовно-правовой сфере (СПСО) в Маастрихтском договоре, подписанном в декабре 1991 г. Амстердамский договор, подписанный в 1997 г., обеспечил возможность использовать вооруженные силы для выполнения ЕС так называемых Петерсбергских миссий, прежде всего гуманитарных.

В 1998 г. премьер-министр Великобритании Тони Блэр и президент Франции Жак Ширак заявили о необходимости ЕС действовать автономно в условиях международных кризисов. В результате на саммите ЕС в Кельне в июне 1999 г. впервые прозвучало понятие «Европейская политика безопасности и обороны», а в декабре того же года в Хельсинки было решено создать Европейский корпус быстрого реагирования для выполнения Петерсбергских миссий. Ханс Герт Пёттеринг, немецкий политик и бывший председатель Европейского парламента, заявил: «В международной политике политическая творческая сила неизменно связана с военной силой... ЕС должен быть не только актором глобальной значимости в своем желании и риторике, но и обладать средствами и действовать соответствующим образом» [11]. Учитывая это, 1999 г. ознаменовал собой первоначальное начало процесса милитаризации ЕС: на двух саммитах Совета, в Кельне и Хельсинки, было принято решение о создании сил быстрого реагирования, состоящих из более чем десятка бригад по 60 тыс. служащих [10].

В следующем году было начато создание соответствующей инфраструктуры: Военного комитета, военного штаба и Комитета по политическим вопросам и безопасности. В ответ на международную напряженность после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке в Европейском совете Брюсселя в декабре 2003 г. была согласована Европейская стратегия безопасности «Безопасная Европа в лучшем мире». Она обеспечила концептуальную основу для интервенционной ориентации Союза. В том же году состоялись первые военные миссии ЕС под эгидой ОПБО. Уже в то время целью ЕС провозглашалась возможность автономного вмешательства — выполнение более крупных военных операций, без поддержки (и, если необходимо, без одобрения) США. Следующим шагом на пути расширения военного компонента ЕС стало принятие и вступление в силу в 2009 г. Лиссабонского договора. В том же году Барак Обама занял пост президента США и призвал союзников ЕС расширить свой военный потенциал. «Лакмусовой бумажкой» стала война в Ливии в 2011 г.: обширная военная миссия, которая проводилась под руководством Франции и Великобритании, доказала, что страны — члены ЕС все еще не могут действовать автономно, поскольку они не располагали необходимым военным потенциалом для такой операции. Как отмечал еще в 1990 г.

министр иностранных дел Бельгии Марк Эйскенс, «Европа — экономический гигант, политический карлик и военный червь» [20]. Постепенное развитие ЕС столкнуло его лицом к лицу с необходимостью опираться на военные методы.

К настоящему времени Европейский союз имеет богатый опыт разворачивания небоевых миссий в различных частях света. В 2004 г. для усиления потенциала Военного штаба ЕС было принято решение об образовании нового подразделения планирования, состоящего из военных и гражданских специалистов [5: 9]. Перед этим подразделением была поставлена задача оказания содействия в планировании гражданских операций ЕС, а также осуществление планирования при проведении союзом военно-гражданских миссий в Боснии и Герцеговине, Македонии, Конго. В настоящее время Евросоюз осуществляет такие миссии в Сомали, Центральноафриканской Республике и Мали. В марте 2017 г. было принято решение о формировании Центра военного планирования и управления зарубежными небоевыми миссиями Евросоюза, который должен взять на себя командование соответствующими операциями в рамках ОПБО.

В условиях, когда терроризм стал серьезной угрозой для Европы, а Россия и Китай рассматриваются европейцами как потенциальная угроза, выход из состава ЕС главного противника его милитаризации — Великобритании — способно интенсифицировать деятельность по созданию европейских вооруженных сил.

Глобальная стратегия и Брекзит

Глобальная стратегия ЕС 2016 г. четко обозначила вопрос о создании военного потенциала. Предыдущая стратегия 2003 г., где Европа названа столь процветающей, безопасной и свободной, уступила место констатации экзистенциального кризиса внутри самого Европейского союза [1].

До принятия Глобальной стратегии ЕС Франция и Германия опубликовали документ «Сильная Европа в неопределенном мире» [3]. «Сильную» Европу тогдашние министры Германии и Франции Франк-Вальтер Штайнмайер и Жан-Марк Эро видят прежде всего в большей политической интеграции стран — членов ЕС. Более того, обе страны заявили о своей готовности поделиться возможностями спутникового наблюдения с «соответствующими институтами ЕС». В продолжение инициативы было предложено создать Европейский фонд обороны. На заседании Совета ЕС 16 сентября 2016 г. европейские лидеры согласились с так называемой Братиславской повесткой дня — разработать предложения в данном направлении. Из чего можно сделать вывод: Франция и

Германия будут поддерживать использование ОПБО для дальнейшей милитаризации ЕС. Это подтверждает и инициатива министра обороны Германии Урсулы фон дер Ляйен и бывшего министра обороны Франции Жана-Ива Ле Дриана под названием «Обновление ОПБО» [15]. В ходе ежегодного обращения о состоянии дел в ЕС председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер заявил, что «мягкой силы недостаточно» для ЕС, и Союзу необходимо взять на себя ответственность за свою защиту, а не искать ее извне [9].

Высокопоставленная группа политиков, ученых, представителей академических центров, технологических организаций и оборонной промышленности представила доклад о возможностях ЕС поддерживать оборонные программы, относящиеся к Общей политике безопасности и обороны. В докладе указывается: «Европейский союз является глобальным игроком с глобальными интересами и обязанностями. Однако, будучи эффективным игроком, необходимы возможности в критических военных районах и соответствующий уровень стратегической автономии, свобода действий...» [14].

Подобный запрос на стратегическую автономию был указан в Стратегии и Плана действий по обороне Европейского союза, где признается необходимость для Европы в самостоятельной защите своих интересов и создании Союза обороны [8]. Обозначенная в Стратегии цель ЕС — добиться стратегической автономии от НАТО и США — может снизить зависимость европейцев от трансатлантического партнера.

7 июня 2017 г. был создан Фонд Европейской обороны. Он стал первым шагом на пути к становлению самостоятельных оборонных возможностей Европейского союза. Ожидается, что после 2020 г. его годовой бюджет достигнет 5,5 млрд евро. В условиях все более неустойчивой среды создание Европейского фонда обороны является необходимым, но недостаточным шагом к сохранению нынешней и будущей безопасности Европы. Более амбициозные планы в ближайшие годы включают создание европейской армии. В случае если Евросоюз продолжит предпринимать постепенные шаги в направлении создания европейской обороны, вероятен и подобный результат.

Сразу после президентских выборов в США Ж.-К. Юнкер заявил, что США не обеспечат европейскую безопасность в долгосрочной перспективе. И в связи с этим необходимо развивать создание Европейского союза обороны, включая долгосрочную цель создания европейской армии [13]. Верховный представитель ЕС Федерика Могерини была более амбициозна и увидела перспективы для Евросоюза стать поставщиком «глобальной безопасности» на основе сочетания мягкой и жесткой силы [6].

Президент Франции Эммануэль Макрон в свою очередь также четко заявил о желании создать «реальную стратегическую автономию» для обороны ЕС, предупреждая соотечественников о необходимости учиться жить с тем фактом, что Вашингтон хочет в долгосрочной перспективе меньше заботиться о европейской безопасности [18].

Оборонная политика ЕС: вызов НАТО?

Не все страны — члены ЕС поддерживают идею укрепления европейского сотрудничества в области обороны. Так, Литва, Латвия, Эстония и Польша скептически относятся к инициативам, которые направлены на создание европейской армии, воспринимая их как вызов НАТО. Возникает вопрос о том, действительно ли ЕС нужна европейская армия, особенно когда значительное большинство стран — членов ЕС уже являются членами НАТО, и как это соотносится с ОПБО [22: 51].

Теоретик английской школы теории международных отношений Хедли Булл подчеркивал, что «европейским союзникам необходима самостоятельность в обеспечении своей защиты» [4: 152]. Сторонником создания европейской армии является и нынешний председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер. Он неоднократно заявлял, что получение странами-членами возможности объединить военные силы сделает расходы более эффективными и будет способствовать дальнейшей европейской интеграции. Однако, несмотря на возможность создания европейской армии, есть определенные проблемы. Европейские страны не хотят увеличивать военные расходы, поэтому есть сомнения в том, что ЕС может позволить себе свои собственные военные силы: на протяжении многих лет Европа была единственным регионом в мире, где военные расходы сокращались [17]. Миссия в Мали 2013 г. хотя и называлась миссией ЕС, имела поддержку только десяти стран-членов и возглавлялась Францией. Мнения стран — членов ЕС о том, как добиться мирного урегулирования в Ливии, существенно расходятся. Франция и Великобритания хотели военного сотрудничества, в то время как Германия выразила скептицизм по этому поводу. Взаимное согласие по военным вопросам является сложной задачей для стран — членов ЕС.

Противоречия между Францией и Великобританией при построении основ для ОПБО заключались в разночтениях вопроса влияния США на европейскую политику [21]. Франция стремилась к созданию более автономного от США союза, тогда как Великобритания считала, что политика, которая согласуется с американскими позициями, будет более предпочтительной. Британия является верным союзником США, поддерживающим американскую гегемонию в Европе. Это актуально и сегодня, учитывая заявления американского президента [16].

Задачи ОПБО и задачи НАТО

Из 28¹ стран — членов ЕС 22 являются членами НАТО. На пути ОПБО стоит не столько отсутствие общей европейской армии, сколько разногласия между ними. Если НАТО можно рассматривать как военный актор, то ОПБО эффективна в других аспектах и базируется не просто на военном потенциале, а по большей части на механизмах мягкой силы.

В свое время наряду с концепцией нормативной силы была создана идея Европы как гражданской власти (Civilian Power). Ее идеолог Франсуа Дюшен положил в основу концепции такие принципы, как: первенство дипломатического сотрудничества для решения международных проблем; центральная роль экономической власти для достижения национальных целей; готовность использовать юридически обязательные наднациональные институты для достижения международного прогресса [7: 19]. Ключевой особенностью этой теории является нежелание использовать военную силу, поэтому согласно концепции ОПБО — это не просто и не столько военная политика, сколько использование других инструментов [23: 190]. Например, за счет экономического влияния ЕС является крупнейшим торговым партнером многих стран или одним из крупнейших акторов в сфере предоставления помощи развивающимся странам. Как указывает Х. Малл, гражданская власть включает в себя: 1) принятие необходимости сотрудничества с другими в достижении международных целей; 2) концентрацию на невоенных, прежде всего экономических инструментах, причем военная сила — это остаточное явление, служащее в основном для защиты других средств международного взаимодействия; 3) готовность развивать наднациональные структуры для решения важнейших вопросов международного управления [12: 92–93].

ЕС является слабым военным актором на глобальной арене в отличие от НАТО. Даже операция «Алтея» во время Боснийского кризиса была возможна посредством ресурсов Североатлантического Альянса.

Возможна и необходима ли европейская армия при наличии НАТО?

Европейский союз стал сильным политическим и экономическим актором на мировой арене, применяя в своей внешней политике в основном мягкие экономические, политические и гуманитарные инструменты. Неудачные попытки ЕС участвовать в военных операциях негативно отразились на его репутации как возможного военного актора. Например, в Боснии военный потенциал стран ЕС доказал свою неэффективность, тогда как работа НАТО оказалась весьма слаженной. Кроме того, слабая

¹ Считая Великобританию.

координация и разобщенность стран — членов Евросоюза делает представление о создании армии чрезмерно амбициозным.

До создания европейской армии ЕС еще предстоит пройти долгий путь. Ряд членов ЕС могли бы начать с расширения своего сотрудничества в области обороны посредством совместных военных учений между их национальными армиями и создания общих европейских военных. Из-за уже существующего сотрудничества между воздушными силами нескольких стран — членов ЕС дальнейшим шагом в направлении европейской армии может стать создание европейских ВВС.

Европа, однако, может продолжать полагаться на НАТО в качестве гаранта своей безопасности. В то же время страны — члены ЕС признают, что более сильная европейская оборона необходима для выживания Союза, что одновременно уменьшит зависимость от Соединенных Штатов [2: 29].

Заключение

С момента создания Евросоюза процесс его милитаризации развивался медленно. Однако за последние годы ситуация изменилась существенным образом: перед ЕС стоит немало проблем, что значительным образом стимулирует его запрос на расширение своих оборонных возможностей.

Брекзит снял вопрос о франко-британских разногласиях о европейском военном сотрудничестве и позиции Евросоюза в отношении НАТО. Кроме того, высказывания Д. Трампа относительно будущего альянса подталкивают европейских лидеров уделять больше внимания созданию европейских оборонных институтов. На Братиславском саммите 2016 г. 27 стран — членов ЕС продемонстрировали приверженность дальнейшему сотрудничеству в этой области. В условиях нестабильности международной обстановки и экзистенциальных вызовов Евросоюзу обеспечение своей безопасности становится краеугольным камнем его выживания.

Ж.-К. Юнкер предлагает рассмотреть пять сценариев развития ЕС к 2025 г., называя в качестве стартового условия желание оставшихся стран-членов сохранить Союз. Два из них признают необходимость создания Европейского оборонительного союза, еще два допускают более тесную координацию и развитие сотрудничества в сфере обороны, и лишь один сценарий «Общий рынок — и все» рассматривает возможность углубления исключительно экономического взаимодействия [19]. Это позволяет сделать вывод, что лидеры ЕС видят укрепление оборонного потенциала интеграционного объединения непременным атрибутом его выживания.

В условиях «новой нормальности» Евросоюзу необходимо быть самостоятельным игроком в области безопасности, устранить уже давно

присутствующий дисбаланс между экономической мощью и военно-политической слабостью. Боевые действия, проведенные ЕС, показали, что Евросоюзу необходим собственный военный потенциал. Кроме того, поскольку НАТО как военный альянс не сможет противодействовать вызовам миграции и терроризму внутри европейских стран, а сам ЕС заинтересован в автономности от Вашингтона, то развитие его собственных структур безопасности становится насущной необходимостью.

С одной стороны, характер европейского интеграционного объединения отторгает идею военного сотрудничества, поскольку она противоречит нормативной концепции Европы. С другой стороны, в сложившихся условиях безопасность ЕС не может быть обеспечена невоенными средствами, и это требует от Евросоюза поисков новых вариантов дальнейшего политического развития. Таким образом, усилия в создании Европейского оборонного союза вполне обоснованы, однако пока не имеют четко обозначенных контуров и нормативно-правовой базы.

Источники и литература

1. Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности. 2016 г. — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf — Дата обращения: 19 сентября 2017.
2. Проблемы европейской безопасности: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Отд. европ. безопасности. Отд. Зап. Европы и Америки; Т.Г. Пархалина [и др.]. — Вып. 1: Проблемы европейской безопасности / Ред.-сост. вып. Г.И. Кутырев, Ф.О. Трунов. — М., 2016. — 32 с.
3. *Ayrault J.M., Steinmeier F.W.* A strong Europe in a world of uncertainties — Режим доступа: <http://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/european-union/events/article/a-strong-europe-in-a-world-of-uncertainties-28-06-16> — Дата обращения: 10 октября 2017.
4. *Bull H.* Civilian Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 1982. 21 (2). P. 149–164.
5. *Buzzerio L.P.* (Colonel). EU Civil-Military Cell: Useful Model for Joint/Interagency Operations? // *United States Army War College*. 2012. P. 20.
6. *Drols T.* After two World Wars this continent has seen the most successful peace project in history — the European Union. — Режим доступа: <http://www.sloveniatimes.com/after-two-world-wars-this-continent-has-seen-the-most-successful-peace-project-in-history-the-european-union> — Дата обращения: 8 октября 2017.
7. *Duchêne F.* 'The European Community and the Uncertainties of Interdependence', in Max Kohnstamm and Wolfgang Hager (eds.), *A Nation Writ Large ? Foreign-Policy Problems before the European Community* // Macmillan. London. P. 1–21.
8. European Defence Action Plan. — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/com_2016_950_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v5_r1_869631.pdf — Дата обращения: 8 октября 2017.

9. Gotev G. Juncker: Soft power is not enough for the EU. — Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/soft-power-is-not-enough-for-eu-says-juncker/> — Дата обращения: 8 октября 2017.
10. Helsinki European Council. — Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/summits/hel2_en.htm — Дата обращения: 8 октября 2017.
11. Lösing S. EU-Global Strategy: After Brexit and the US-Election: a further push for militarization? — Режим доступа: <http://eptoday.com/eu-global-strategy-after-brexit-and-the-us-election-a-further-push-for-militarization123/> — Дата обращения: 8 октября 2017.
12. Maull H. Germany and Japan : The New Civilian Powers // Foreign Affairs, 1990. 69 (5). P. 91–106.
13. Parfitt T. EU army WILL happen: Shameless Juncker vows to PUSH ON with plans after Trump and Brexit. — Режим доступа: <http://www.express.co.uk/news/world/731106/Jean-Claude-Juncker-EU-army-European-Union-Brexit-Donald-Trump> — Дата обращения: 8 октября 2017.
14. Report of the Group of Personalities on the Preparatory Action for CSDP-related research. European Defence Research. — Режим доступа: http://espas.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/GoP_report.pdf — Дата обращения: 8 октября 2017.
15. Rettman A. France and Germany propose EU ‘defence union’. — Режим доступа: <https://euobserver.com/foreign/135022> — Дата обращения: 8 октября 2017.
16. Rogers J.A. New special relationship? Brexit Britain and Donald Trump embrace ‘shared vision’. — Режим доступа: <http://www.express.co.uk/news/uk/843139/brexit-britain-united-states-donald-trump-theresa-may-special-relationship-trade-deal> — Дата обращения: 8 октября 2017.
17. Shah A. World Military Spending. — Режим доступа: <http://www.globalissues.org/article/75/world-military-spending> — Дата обращения: 8 октября 2017.
18. Taylor P. France’s next big challenge: defense policy. — Режим доступа: <http://www.politico.eu/article/macron-france-defense-next-big-challenge-military-policy-nato-terror-cybersecurity-war/> — Дата обращения: 8 октября 2017.
19. White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. — Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf — Дата обращения: 8 октября 2017.
20. Willy C. EU-Digest. — Режим доступа: <http://eu-digest.blogspot.ru/2012/12/europe-is-economic-giant-political.html> — Дата обращения: 8 октября 2017.
21. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017.
22. Гаврилова С.М. Военные и гражданские операции Евросоюза // Дипломатическая служба. 2017. № 4 (73). С. 46–53.
23. Зверева Т.В. Как дружить цивилизациями? // Международная жизнь. 2013. № 9. С. 188–193.

Новый этап трансформации НАТО

О.А. Тимакова

Ольга Александровна Тимакова, кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению нового этапа деятельности НАТО после избрания Д. Трампа президентом США. Особое внимание уделено позиции Д. Трампа по вопросу расходов европейских союзников в альянсе и участию блока в глобальной войне с терроризмом. В статье анализируются перспективы дальнейшей трансформации альянса, в том числе перспективы выработки новой стратегической концепции.

Ключевые слова: НАТО, Европа, Россия, США, Д. Трамп, безопасность.

Abstract: the article is devoted to the examination of the new stage of NATO's activity afterwards D. Trump election as the new President of the USA. Special attention is paid to the D. Trump stance concerning the issue of the European state-members burden sharing and Alliance's participation in the global war against terror. The article analyses the perspectives of the further transformation of the Alliance, including the prospects of the elaboration of the new Strategic Concept.

Key words: NATO, Europe, Russia, USA, D. Trump, security.

Введение

Североатлантический альянс на протяжении почти 70 лет, являясь военно-политическим блоком, объединяет ведущие страны Запада. В последние годы НАТО сталкивается с рядом вызовов как внутри, так и за пределами Европы, как с востока, так и с юга.

Успехи военизированных террористических организаций несут лидерам Запада предельно четкий сигнал: даже такие относительно небольшие группировки, как ячейки Аль-Каиды и запрещенной в России ИГ, могут втянуть США в конфликты и войны, победа в которых не достижима в обозримой перспективе. В этом плане, как еще в 2001 г. заметил бывший министр обороны В. Кохэн [11], «непревзойденная мощь США в сфере

обычных вооружений» толкает их противников «искать нетрадиционные, асимметричные способы нанесения массового поражения и разрушения» Вашингтону и их союзникам. Кибератаки и другие асимметричные меры становятся оружием «слабых» против сильных держав.

В 2017 г. большинство государств — членов альянса столкнулось с новыми, гибридными угрозами, которые сочетают в себе агрессивные информационные и пропагандистские кампании, социальную эксплуатацию средств массовой информации, кибератаки, терроризм, контрабанду, экономические эмбарго и саботаж, недовольства меньшинств [6].

В этих условиях роль НАТО в обеспечении безопасности Европы стала одновременно определяющей и неоднозначной. НАТО превратилось в альянс, преследующий глобальные цели, но одновременно неспособный явно согласовать и выразить их. Не в последнюю очередь из-за разницы потенциалов союзников, их нужд и восприятия ими угроз. Кроме того, НАТО — громоздкая бюрократическая структура. Она функционирует на основе консенсуса между странами-членами, что значительно замедляет процесс принятия решения. Несогласие между странами-членами и общественное неведение о целях альянса сохраняют дискуссии относительно будущей деятельности организации: его функционирования и решения финансовых вопросов, связанных с оплатой расходов на проведение разных операций. Тем временем стратегические интересы Вашингтона, среди которых обеспечение «важных энергетических инфраструктур» [9], включая морские пути и трубопроводы, для поддержания потока жизненно важных ресурсов и сохранение гегемонии США в Евразии, все чаще становятся предметом спора в отношениях с Китаем и Россией [1: 13].

В развитии дальнейшей стратегии НАТО особую роль играет позиция президента США Дональда Трампа.

Риторика президента Д. Трампа

На протяжении 2016 г., во время своей предвыборной кампании Д. Трамп не скрывал скептицизма относительно союзников США, в особенности европейских стран — членов НАТО. В его интервью газете «Нью-Йорк Таймс» [14] в марте 2016 г. он подчеркнул свое разочарование в союзниках, которые не платят свою справедливую долю. Д. Трамп поставил под вопрос значимость альянса в борьбе с угрозами XXI века, в частности с терроризмом, а в последующем выдвинул предложение [13], чтобы обязательства ст. 5 Вашингтонского договора распространялись только на союзников, выполняющих требование по оборонным расходам в размере 2% ВВП.

Тревога Д. Трампа о том, что альянс устарел, основывается на уверенности, что НАТО недостаточно вовлечена в борьбу с терроризмом. В связи с этим министры иностранных дел стран НАТО быстро отреагировали на критику Америки и в конце марта 2017 г. провели совещание, повесткой дня которого был вопрос о более справедливом распределении бремени расходов, поиске ответа на вызовы терроризма и выработке единого подхода к России. НАТО также адаптируется к самому Д. Трампу, объявляя терроризм самой главной угрозой альянсу и активизируя борьбу с террористической группировкой «Исламское государство» и другими экстремистскими группировками, открыв новый координационный центр в Неаполе.

В администрации Д. Трампа также прозвучала трансатлантическая риторика. Министр обороны США генерал Джеймс Мэттис придерживается более традиционных взглядов о роли США в Европе и мире [17], а Государственный секретарь США Рэкс Тиллерсон заверил в своей поддержке европейских союзников [15]. Более того, команда Трампа во время Мюнхенской конференции по безопасности 2017 г. завершила европейских союзников в своей приверженности трансатлантической солидарности [7]. Там же вице-президент США Майк Пенс передал позицию президента Д. Трампа — обязательства Америки перед НАТО безусловны и недвусмысленны [16]. Между тем в дальнейшей своей речи он повторил призыв президента увеличить расходы, аргументируя это тем, что именно сейчас настало время Европе взять на себя больше обязательств. С аналогичной речью выступил и министр обороны США Дж. Мэттис [5], который поддержал традиционный призыв США о больших расходах европейских союзников, но так же повторил слова президента: если Европа не увеличит свои расходы, Америка пересмотрит свои обязательства. Таким образом, генерал Мэттис [12] четко отразил позицию США — обязательства Америки перед НАТО будут находиться в прямой зависимости от увеличения выплат Европы.

Если призыв США был предсказуем, то таким же стал и ответ Европы. Аналитики и эксперты Европы постарались представить выступления команды Д. Трампа как традиционный призыв США к увеличению расходов.

Очередной раунд дебатов о разделении бремени в НАТО продемонстрировал трансатлантический разрыв в концептах: европейцы надеются на ответственного лидера в лице США, который бы уважал и защищал демократические ценности, в то время как Вашингтон просит Европу стать ответственным партнером и увеличить своей военной потенциал. В результате обе стороны могут оказаться разочарованными: с одной стороны, европейцы не будут склонны повышать свои военные бюджеты, придерживаясь так называемого Европейского пути обороны, который,

в первую очередь, включает социально-политическое развитие и гуманитарную помощь. Все это приведет к очередному кризису солидарности, когда США начнет устанавливать сроки достижения оговоренных 2% ВВП.

Несмотря на подбадривающие речи Дж. Мэттиса и М. Пенса, очевидно, что стратегия «Америка прежде всего» будет не столь многосторонней и компромиссной. В этих условиях глобальное лидерство США может оказаться под угрозой срыва и Америка превратится в обычную великую державу, заботящуюся только о своих интересах, а не преследующую глобальную мессианскую цель [2: 43].

Отношения в европейском стратегическом сообществе по этому вопросу разнятся. Политики, СМИ и общественность в Европе сходятся во мнении, что они должны увеличить свои обязательства по отношению к своей собственной безопасности. Экспертное сообщество Европы приходит к выводу, что лучшее, что может сделать Европа по отношению к США — это начать политику большей независимости. Есть все основания полагать, что трансатлантическая солидарность станет не столь очевидной во время администрации Д. Трампа, а ЕС сконцентрируется на укреплении своих внутренних связей.

На пути к новой стратегической концепции НАТО

В преддверии очередного саммита глав государств — членов НАТО, который состоится в июле 2018 г. в Брюсселе, все большую поддержку стали получать предложения о выработке новой стратегической концепции альянса. Аналитики апеллируют к необходимости обновлять стратегическую концепцию примерно раз в десять лет, аргументируя целесообразность изменения концепции 2010 г. следующими причинами [8: 2]:

1. Изменившейся ролью России. Если в стратегии 2010 г. альянс декларировал готовность сотрудничества в сферах противодействия терроризму, разоружения и ПРО, то обновленная доктрина пересмотрит основы выстраивания отношений с Россией, принимая во внимание решения, принятые на саммитах в Ньюпорте в 2014 г. и Варшаве в 2016 г.

С 2014 г. активность НАТО изменилась. Саммит в Ньюпорте ориентировал альянс обратно к «основам», то есть традиционным оборонным возможностям. Саммит в Варшаве согласовал более постоянные изменения — он стал началом долгосрочной адаптации альянса в новых геополитических условиях. Особенно это заметно в отношениях НАТО с так называемым восточным флангом, где сконцентрировано усиление оборонного и сдерживающего потенциала альянса [3: 78].

2. Сложившейся новой геостратегической расстановкой сил в Средиземноморье. С 2010 г. страны Северной Африки и Ближнего Востока

вступили в период нестабильности, что связано с серией восстаний, революций, а также с деятельностью самого альянса. Миграционные потоки в европейские столицы и серия террористических атак в крупных городах Европы, совершенных террористами группировки «Исламское государство» (запрещенной в России) привели к внутривнутриполитической напряженности в Европе.

Обновленная концепция должна будет сконцентрироваться уже не только на восточном фланге. Гарантирование безопасности европейских союзников зависит от способности НАТО противостоять опасностям с юга.

3. Брекзитом. Решение Соединенного Королевства покинуть ЕС лишит его одного из самых сильных военных союзников. Именно НАТО останется той площадкой, где ЕС и Великобритания смогут развивать военное сотрудничество в изменившихся условиях. В новой стратегической концепции должны быть отражены настоящие тенденции и на основе совместной декларации НАТО и ЕС 2016 г. выработан новый подход к сотрудничеству [подр. см.: 4].

4. Президентством Д. Трампа. Требования Вашингтона, выдвинутые Д. Трампом в 2017 г., должны быть зафиксированы в новой концепции. В ответ США готовы идти на уступки. К примеру, Д. Трамп направил в Конгресс запрос об увеличении бюджета «Инициативы по обеспечению безопасности Европы» почти до 5 млрд долларов [10].

Все эти факторы формируют новую среду безопасности Евроатлантического региона. Скорректированная концепция необходима для адаптации НАТО к будущим изменениям в военно-политической обстановке в регионе.

Разумеется, есть аргументы против столь масштабных усилий. Не в последнюю очередь из-за существующих политических противоречий в альянсе по линии Север — Юг, а также Запад — Восток. Также сохраняется недопонимания между новой администрацией Вашингтона и европейскими столицами. Однако, как показали последние два саммита НАТО, альянс обладает существенным потенциалом по преодолению такого рода разногласий и продвижению инноваций.

Заключение

Говорить о будущем НАТО, действиях альянса после окончания операции в Афганистане пока рано. Не ясно, являются ли усиление фокуса внимания к России и ее «угрозы» восточному флангу НАТО возвращением к традиционной коллективной безопасности в Европе и большему скептицизму об операциях вне зоны ответственности, или это лишь пауза перед дальнейшей глобализацией деятельности альянса.

Мюнхенская конференция по безопасности стала в данном отношении значимым событием 2017 г. Встреча стала переломной и для «европейской семьи», и для альянса. Европа получила заверения о приверженности США альянсу от трех министров администрации Д. Трампа. Более того, вице-президент США повторил данные обещания Европарламенту. Европейские аналитики продолжают споры, какой нарратив о европейских союзниках победит в США: благоприятное отношение к альянсу как к необходимому, но требующему улучшений, или мрачное видение его как «недемократического чудовища», который негативно сказывается на торговле и интересах безопасности США и должен быть распущен.

На конференции в Мюнхене были четко обозначены позиции разных лагерей в администрации Д. Трампа. По всей видимости, возобладает позиция сторонников постепенных изменений в НАТО. Однако солидарность союзников теперь будет оцениваться размерами их оборонных расходов. Выработка единой позиции в США может занять много времени, и, возможно, европейцам придется самим справляться с опасностями и угрозами на своих границах и внутри альянса.

Работа над новой стратегической концепцией займет значительное время. Необходимость этого подкрепляется новыми геополитическими реалиями, с которыми сталкивается сегодня НАТО; именно их альянс должен выносить на повестку дня, если хочет избежать дальнейших обвинений со стороны США в том, что блок «устарел». Лидеры Европы и США должны принять проблемы безопасности такими, какие они есть, а не какими они хотели бы их видеть.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // *Обозреватель — Observer*. 2009. № 7. С. 6–15.
2. *Иванов О.П., Копылов А.В.* Современные военно-политические концепции США: вперед в прошлое // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2015. № 4. С. 35–50.
3. *Зверева Т.В.* Россия — НАТО: союзники или партнеры? // *Дипломатическая служба*. 2011. № 2. С. 76–78.
4. *Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева.* М.: Дипломатическая академия, 2017.
5. *Cooper H.* Defense Secretary Mattis Tells NATO Allies to Spend More, or Else // *The New York Times*, February 15, 2017. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/02/15/world/europe/jim-mattis-nato-trump.html> — Дата обращения: 3 октября 2017.
6. *Hoffmann F.* On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats // *War on the Rocks*, July 28, 2014. — Режим доступа: <http://warontherocks.com/2014/07/on-not->

- sonew-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/ — Дата обращения: 6 октября 2017.
7. *Jones B.* Team Trump meets Europe // The Brookings, February 19, 2017. — Режим доступа: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/02/19/team-trump-meets-europe/> — Дата обращения: 03.10.2017.
 8. *Keller P.* A New Strategic Concept for NATO? // American Enterprise Institute. 2017. 10 P.
 9. Keynote speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer at the conference on “NATO’s Bucharest Summit — transformation of the Alliance and Polish and regional perspectives” // NATO Official Website, 2008. — Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/speech/2008/s080313a.html> — Дата обращения: 19 октября 2017.
 10. *Pellerin C.* 2018 Budget Request for European Reassurance Initiative Grows to \$4,7 Billion // US Department of Defense. June, 1, 2017. — Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1199828/2018-budget-request-for-european-reassurance-initiative-grows-to-47-billion/> — Дата обращения: 29 октября 2017.
 11. Proliferation: Threat and Response // Office of the Secretary of Defense, January 2001. — Режим доступа: <http://www.dod.gov/pubs/ptr20010110.pdf> — Дата обращения: 16 октября 2017.
 12. Remarks by Secretary Mattis at the Munich Security Conference in Munich, Germany // US Department of Defense, February 18, 2017. — Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/1087838/remarks-by-secretary-mattis-at-the-munich-security-conference-in-munich-germany/> — Дата обращения: 19 октября 2017.
 13. *Sanger D., Haberman M.* Donald Trump Sets Conditions for Defending NATO Allies Against Attack // The New York Times, July 20, 2016. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/07/21/us/politics/donald-trump-issues.html> — Дата обращения: 27 октября 2017.
 14. *Sanger D., Haberman M.* In Donald Trump’s Worldview, America Comes First, and Everybody Else Pays // The New York Times, March 26, 2016. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2016/03/27/us/politics/donald-trump-foreign-policy.html?_r=0 — Дата обращения: 27 октября 2017.
 15. Secretary of State Designate Rex Tillerson. Senate Confirmation Hearing Opening Statement // United States Senate Committee on Foreign Relations, January 11, 2017. — Режим доступа: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/011117_Tillerson_Opening_Statement.pdf — Дата обращения: 19 октября 2017.
 16. Statement by Michael Richard Pence // Munich Security Conference 2017, February 18, 2017. — Режим доступа: <https://www.securityconference.de/en/media-library/munich-security-conference-2017/video/statement-by-michael-richard-pence/> — Дата обращения: 19 мая 2017.
 17. *Wang Ch.* Trump Defense pick warns world order is ‘under the biggest attack since World War II’ // CNBC, January 12, 2017. — Режим доступа: <http://www.cnn.com/2017/01/12/trump-defense-pick-warns-world-order-is-under-the-biggest-attack-since-world-war-ii.html> — Дата обращения: 27 октября 2017.

Отношения Российской Федерации и КНР в культурно-гуманитарной сфере

Цю Сяофэнь

Цю Сяофэнь, аспирант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Аннотация: согласно Хартии ШОС, сотрудничество в гуманитарной области является одной из приоритетных задач организации. Это связано с тем, что гуманитарное измерение современных международных отношений становится важным фактором на мировой арене. Одним из действенных инструментов международной политики является так называемая мягкая сила, которая стала важным условием эффективной работы как международной организации в целом, так и двусторонних связей государств — членов той или иной организации. Подходы к пониманию сути «мягкой силы» у Китая и России во многом совпадают и основываются в первую очередь на культурно-гуманитарном сотрудничестве.

Ключевые слова: КНР, РФ, Центральная Азия, ШОС, культурно-гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», Институт Конфуция.

Abstract: according to the SCO Charter, cooperation in the humanitarian field is one of the organization's priorities. This is due to the fact that the humanitarian dimension of modern international relations is becoming an important factor in the world arena. One of the effective instruments of international politics is the so-called "soft power", which is an important condition for the effective work of both the international organization as a whole and the bilateral relations of the member states of an organization. Obviously, approaches to understanding the essence of "soft power" in China and Russia largely coincide and are based primarily on cultural and humanitarian cooperation.

Key words: China, Russia, Central Asia, SCO, cultural and humanitarian cooperation, "soft power", Confucius Institute.

Введение

«Мягкая сила» — концепция, введенная во внешнеполитический оборот в начале 1990-х гг. политологом Джозефом Наем. «Мягкая сила», согласно концепции Ная, это способность добиваться от других желаемого

результата не столько с помощью принуждения и оказания давления (военного, экономического, политического), сколько с помощью убеждения и привлечения на свою сторону зарубежной аудитории [1].

В основе «мягкой силы» лежат политический курс государства, ценности и культура. То есть «мягкая сила» — это прежде всего набор идей, призванный содействовать достижению внешнеполитических целей государства через создание его привлекательного образа. «Мягкую силу» принято рассматривать в качестве механизма создания позитивного международного образа России посредством гуманитарного диалога, народной дипломатии и средств массовой информации [2].

Подходы России и Китая

В китайской политической мысли «мягкая сила» представляет собой синтез трех элементов:

- 1) культурного диалога со странами-партнерами;
- 2) несилового лидерства в развивающемся мире и оказания гуманитарной и технологической помощи странам-партнерам;
- 3) политики культурного сотрудничества со всеми странами, независимо от их экономического уровня развития.

Практическим инструментом реализации этих принципов являются принцип народной дипломатии, распространение китайского языка и СМИ.

В России на высшем уровне понятие «мягкая сила» впервые было упомянуто президентом в предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» в 2010 г., в которой В.В. Путин дает четкое определение: «Мягкая сила» — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [3].

Дальнейшее описание термина «мягкая сила» получило в редакции Концепции внешней политики, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. Концепция определяет «мягкую силу» как всеобъемлющий инструмент решения задач по реализации внешней политики с активным участием гражданского общества, всех средств дипломатического влияния, включая гуманитарные, информационные и технологические возможности [4].

Основная цель культурно-гуманитарного сотрудничества — формирование обстановки доверия как благоприятной среды для масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, а также улучшение имиджа страны на международной арене. Данная сфера является не дополнением к вышеобозначенным инициативам сотрудничества государств, а самостоятельным, самоценным направлением международной политики. Особое

значение для Китая и России культурно-гуманитарное сотрудничество приобретает в контексте их внешнеполитических интересов в Центральной Азии. При этом слабым звеном существующей конструкции российско-китайского стратегического партнерства называется отсутствие в ней массовой общественно-политической опоры. Многие проекты сотрудничества России и Китая сталкиваются с трудностями из-за недопонимания, связанного с принципиально разными культурологическими подходами к сотрудничеству двух стран. Преодоление этого недопонимания и лежит в плоскости культурно-гуманитарного взаимодействия [5].

Тем не менее российско-китайские культурно-гуманитарные связи во многом основываются на фундаменте, который был заложен во времена «великой дружбы» между СССР и КНР. Китай признает, что Центрально-Азиатский регион (ЦАР) находится в зоне большего влияния русской культуры и что именно русский язык служит языком международного общения в регионе. На официальном уровне Пекин рассматривает это обстоятельство в позитивном ключе, так как оно создает «в ШОС уникальные условия для содействия обмену и сотрудничеству в гуманитарной сфере» [6].

В становлении сотрудничества Китая и России особую роль сыграл Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный между Россией и Китаем 16 июля 2001 г. В Договоре отмечены главные принципы отношений КНР и РФ, основные направления их взаимодействия, а также перспективы развития мироустройства. В статье 16 говорится: «Договаривающиеся стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права» [7]. Договор стал предвестником первого плана совместных действий двух государств в период с 2005 по 2008 г., а также имел своей целью сформировать задачи по строительству крепких отношений в разных сферах, в частности в культурной.

Научное взаимодействие

Важное значение в развитии и углублении российско-китайского гуманитарного сотрудничества имеют контакты двух государств на уровне различных организаций. В развитии гуманитарных связей между Китаем и Россией позитивную роль играет Институт Дальнего Востока РАН. Его партнером выступает Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, который является ключевой научно-исследовательской организацией в области вопросов, касающихся России, Центральной Азии и Восточной Европы.

Кроме того, в обеих странах существуют другие научные центры, которые специализируются на расширении культурных связей в китай-

ско-российских отношениях. В сентябре 2010 г. были открыты Китайский культурный центр в Москве и Российский культурный центр в Пекине. В работе Российского культурного центра позитивную роль играют различные китайские вузы и организации, которые способствуют расширению контактов и культурного обмена между Китаем и Россией. Большой вклад во взаимодействие вносит Фонд «Русский мир», созданный в 2007 г. по указу Президента России В.В. Путина. Его представительства были открыты в крупнейших китайских городах — Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и других [8] в рамках Соглашения о взаимном учреждении культурных центров. Их задачи в культурно-гуманитарной деятельности заключаются в проведении мероприятий и конференций [9].

Образовательная сфера

Важным направлением в гуманитарном сотрудничестве России и Китая является образовательная сфера. Совместные проекты реализуются как в рамках двусторонних отношений, так и в рамках деятельности ШОС. В 2006 г. государства — члены ШОС подписали Соглашение «О сотрудничестве в области образования», в котором особенно подчеркивали важность «евразийского образовательного поля как составной части мирового образовательного пространства».

В последние годы одним из главных процессов в сотрудничестве в области образования является интернационализация вузов двух стран. Согласно плану Госсовета КНР по развитию образования на 2010–2020 гг. была поставлена цель — увеличить интернационализацию высшего образования Китая. В частности, отмечено, что сотрудничество РФ и КНР должно выйти на новый качественный уровень с созданием научно-исследовательских центров.

Туризм, культура, СМИ

Заметным событием в сфере гуманитарного сотрудничества России и Китая стал Китайско-Российский форум по инвестиционным проектам в сфере туризма для усиления двусторонних связей между инвесторами и туристическими операторами. 2013 год был объявлен Годом китайского туризма в России. Результатом подобных мероприятий стало увеличение взаимных туристических потоков между Китаем и Россией. КНР занимает третье место по посещаемости российскими туристами, в то время как граждане Китая являются вторыми среди иностранцев, посетивших Россию. Взаимодействие в инвестиционной сфере, начатое Федеральным агентством по туризму России и Государственным управлением по делам

туризма КНР, усилило экономическую взаимосвязь между государствами, укрепило культурно-гуманитарные связи граждан обеих стран.

По мере реализации инициативы «Один пояс — один путь», экономические и торговые обмены между Китаем и Россией становятся все успешнее, и все больше и больше россиян начинают интересоваться китайской культурой и китайским языком. Китайский язык становится все более популярным в России и востребован на рынке труда.

Важную роль в продвижении инициативы «Один пояс — один путь» играет институт Конфуция. В России было создано 18 институтов Конфуция на базе РГГУ, СПбГУ, МГУ и т.д. Открытие институтов Конфуция стало одним из важных факторов распространения китайского языка в РФ. Они играют значительную роль в расширении понимания российским народом китайской культуры и изучения китайского языка.

Синология в Санкт-Петербургском государственном университете была самой ранней школой синологии в России. 100 лет назад этот университет уже стал колыбелью исследований синологии в России [10]. Сегодня он развивает эту традицию. Впервые в 2016 г. в России была открыта научная специальность по юриспруденции в КНР. В 2017 г. введена специальность по экономике КНР. Эти специальности еще раз подтверждают популярность изучения Китая в России.

В 2016–2017 гг. был расширен обмен между китайскими и российскими СМИ. Информационное бюро Народного правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района, Синьцзян-Уйгурское автономное областное прессовое и издательское прессовое и публичное бюро, Государственная администрация печати, публикаций, радио, кино и телевидения совместно с российским телеканалом «Россия сегодня» организовали мероприятие «Китайско-российская документальная выставка в 2017 году», состоявшееся 6 июня в Синьцзяне. Русские документальные фильмы охватывают различные виды контента, чтобы зрители с российской точки зрения смотрели на Китай.

В последние годы Китай и Россия проделали большую работу по продвижению молодежного обмена между двумя странами. Китайско-российский молодежный фестиваль культуры и искусств на Кубок «Цзиньно-2017» прошел в августе 2017 г. в Санкт-Петербурге. Культурный и искусственный фестиваль «Кубок Цзиньно» дает возможность молодым людям обеих стран учиться друг у друга и обмениваться идеями, что для них имеет положительный эффект.

Гуманитарное сотрудничество как механизм противодействия Западу

Деструктивные действия Запада в построении Пекином и Москвой многополярного мира делают вопрос о стратегическом сотрудничестве двух стран

особенно острым. В этих условиях для поддержания схожих интересов России и Китая в Центральной Азии целесообразны совместные усилия по возведению гуманитарного кордона западным акциям и превращению ШОС в важный элемент региональной безопасности, в частности путем укрепления культурно-гуманитарного взаимодействия. Россия и Китай, так же, как и другие страны — участницы ШОС, являются носителями богатой культуры. Можно утверждать, что их сотрудничество в данной сфере открывает пути для междивизиационного диалога, в противовес американской теории об углублении раскола между западной и восточной цивилизациями [11].

За время существования Шанхайской организации сотрудничества России и Китаю удалось совместными усилиями заложить прочный фундамент гуманитарного сотрудничества ее стран-членов в области культуры, образования, защиты окружающей среды и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Заключение

Дальнейшее развитие ШОС и рост ее авторитета в мире ставят вопрос о необходимости усиления российско-китайского влияния на культурно-гуманитарном пространстве организации. Поскольку оба государства не хотят придавать ШОС роль военного союза, то есть инструмента «жесткой силы», необходимые интеграционные процессы в развитии организации могут в большей степени строиться на «мягкой силе» и носить более комплексный характер в сочетании с политико-экономическими процессами интеграции в регионе ЦА. В данном контексте роль культурно-гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией возрастает и предполагает дальнейшее конструктивное сотрудничество в этом направлении.

Источники и литература

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990; Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Press, 2004; Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. № 616. P. 94–109.
2. Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках азиатских цивилизационных пространств // Современные международные отношения. 2009. № 6. С. 35–42.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Сайт МИД РФ. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 — Дата обращения: 8 октября 2017.
4. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011;

- Гао Чжунъи.* Гуманитарный фактор торгово-экономического сотрудничества Китая и России // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. 2005. № 9. С. 111–115.
5. Культурно-гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Деловой клуб ШОС. — Режим доступа: <http://infosco.biz/ru/?pageId=231> — Дата обращения: 14 июля 2017.
 6. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сайт Президента России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> — Дата обращения: 14 июля 2017.
 7. Информационный портал фонда «Русский мир». — Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/> — Дата обращения: 30 июля 2017.
 8. Перечень действующих российско-китайских межгосударственных и межправительственных договоров // Сайт Министерства иностранных дел РФ. — Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/538486 — Дата обращения: 26 марта 2017.
 9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном учреждении культурных центров // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902196994> — Дата обращения: 15 апреля 2017.
 10. *Бажанов Е.П.* Китай и внешний мир. М., 1990. — 351 с.
 11. *Бажанов Е.П.* Восточный экспресс с остановками на Западе. Записки очевидца. — М., 2008. — 614 с.

Турецко-грузинские отношения в новых геополитических реалиях: начало неопределенности

Л.М. Алексанян

Лариса Мгеровна Алексанян, аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья посвящена анализу турецко-грузинских отношений после неудачной попытки военного переворота в Турции летом 2016 г. Анализируются причины негативной реакции Грузии к данным событиям. Особое внимание уделено изменениям, которые произошли во внешней политике Турции после 2016 г. и их влиянию на турецко-грузинские отношения. Исследована антигюленовская политика Турции в рамках двусторонних отношений. Особое внимание уделено роли гюленовских школ в Грузии, выявлена их роль во внутренней жизни страны и влияние на турецко-грузинские отношения. Сделаны обобщающие выводы, касающиеся перспектив двусторонних отношений в новых геополитических реалиях.

Ключевые слова: Грузия, Турция, гюленовское движение, внешняя политика, двусторонние отношения.

Abstract: the article is devoted to the analysis of Turkish-Georgian relations after the failed military coup attempt in Turkey in 2016. In the article have been analyzed the reasons for the negative reaction of Georgia to these events. Special attention was paid to the changes that have occurred in Turkey's foreign policy after 2016 and their impact on Turkish-Georgian relations. Has been reviewed Turkey's anti-Gülen policy within the framework of bilateral relations. Special attention was paid to the role of Gülen schools in Georgia, their role in the internal life of the country and influence on Turkish-Georgian relations. General conclusions were made in regard to the perspectives of bilateral relations in the new geopolitical realities.

Keywords: Georgia, Turkey, Gülen movement, foreign policy, bilateral relations.

Введение

Распад СССР открыл большие возможности для Турции в плане распространения своего влияния в постсоветском тюркоязычном мире, в частности в Азербайджане и центральноазиатских странах. Эту политику Турция

стала реализовываться при поддержке США [1: 119] и до конца 1990-х гг. выступала форпостом западных интересов. Главной внешнеполитической целью Турции было сохранить в регионе стабильность. По словам турецкого исследователя Мурата Улгюла, «Турция реализовывала свою региональную политику с точки зрения безопасности» [2].

Внешняя политика Турции приобрела новые очертания с 2002 г., когда к власти пришла Партия справедливости и развития (ПСР). В первые годы правления ПСР региональную политику Турции определяли инициирование процесса вступления в ЕС [3] и поиск новых рынков для турецких товаров. На Южном Кавказе стратегические цели страны были связаны с реализацией энергетических проектов. В годы «золотой эры» правления ПСР (2009–2013 гг.) турецкая политика стала более активной и амбициозной. М. Улгюл, анализируя различные мнения западных и турецких ученых, указывает, что «традиционная политика Турции по отношению к статус-кво фундаментально изменилась» [3: 90]. Целью Турции стало превращение не только в региональную, но и в мировую державу, страну-лидера.

Для реализации этих целей Турция активно стала расширять свое присутствие в Южно-Кавказском и Центрально-Азиатском регионах, создавая там зоны влияния. Данная политика предполагала активное взаимодействие с Грузией. Оценив географическое и геополитическое расположение Грузии, Турция установила с ней тесные военно-политические, экономические, культурные связи, включив ее в реализацию энергетических проектов.

С 2013 г. южно-кавказский вектор внешней политики Турции отошел на второй план в связи с «арабской весной», в частности из-за Сирийского конфликта. Вовлеченность Турции в ближневосточные события привела к «торможению» активности южно-кавказского вектора внешней политики страны. В первую очередь это отразилось на турецко-грузинских отношениях. Об этом свидетельствует география зарубежных визитов Р.Т. Эрдогана (премьер-министра страны в 2003–2014 гг. и действующего президента с 2014 г.). С 2012 г. он ни разу не посетил Грузию. Тем не менее Грузия, сохраняя свою важную роль звена в южно-кавказской политике Турции, приобрела большую значимость в стратегических инициативах этой страны по созданию стратегического трио: Турция — Грузия — Азербайджан. В результате с 2012 г. (2 раза в год) проводятся встречи министров иностранных дел трех стран в целях обсуждения вопросов регионального сотрудничества, а с 2014 г. расширяется трехстороннее военное сотрудничество. Таким образом, турецко-грузинские отношения стали реализовываться в качестве неотъемлемой части турецко-азербайджано-грузинских отношений.

После попытки военного переворота 15 июля 2016 г. и конституционного референдума 16 апреля 2017 г. Турция постепенно отдаляется от Запада, сделав поворот на Восток и выстраивая свою региональную политику уже в другом геополитическом измерении. Данная ситуация непосредственно влияет на отношения с прозападноориентированной Грузией.

Турецко-грузинские отношения после попытки военного переворота в Турции

15 июля 2016 г. мировые информационные агентства распространили сообщение о попытке военного переворота в Турецкой Республике. Грузия, обеспокоенная собственной безопасностью, стала первой страной, которая официально поддержала президента Турции Р.Т. Эрдогана. Президент Грузии Г. Маргвелашвили созвал чрезвычайное заседание Совета национальной безопасности и заявил о поддержке законно избранного правительства в соседней стране [4] и персонально Эрдогана [5]. Правительство Грузии приняло срочные меры для обеспечения безопасности страны и ее граждан. В контексте данных мер Грузия закрыла воздушные границы с Турцией [6] и ограничила пересечение сухопутных границ.

Премьер-министр Грузии Г. Квирикашвили стал первым иностранным высокопоставленным официальным лицом, посетившим Турцию после этих событий. Визит премьер-министра был запланирован задолго до попытки военного переворота [7], и встреча была сосредоточена на двусторонних торгово-экономических вопросах.

Активная реакция Грузии на события в соседней стране была продиктована несколькими обстоятельствами. Так, позиция Грузии обусловлена тем, что Турция является ее стратегическим партнером и рассматривается в качестве противовеса российскому влиянию на Южном Кавказе. Внутриполитическая нестабильность в Турции привела бы к ослаблению турецких позиций в регионе. Дестабилизация в стране также отрицательно могла отразиться на безопасности региональных нефтегазовых трубопроводов, связывающих Турцию, Грузию и Азербайджан: нефтепроводе Баку — Тбилиси — Джейхан, газопроводе Баку — Тбилиси — Эрзрум, Трансанатолийском и Трансадриатическом газопроводах (строительство двух последних должно быть завершено к 2019 г.).

Грузия тесно связана с Турцией военно-политическими, культурными, экономическими отношениями. Турция — самый крупный торгово-экономический партнер Грузии: ее товарооборот в последние годы составляет 1,51 млрд долларов [8]. Страна входит в первую пятерку по размеру инвестиций в Грузию. В итоге турецкая инвестиционная политика в течение

двух десятилетий смогла создать большие рычаги контроля над грузинской экономикой [9: 155].

Граждане Турции и Грузии имеют право пересекать границу по внутренним паспортам. Граждане Грузии находят работу именно в Турции, а денежные переводы, отправленные грузинскими рабочими из Турции в Грузию, достигли почти 75 млн долларов [10]. По оценкам Кавказского исследовательского ресурсного центра, в Турции проживает 2,5 млн этнических грузин, большинство из которых принадлежит грузинской исторической диаспоре [11]. Кроме того, Турция через экономические, религиозно-культурные механизмы создала особую зону влияния в Аджарии, где проживает большая мусульманская община, которая по сути является площадкой для продвижения турецких интересов. Все эти факты обусловили негативную реакцию Грузии на попытку военного переворота в Турции.

Отношения Турции с Западом

После событий 15 июля 2016 г. отношения Турции с Западом заметно ухудшились. Турция стала все больше отдаляться от западных стран. Напряженность в отношениях с Евросоюзом возросла после того как Эрдоган провел массовые увольнения среди военнослужащих, полицейских, ученых, журналистов и других госслужащих, а также заявил о возможности возвращения в стране смертной казни.

Риторика высокопоставленных лиц Евросоюза стала антитурецкой и приобрела новые оттенки после конституционного референдума в Турции, который прошел в 2017 г. В свою очередь Р.Т. Эрдоган многократно подчеркивал, что Турция не связывает свою судьбу с Евросоюзом и что у страны уже другие приоритеты в рамках Евразийского вектора.

Также ухудшились и взаимоотношения Турции с США. Причиной напряженности, которая возросла в двусторонних отношениях, стали следующие факторы: американская поддержка сирийским курдам, возможное участие иностранных спецслужб в попытке переворота в Турции, проблема экстрадиции Фетхуллага Гюлена.

С ростом антизападных настроений Турция активизировала Евразийский вектор внешней политики, начав поиск путей сближения с Россией. Страна «пытается нащупать свое новое место в региональной и мировой системе международных отношений. Она ищет свой путь, свой разворот на Восток» [12]. Тем самым Турция старается реализовать активную региональную политику при условии сотрудничества с Россией и без покровительства Запада.

Осложнение взаимоотношений между Турцией и Западом, потепление российско-турецких отношений создали ситуацию неопределенности

для стратегических региональных партнеров, в частности для Грузии. Противоречия заключаются в том, что Грузия проводит курс на интеграцию в ЕС и НАТО и своим проводником считает именно Турцию, которая, в свою очередь, сделала разворот на Восток. Соответственно, интеграция Грузии в Евро-атлантические структуры с помощью Турции остается под вопросом. Тем не менее военная, энергетическая и экономическая взаимозависимость двух стран подталкивает Грузию к сохранению стратегического партнерства с Турцией.

В новых геополитических реалиях отношения между Грузией и Турцией едва ли основаны на общих идеалах или политических амбициях. Турция, усиливая свое влияние в Грузии, обеспечивает себе надежный коридор и жизненно важное звено Евразийского вектора внешней политики. Отношения с этой страной Турция развивает в рамках трехстороннего формата: Турция — Грузия — Азербайджан.

Гюленовские школы в контексте турецко-грузинских отношений

После попытки государственного переворота президент Турции Р.Т. Эрдоган обвинил Фетхуллаха Гюлена, исламского проповедника и лидера движения «Фетхуллахчилар» (известно еще как «Нурджулар», «Хизмет», признано в Турции террористической организацией), в попытке захвата власти. После заявления Эрдогана начались преследования сторонников Гюлена внутри страны. Однако данная политика очень скоро вышла за пределы Турции и оказала влияние на политическую атмосферу различных стран, где присутствуют сторонники Гюлена.

До конфликта между президентом и Фетхуллахом Гюленом, который возник еще в декабре 2013 г., гюленовское движение считалось одним из инструментов «мягкой силы» Турции. Для распространения турецко-исламских идей оно активизировало общественную деятельность, занявшись учреждением образовательных центров [13] внутри страны и за рубежом при поддержке турецкого государства и турецких бизнесменов. Когда к власти пришла ПСР, поддержка со стороны Турции стала более заметной, как по идеологическим, так и по стратегическим причинам. Приоритетом деятельности этих школ стало обеспечение современного и светского образования в соответствии с местными нормами, а также обеспечение религиозного образования как внеклассной деятельности [14]. Школы стали активно пропагандировать синтез турецко-исламской идеологии, тем самым формируя группы протурецко настроенной молодежи [15: 75], в том числе и за рубежом.

ПСР и движение Гюлена в течение многих лет продвигали схожие идеи как в Турции, так и за пределами страны. Они имели одну и ту же соци-

альную базу и придерживались одних и тех же ценностей. Тем не менее незначительные различия постепенно усилились, спровоцировав раскол между ними. В результате Ф. Гюлен стал критиковать Эрдогана. В свою очередь Эрдоган обвинил движение Гюлена в том, что оно создает препятствие для его «правления», поскольку гюленисты стали политической силой в стране и создали «параллельную структуру» в государстве [14]. Для ограничения распространения взглядов противника Эрдоган принял решение закрыть все гюленевские школы. Отправной точкой в сложных отношениях Эрдоган — Гюлен стал коррупционный скандал, который разразился в декабре 2013 г. и который связывали с Эрдоганом. После этого начались масштабные гонения на СМИ, считавшиеся гюленовскими, были составлены списки претендентов на увольнение [16]. Антигюленовская кампания проводилась также и в других странах.

Неудачный военный переворот дал повод для чисток среди гюленистов в Турции. По приказу Эрдогана турецкие официальные лица и дипломаты обратились с призывом к правительствам разных стран закрыть школы Гюлена, настаивая на том, что эта сеть школ представляет угрозу национальной безопасности, а движение является террористической группировкой [17].

Одной из первых стран, к которой были обращены призывы Эрдогана, стала соседняя Грузия, где гюленисты начали действовать еще с 1992 г., после подписания рамочного договора между Турцией и Грузией. Основной целью движения стало усиления влияния в образовательной и государственной системе [18] Грузии. Под руководством турецкой организации «Учебно-просветительские учреждения Чаглар в Грузии» в течение 20 лет открылись 7 школ-лицеев¹. С 1995 г. в Грузии работает гюленовский Международный черноморский университет. Гюленовские образовательные учреждения за короткое время получили популярность в стране, в том числе благодаря своему качеству образования.

Такая развитая сеть гюленовских школ в Грузии и антигюленовская кампания Турции обусловили одну из самых сложных страниц турецко-грузинских отношений. Первым сигналом властям Грузии по вопросу закрытия школ стало заявление генконсула Турции в Батуми Ясина Темизкана, в котором он отметил, что эти школы «служат интересам террористических группировок», и призвал грузинское правительство закрыть

¹ Private Demirel School (Тбилиси, 1993), Tiflis Nikolaz Tsereteli International School (Тбилиси, 2006), Primary school «Skhivi» (Тбилиси, 2011), R. Sahin Friendship Primary Secondary School (Батуми, 1994), Kutaisi Niko Nikoladze Primary Secondary School (Кутаиси, 2004), Rustavi Rustaveli Primary Secondary School (Рустави, 2007), Marneuli Agmashenebeli Primary school (Марнеули, 2011).

местную школу-лицей дружбы им. Реффадина Шахина [19]. Это заявление получило негативную реакцию со стороны населения и Министерства образования Грузии.

На официальном уровне вопрос о закрытия гюленовских школ был внесен в повестку дня турецкой стороной во время визита премьер-министра Грузии Г. Квирикашвили в Турцию. В ходе переговоров турецкая сторона заявила о необходимости закрытия этих школ. В свою очередь власти Грузии утверждали, что нет никаких оснований для закрытия этих школ, стараясь обходить данный вопрос. Тем не менее Турция добилась своей цели, и в феврале 2017 г. Совет по авторизации образовательных учреждений при Минобразования Грузии принял решение об отмене авторизации лица Реффадина Шахина [20]. Затем в Грузии был задержан менеджер частного Демирельского колледжа Мустафа Чабук по обвинению в «поддержке террористической организации» [21] с его последующей экстрадицией в Турцию. С 2012 по 2016 г. Чабук занимал пост заместителя генерального директора всех гюленовских школ в Грузии. Несмотря на политический подтекст событий, министр образования Грузии А. Джебелава публично отрицал официальный запрос турецкой стороны о задержании Чабука, отметив, что они «делают все возможное, чтобы защитить студентов от идеологического давления». Через три месяца после задержания М. Чабука Министерство образования лишила лицензии Демирельский колледж [22].

Действия властей Грузии показали, что Анкара оказала огромное давление на Тбилиси в вопросе гюленовских школ в стране. Грузия была вынуждена уступить требованиям своего стратегического партнера ради сохранения дружеских отношений. Все это доказывает, что Турции удалось создать в Грузии успешные рычаги влияния, а Грузии достаточно сложно отстаивать свои интересы в диалоге со своим стратегическим партнером [23].

Заключение

В новых геополитических реалиях турецко-грузинские отношения вошли в период неопределенности. Его отправной точкой стала неудачная попытка военного переворота в Турции 15 июля 2016 г., после чего Турция стала отдаляться от Запада и сближаться с Россией. Данные тенденции спровоцировали возникновение элементов неопределенности в турецко-грузинском сотрудничестве.

Несмотря на эти факты, турецко-грузинские отношения продолжают развиваться. Эти государства связывают военно-политические, культурные, экономические и энергетические отношения, и Турция выступает в

качестве лидера в сложившемся тандеме. Грузии остается вести более прагматичную политику в отношении России и следовать в русле внешней политики Турции [24].

Источники и литература

1. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика. М.: Восточная книга, 2011.
2. *Igül M.* Continuity or Change in Turkish Foreign Policy? Analyzing the Policy Flutions during the Justic and Development party Era // *Journal of Global Analysis*. January 2017. Vol. 7. Number 1. P. 63. — Режим доступа: http://journalofglobalanalysis.com/wp-content/uploads/2017/03/JGA_7_1_A_3.pdf — Дата обращения: 12 мая 2017.
3. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. — М., 2010.
4. *Japarashvili N.* Post-Coup Turkey and its Implications for south Caucasus // *European public affairs.eu*. 9 Sept. 2016. — Режим доступа: <http://www.europeanpublicaffairs.eu/post-coup-turkey-and-its-implications-for-south-caucasus/> — Дата обращения: 24 сентября 2017.
5. *Ajeganov B.* Real friends? Georgia-Turkey relations in the wake of the July 15 coup attempt // *The Central Asia-Caucasus Analyst*. 10 Aug. 2016. — Режим доступа: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13388-real-friends?-georgia-turkey-relations-in-the-wake-of-the-july-15-coup-attempt.html> — Дата обращения: 24 сентября 2017.
6. Georgia closes air border with Turkey amid coup attempt — Prime Minister // *SputnikNews*. 16.07.2016. — Режим доступа: <https://sputniknews.com/middleeast/201607161043090339-georgia-turkey-air-border/> — Дата обращения: 16 июля 2017.
7. *Weiss A., Zabanova Y.* Georgia and Abkhazia Caught between Turkey and Russia: Turke’s changing relations with Russia and the West in 2015–2016 and their impact on Georgia and Abkhazia // *SWP Comments*, 54. Berlin. 2016. P. 6. — Режим доступа: http://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/49892/ssoar-2016-weiss_et_al-Georgia_and_Abkhazia_caught_between.pdf?sequence=1 — Дата обращения: 14 сентября 2017.
8. National Statistic Office of Georgia. — Режим доступа: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=137&lang=eng — Дата обращения: 6 мая 2017.
9. *Алексаян Л.М.* Эволюция турецко-грузинских отношений: новые тенденции (экономический и военно-политический аспекты) // *Проблемы постсоветского пространства*. 2017. № 2. С. 148–158.
10. *Tvalodze S.* Georgia-Turkey Trade Relations — Challenges and Opportunities // *PMC Research Center*. Tbilisi. 2016. P. 5. — Режим доступа: https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/6941/Georgia-Turkey_Trade.pdf?sequence=1 — Дата обращения: 18 сентября 2017.
11. *Georgian Diaspora and Migrant Communities in Germany, Greece and Turkey: Transnational realities and ties with Georgia / Prep.* Be the International Center for Migration Policy Develepment. Vienna. 2014. P. 82.

12. Аватков: Россия поможет Турции нащупать свое место в региональной и мировой системе международных отношений // Политаналитика. 29.09.2017. — Режим доступа: <http://www.politanalitika.ru/actualcomments/avatkov-rossiya-pomozhet-turtsii-nashupat-svoe-mesto-v-regionalnoj-i-mirivoj-sisteme-mezhdunarodnyh-otnoshenij/> — Дата обращения: 30 сентября 2017.
13. *Давыдов М.Н.* Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» // Институт Ближнего Востока. 2007. 3 нояб. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/03-11-07b.htm> — Дата обращения: 5 мая 2017.
14. *Balci B.* What Future For the FethullahGulen Movement in Central Asia and the Caucasus? // The Central Asia-Caucasus Analyst. 07.02.2014. — Режим доступа: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13006-what-future-for-the-fethullah-g%C3%BClen-movement-in-central-asia-and-the-caucasus> — Дата обращения: 12 мая 2017.
15. *Алексян Л.* Политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47).
16. *Крючков И., Зорилэ Д.* Ссора, расколовшая Турцию // Газета.ру. 27.06.2017. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/23_a_9707429.shtml — Дата обращения: 24 сентября 2017.
17. *Adilgizi L.* Turkey's fight against Gulen in the South Caucasus // Open Diplomacy. 06.07.2017. — Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/lamiya-adilgizi/turkeys-fight-against-gulen-in-south-caucasus> — Дата обращения: 11 сентября 2017.
18. *Kasatkin P., Avatkov V.* The soft power of migration — a hard task for the European union // Defence & Security Analysis. 2014. P. 3. — Режим доступа: http://www.old.mgimo.ru/files2/2014_09/up52/file_06448fc9f9e6facb12ddb295f27b93e6.pdf — Дата обращения: 21 апреля 2017.
19. Попытки Турции добиться закрытия гуленовских школ в Евразии не имеют успеха // Eurasianet.org. 13.09.2016. — Режим доступа: <http://russian.eurasianet.org/node/63401> — Дата обращения: 11 сентября 2017.
20. Турецкую школу в Батуми лишили авторизации // Грузия Online. 04.02.2017. — Режим доступа: <http://www.apsny.ge/2017/pol/1486273069.php> — Дата обращения: 12 мая 2017.
21. *Adilgizi L.* Turkey's fight against Gulen in the South Caucasus // Open Diplomacy. 06.06.2017. — Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/lamiya-adilgizi/turkeys-fight-against-gulen-in-south-caucasus> (Accessed: 20 сентября 2017).
22. Georgia shuts down Gulen-linked school as principal already under arrest at Turkey's request // Turkey Purge. 31.08.2017. — Режим доступа: <https://turkeypurge.com/georgia-shuts-down-gulen-linked-school-as-principal-under-arrest-at-turkeys-request> — Дата обращения: 20 сентября 2017.
23. *Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С.* Геополитическое казино Причерноморья. М.: Восток — Запад, 2009. — 351 с.
24. *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Черноморский регион: новые очертания. М.: МГОУ, 2010. — 198 с.

Сотрудничество Ирана и ЕАЭС

Е.С. Андреева

Екатерина Сергеевна Андреева, стажер Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье изучается уровень двустороннего партнерства между ЕАЭС и Ираном, рассматриваются возможности и перспективы подписания соглашения о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между Ираном и ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, Иран, Россия, Армения, зона свободной торговли, евразийская интеграция.

Abstract: the article examines the level of bilateral partnership between the EAEU and Iran, examines the opportunities and prospects for signing an agreement on the establishment of a free-trade area (FTA) between Iran and the EAEU.

Key words: EAEU, Iran, Russia, Armenia, free-trade area, the Eurasian integration.

Одной из мер для предупреждения замедления темпов роста мировой экономики и создания импульса, обеспечивающего развитие и прогресс, является усиление региональной интеграции [1: 12]. С участием России, Казахстана, Беларуси, а впоследствии — Армении и Киргизии, на постсоветском пространстве был создан новый интеграционный проект — Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Основными целями ЕАЭС являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [2].

Заклученный в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, а также создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов, Евразийский экономический союз стал не только экономическим, но и политическим проектом. Одной из основных моделей развития ЕАЭС предполагалось его

сопряжение с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Затем стала рассматриваться перспектива создания большого партнерства в Евразии, в которое могли бы войти ЕАЭС, Китай, Индия, Пакистан, Иран и другие государства [3].

За три года своего существования ЕАЭС доказал свою жизнеспособность и стал полноправным актором региональной и мировой политики. При этом ЕАЭС нацелен на расширение: любое государство, разделяющее цели и принципы ЕАЭС, может быть принято в него на условиях, согласованных с государствами-членами [2].

В последний год ЕАЭС развивает отношения с традиционными партнерами и формирует свою новую систему торговых и экономических связей с ведущими и перспективными экономическими центрами — Китаем, Индией, Вьетнамом, Ираном, Египтом, Израилем, странами Латинской Америки, международными структурами и региональными интеграционными объединениями [1: 13].

Для осуществления взаимодействия с другими государствами и институтами ЕАЭС имеет три основных институциональных формата: соглашение о зоне свободной торговли, непреференциальные торговые соглашения и меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями [4: 79]. Иран является приоритетной для ЕАЭС страной с точки зрения создания зоны свободной торговли [5]. Взаимодействие с ИРИ обеспечит выход на рынки и доступ к важнейшим транзитным маршрутам Среднего Востока [6: 167].

Сотрудничество ЕАЭС и ИРИ на 2017 г. было запланировано в рамках завершения работы совместной исследовательской рабочей группы по изучению вопроса о целесообразности заключения соглашения о свободной торговле и проведения переговоров по заключению такого соглашения [7].

Ядерная сделка, являющаяся одним из главных достижений действующего президента Ирана Х. Рухани, несмотря на завышенные ожидания населения не принесла существенных сдвигов в социально-экономической и политической сферах [8: 68]. Очевидно, что нынешнее руководство вынуждено искать новые пути экономического развития республики, возможности выхода на региональный и мировой рынки.

Внешняя политика Ирана обусловлена также и его географическим положением: одновременно центральноазиатским, средневосточным, прикаспийским и закавказским. Выход к Каспийскому морю, Индийскому океану, Персидскому и Оманскому заливам обеспечивает Ирану контроль за товаропотоком как на суше, так и на воде и воздухе [9: 98–99]. Геополитическое положение Ирана может дать возможность стране стать ключевым центром торгово-экономических связей региона. Например, ставшая

актуальной тема строительства коридора «Север — Юг» подтверждает стремление Ирана к развитию транспортно-логистического сообщения.

Особое значение было отведено реализации масштабных инфраструктурных проектов: созданию транспортно-логистических сетей, основанных на стержневых коридорах «Запад — Восток», «Степной путь», «Север — Юг». Предполагается, что облегчение торговых правил для ЕАЭС путем заключения торговых соглашений, в том числе с Китаем, Израилем, в перспективе — с Ираном и Индией, должна усилить отдачу от расширения и модернизации торговых путей [1: 96]. Учитывая, что часть товаропотока из России в Иран и наоборот осуществляется через территорию стран — участниц ЕАЭС, Тегеран заинтересован в возможности получения таможенных и пошлинных льгот.

В рамках сотрудничества с ЕАЭС на первоначальном этапе основная цель Ирана — расширение торгового партнерства. К настоящему моменту Иран рассматривает ограниченный формат своего участия. Углубление взаимодействия будет зависеть от оценки реальных выгод и рисков по результатам совместной деятельности [10].

Важную роль в вопросе взаимодействия Ирана и ЕАЭС играют укрепляющиеся отношения между Москвой и Тегераном. Иран, в свою очередь, может рассчитывать на Армению в выходе на рынок ЕАЭС [11]. Сотрудничество России и ИРИ развивается в различных направлениях: политическом, торгово-экономическом, научном, техническом и др. Между сторонами подписан ряд ключевых договоров: соглашение об открытии кредитной линии на реализацию двух крупных проектов: электрификацию железной дороги Гармсар — Инче Бурун протяженностью 497 км, которая соединит Тегеран с туркменской границей, и строительство вблизи г. Бендер-Аббас нескольких энергоблоков мощностью 350 МВт [12: 52]. Помимо этого обе страны являются участницами проекта «Север — Юг».

Из всех государств — участников ЕАЭС наибольший интерес к теме сотрудничества с Ираном, а также возможного открытия зоны свободной торговли (ЗСТ) на границе проявляется в Армении. Данная страна позиционирует себя как единственно возможное связующее звено между ЕАЭС и Ираном. Это аргументируется тем, что из всех стран — участниц ЕАЭС только у Армении существует общая сухопутная граница с Ираном.

Среди всех стран-участниц наибольший товарооборот наблюдается у Ирана с Россией, на втором месте — Казахстан, на третьем — Армения. Незначительные цифры по взаимной торговле — с Киргизией и Беларуссией¹.

¹ По данным иранской статистической службы за 1394 год иранского летоисчисления (март 2015 — март 2016 гг.)

Стремление Еревана к открытию ЗСТ на границе с Ираном обусловлено рядом факторов. Во-первых, за 2016 г., по оценкам армянской стороны, объем товарооборота между Ираном и Арменией увеличился втрое [13]. Во-вторых, Армения воспринимает сотрудничество с Ираном в контексте конкуренции с Азербайджаном в ряде крупных региональных проектов и роли ключевого геополитического союзника Ирана на Южном Кавказе. Стремление армянского руководства к открытию ЗСТ на границе с Ираном подтверждает также обсуждение данной темы на последней встрече Сержа Саргсяна с Хасаном Рухани, которая состоялась во время мероприятий инаугурации иранского президента.

Армения получит выгодную позицию для экспорта иранской продукции в ЕАЭС и наоборот. Открытие ЗСТ между ЕАЭС и Ираном положительно повлияет на развитие экономики республики. Создание ЗСТ позволит Армении стать связующим звеном между Ираном и ЕАЭС. По предварительным оценкам, на создание ЗСТ потребуется 32 млн долл., однако информации о том, какая сторона будет брать на себя расходы по созданию зоны свободной торговли, нет [14]. Для Армении строительство ЗСТ в Мегри рассматривается не только как возможность выхода на иранский рынок, но и как прямой выход на крупные рынки сбыта Китая и Индии [15].

Предполагается, что открытие подобной зоны сделает более существенной экономическую и промышленную политику с Ираном, будет способствовать углублению и расширению двусторонних экономических связей, сможет сформировать такие условия, которые позволят получить беспрепятственный выход для Евразийского экономического союза и иранских рынков.

Для совместной работы с Ираном по вопросу стимулирования экспорта армянской продукции (продуктов питания, агропродуктов), обсуждения перспектив создания свободной экономической зоны (СЭЗ), а также изучения потенциального воздействия возможного соглашения между Ираном и ЕАЭС на экономику стран — членов экономического союза Армения инициировала создание рабочей группы [16].

Иранская сторона, в свою очередь, видит возможность в расширении сотрудничества в направлении рынка ЕАЭС посредством действующих в Армении и Иране свободных экономических зон [16]. Готовность Ирана подписать льготный тарифный договор с Евразийским экономическим союзом отмечалась еще с 2016 г., однако результат пока не был достигнут [17].

Среди последних действий иранской стороны, направленных на углубление сотрудничества с ЕАЭС, можно отметить обсуждение вопроса о создании зеленого таможенного коридора в целях упрощения электронной отгрузки товаров, благодаря чему стало возможным начало переговоров о создании ЗСТ. Основная цель для Ирана — создать условия,

чтобы иранские экспортеры могли использовать механизмы приоритетной торговли, что в перспективе может стимулировать развитие нефтяного экспорта Ирана [6: 26].

Одним из главных факторов замедления развития сотрудничества между ЕАЭС и Ираном и, как следствие, отсутствия соглашения о ЗСТ является характер продаваемых товаров. Иран представляет особый интерес для российских экспортеров в плане несырьевого и высокотехнологического экспорта. При этом иранский рынок хорошо защищен различного рода тарифными и нетарифными барьерами [4: 81].

Несмотря на оптимистичные настроения всех сторон, нельзя не отметить ряд существенных трудностей, с которыми придется столкнуться Тегерану при сотрудничестве с ЕАЭС. Одна из них — это отсутствие железнодорожного сообщения между Ираном и Арменией. Долгое время шли обсуждения возможного строительства железной дороги, однако из-за слишком большой стоимости проекта иранская сторона выбрала строительство ж/д через Азербайджан (азербайджанский вариант коридора «Север — Юг»).

Другая трудность — отсутствие сухопутной границы между Арменией и другими странами — членами ЕАЭС. При отсутствии ж/д стороны будут вынуждены пользоваться военно-грузинской а/д (КПП Казбеги — Верхний Ларс) через Грузию, состояние и проходимость которой оставляют желать лучшего, особенно в зимний период.

Решение о строительстве МТК «Север — Юг» через территорию Азербайджана по левому побережью Каспия, несомненно, будет способствовать укреплению экономических отношений между Москвой и Тегераном, однако негативно повлияет на транзитную функцию, выполняемую Арменией, что, как представляется, несколько ослабит сотрудничество между Ираном и ЕАЭС.

Таким образом, расширение взаимодействия между Ираном и ЕАЭС может положительно сказаться как на экономическом, так и на политическом сотрудничестве Ирана и России. Тем не менее в связи с отсутствием широко развитой транспортно-логистической системы между ЕАЭС и ИРИ потенциал взаимного товарооборота между странами Евразийского экономического союза и Ираном не достиг должного уровня.

Источники и литература

1. Евразийский экономический союз: новая реальность — новые возможности / Под общ. ред. *Т.Д. Валовой*. — М., 2017.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе: Подписан в г. Астане 29.05.2014 // Ред. от 08.05.2015. С изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017.
3. Единогласно: АСЕАН поддержал идею интеграции ЕАЭС, ШОС и АТЭС. — Режим доступа: <https://mir24.tv/news/14433067> — Дата обращения: 13 ноября 2017.

4. Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь: Спецвыпуск. 2017 / *Е.С. Алексеенкова* [и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2017. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/papers/EAEU2025-Paper-ru.pdf> — Дата обращения: 10 ноября 2017.
5. Иран может присоединиться к зоне свободной торговли ЕАЭС, если удастся преодолеть разногласия. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/world/2017/08/25/1641312.html> — Дата обращения: 10 ноября 2017.
6. Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. Доклад № 29/2017 / Гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2017.
7. Решение № 18 от 26 декабря 2016 г. «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2017 г. — Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413605/scd_11042017_18 — Дата обращения: 11 ноября 2017.
8. *Мустафабейли А.М.* К вопросу о жизнеспособности Исламской Республики Иран (ИРИ) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 3 (9). С. 56–69.
9. *Животенков А.Н.* Основы внешней политики Исламской Республики Иран и этапы ее формирования // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 4 (10). С. 91–101.
10. Перспективы отношений Ирана и ЕАЭС: вызовы и возможности. Интервью с доктором *Ф. Парандом*. — Режим доступа: <http://www.iras.ir/fa/doc/interview/936> — Дата обращения: 11 ноября 2017.
11. Экономист: у ЕАЭС должны быть амбициозные цели. — Режим доступа: <https://news.am/rus/news/398893.html> — Дата обращения: 17 ноября 2017.
12. Россия — Иран: взаимодействие по всем направлениям: Интервью — беседа с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Исламской Республике Иран *Л.С. Джагаряном* // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 3 (9). С. 49–55.
13. Посол: Армения и Иран углубляют экономическое сотрудничество. — Режим доступа: <https://news.am/rus/news/343739.html> — Дата обращения: 11 ноября 2017.
14. Армения является ключевым игроком в отношениях между ЕАЭС и Ираном. — Режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/economy/20170413/7003346/armeniya-yavlyaetsya-klyuchevym-igrokom-v-otnosheniyah-mezhdu-eaehs-i-iranom.html> — Дата обращения: 12 ноября 2017.
15. Зона конфронтации между США и РФ все ближе к Армении. — Режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20170222/6481738/zona-konfrontatsii-mezhdu-ssha-i-rf-vse-blizhe-k-armenii.html> — Дата обращения: 11 ноября 2017.
16. Карен Карапетян нацелился на Иран. — Режим доступа: <http://www.armenianreport.com/pubs/143372/> — Дата обращения: 8 ноября 2017.
17. Иран способствует созданию свободной экономической зоны «Мегри» в Армении. — Режим доступа: <http://www.panarmenian.net/rus/news/227646/> — Дата обращения: 11 ноября 2017.

Политика безопасности в словацко-чешских отношениях

Иво Гопта

Иво Гопта, аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья посвящена анализу современного состояния политики безопасности в рамках двустороннего словацко-чешского сотрудничества, а также словацко-чешской кооперации с другими государствами, международными организациями и объединениями в сфере безопасности. Проанализирована концептуальная база политики безопасности обоих государств, выявлены основные цели, принципы и механизмы взаимного сотрудничества в сфере безопасности. Рассмотрены проблемы, связанные с вызовами и угрозами на международной арене, имеющими непосредственное влияние на реализацию политики безопасности в Словакии и Чехии.

Ключевые слова: безопасность, внешняя политика, вызовы, политика безопасности, Словакия, сотрудничество, угрозы, Чехия.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the current state of the security policy in the framework of bilateral Slovak-Czech cooperation, as well as within the framework of the Slovak-Czech cooperation with other states, international organizations and associations in the field of security. The conceptual base of the security policy of both states is compared and analyzed, the main goals, principles and mechanisms of mutual cooperation in the sphere of security are revealed. Attention is also paid to problems, challenges and threats in the international arena that have a direct impact on the implementation of security policies in Slovakia and the Czech Republic.

Key words: security, foreign policy, challenges, security policy, Slovakia, cooperation, threats, Czech Republic.

Введение

С процессом демократизации мирового политического пространства меняются параметры международной среды. Мир сталкивается с новыми вызовами и угрозами, в том числе в сфере безопасности. С новой волной научно-технической революции спектр возможных военно-политических угроз расширился и приобрел большее значение. В связи с этим особое

внимание уделяется военно-политической обстановке не только в мировом сообществе в целом, но и в отдельных государствах, в том числе Словакии и Чехии¹.

Словакия и Чехия являются географической, исторической, политической, экономической, культурной и так далее частью евро-атлантического пространства. Политика безопасности обоих государств осуществляется индивидуально, а также в кооперации с другими государствами и международными организациями. При реализации своей политики Словакия и Чехия опираются на правовые нормы, уважение прав человека и его основные свободы в соответствии с принципами Устава ООН и другими нормами международного права².

Концептуальная база политики безопасности Словакии и Чехии

Политика безопасности — неотъемлемая часть внутренней и внешней политики любого государства. Выработка эффективной политики безопасности в условиях усиливающейся международной политической нестабильности является одной из важнейших задач любого государства, поскольку генерируемые глобализацией вызовы и угрозы имеют транснациональный характер [12]. В силу событий, происходящих на международной арене, когда миру предстоит ответить на стоящие перед ним существенные вызовы и угрозы, Словакия и Чехия также уделяют значительное внимание выработке и дальнейшей реализации политики безопасности.

Политика безопасности и обороны Словакии и Чехии формируется и реализуется органами государственной власти на основе концептуальных и доктринальных документов. Основные стратегические национальные приоритеты и интересы Словакии и Чехии, их цели, задачи и принципы реализации в области внутренней и внешней политики направлены на укрепление и обеспечение требуемого уровня национальной безопасности, устойчивого развития обоих государств. Они определены базовыми документами стратегического планирования — Стратегией безопасности Словацкой Республики [4] и Стратегией безопасности Чешской Республики [6].

Действующая в настоящее время Стратегия безопасности Словацкой Республики была утверждена Национальным Советом Словацкой

¹ 31 декабря 1992 г. закончилось 74-летнее совместное существование союза двух братских народов — чехов и словаков — в рамках единого государства — Чехословакии, вследствие чего 1 января 1993 г. на политической карте мира появились новые независимые и суверенные государства — Словакия и Чехия.

² Гарантировано также конституциями Словакии и Чехии.

Республики (парламентом) 27 сентября 2005 г. Документ разделен на три основные части: «Интересы безопасности Словацкой Республики»; «Среда безопасности Словацкой Республики»; «Политика безопасности Словацкой Республики». Последняя часть состоит из двух разделов: «Безопасность гражданина и государства»; «Стабильность и предсказуемость среды безопасности».

Постоянно изменяющаяся мировая военно-политическая обстановка, при которой спектр угроз и вызовов безопасности стремительно расширяется, заставляет правительство Словакии неоднократно поднимать вопрос об эффективности Стратегии безопасности Словацкой Республики, действующей с 2005 г. Изменения в сфере безопасности побудили словацкое правительство в 2017 г. разработать новую Стратегию безопасности Словацкой Республики. Она основывается на стратегии безопасности 2005 г. и также отражает реакцию государства на угрозы и вызовы военного и невоенного характера, стоящие перед Словакией. Кроме министерства обороны Словакии, министерства иностранных и европейских дел Словакии и других министерских ведомств, Совета безопасности Словацкой Республики (СБСР)¹, в разработке Стратегии безопасности Словакии 2017 г. также участвуют представители академической науки, например Словацкого института политики безопасности (СИПБ)² и др.

Действующая Стратегия безопасности Чешской Республики по сравнению со словацкой является более современной, так как была утверждена постановлением Правительства № 79 от 4 февраля 2015 г. [11]. Данный документ разработан совместно с администрацией президента Чешской Республики, Парламентом Чешской Республики, а также сообществом безопасности Чехии, в том числе представителями государственной и негосударственной сфер. Он состоит из четырех основных разделов: «Основы политики безопасности Чешской Республики»; «Интересы без-

¹ Совет безопасности Словацкой Республики (СБСР) — консультативный орган словацкого правительства, участвующий в создании и осуществлении системы безопасности Словакии, выполнении государством международных обязательств в сфере безопасности, оценке ситуации в области безопасности в Словакии и в мире, а также в подготовке предложений и рекомендаций правительству о мерах по обеспечению безопасности государства, предотвращению и урегулированию кризисных ситуаций.

² Словацкий институт политики безопасности (СИПБ) — словацкая независимая неправительственная организация, которая объединяет экспертов и специалистов из области политики безопасности и обороны от правительственных, неправительственных и академических учреждений. Основное внимание СИПБ уделяет исследованиям и анализу текущих проблем, вызовов и угроз безопасности государства с целью повысить общую осведомленность словацкой общественности.

опасности Чешской Республики»; «Среда безопасности»; «Стратегия содействия обеспечению интересов безопасности Чешской Республики».

Стратегия безопасности Чешской Республики разделяет интересы Чехии по степени важности на три категории: 1) *жизненные интересы* (обеспечение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости Чешской Республики; сохранение всех требований демократического правового государства, включая гарантию и защиту основных прав и свобод человека); 2) *стратегические интересы* (обеспечение стабильности и безопасности, прежде всего в евроатлантическом пространстве; предотвращение локальных и региональных конфликтов, а также смягчение их последствий; сохранение глобальной стабилизирующей роли и повышение эффективности работы ООН; укрепление согласованности и эффективности НАТО и ЕС; сохранение функциональных трансатлантических связей; обеспечение внутренней безопасности, кибербезопасности и защиты населения Чехии и др.); 3) *значимые интересы*, в число которых входят: повышение устойчивости общества к угрозам безопасности; сокращение преступности с акцентом на экономической, организованной и информационной преступности; борьба с коррупцией; укрепление обороны; создание условий для толерантного гражданского общества; подавление экстремизма и его причин; повышение эффективности и профессионализма государственных учреждений и др. [8].

Принципы и механизмы реализации политики безопасности Словакии и Чехии нашли свое отражение в ряде внешнеполитических документов. Например, таких как Отчет о выполнении задач внешней и европейской политики СР в 2016 году и ее цели на 2017 год [10] (словацкий аналог названия концепции внешней политики) и Концепция внешней политики Чешской Республики [7].

Таким образом, концептуальная база политики безопасности Словакии и Чехии является важным фундаментом, на основе которого реализуются краткосрочные и долгосрочные меры по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В результате анализа стратегических документов можно определить основную миссию политики безопасности Словакии и Чехии, которая заключается в ориентации на сохранение окружающей среды в целях защиты, поддержки и продвижения национальных интересов государств в данной сфере. При этом необходимо учитывать следующие основные принципы:

- суверенное право на обеспечение безопасности государств и их граждан;
- право на индивидуальную и коллективную самооборону;
- неделимость безопасности (безопасность Словакии и Чехии нельзя отделять от безопасности всего евро-атлантического пространства);

- активная солидарность и заинтересованность;
- предвидение и предотвращение возможных угроз и конфликтов путем создания средств по их преодолению;
- предпочтение мирных путей и способов (политических и дипломатических средств) урегулирования конфликтов, ситуаций или споров;
- эффективное и результативное функционирование системы международных стандартов;
- координация совместных действий международного сообщества;
- использование всех имеющихся национальных и международных механизмов, инструментов и средств в соответствии с законодательством и взаимными обязательствами;
- доверие государств системе международных отношений и безопасности;
- информированность и активное вовлечение граждан в развитие политической жизни общества и государства в целом и др.

Словацко-чешское сотрудничество в сфере безопасности

Постоянно трансформирующаяся сфера безопасности, изменения которой носят долгосрочный и комплексный характер, в последние годы является актуальной областью взаимодействия и пересечения интересов Словакии и Чехии. Словацко-чешское сотрудничество в сфере безопасности, где приоритет отдается совместному участию в проектах, развивающих военные возможности на различных уровнях, выступает значимым фактором стабильности и безопасности в обеих странах. Правительства Словакии и Чехии в рамках осуществляемой политики безопасности активно принимают необходимые системные и оперативные меры, инициируют законодательные корректировки и совместно реализуют соответствующие решения по взаимному сотрудничеству как на двустороннем уровне, так и в условиях многостороннего сотрудничества — на уровне региональных и международных организаций и объединений.

В рамках двустороннего взаимодействия Словакии и Чехии особое внимание уделяется следующим вопросам:

- приграничному сотрудничеству в области кризисного урегулирования и взаимопомощи в операциях невоенного характера;
- тщательной профессиональной подготовке и обучению не только военнослужащих, но и представителей военного здравоохранения (военных врачей) путем осуществления стажировок и обмена опытом в данной области;
- модернизации проектов, направленных на вооружение, а также исследования и разработки в военно-технической сфере;

– взаимной аккредитации обучения в учебных заведениях при министерствах обороны;

– совместной деятельности субъектов оборонной промышленности и др.

Доказательством активного, тесного и достаточно продуктивного словацко-чешского сотрудничества является Договор между Словацкой и Чешской Республиками о сотрудничестве по взаимной защите воздушного пространства [13], подписанный 15 февраля 2017 г. Данный договор создал условия для эффективного и взаимовыгодного сотрудничества между двумя государствами в обеспечении неприкосновенности их воздушного пространства. Он также предусматривает возможность выхода за рамки взаимного сотрудничества в условиях интегрированной системы ПВО и ПРО НАТО — NATINAMDS¹, которая является одним из основных столпов обороны Словакии и Чехии.

Важность данного договора отметил словацкий министр обороны П. Гайдош, который считал, что его подписание «является историческим моментом для обеих стран и подтверждает долгосрочные отношения между Словацкой и Чешской Республиками» [9]. Аналогичной позиции придерживается глава чешского оборонного ведомства М. Стропницкий, который также подчеркивал высокий уровень сотрудничества между двумя странами. Он заявил: «Даже в рамках В4 иногда присутствуют разные мнения, но со словацкой стороны мы всегда можем договориться очень быстро и эффективно» [9].

Словацко-чешское взаимодействие также реализуется в условиях многостороннего сотрудничества на уровне региональных и международных организаций и объединений, членами которых являются Словакия и Чехия (ООН, ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОЭСР, Совет Европы, Вишеградская группа, Центрально-Европейская Инициатива и др.), а также неправительственных организаций, международных договоров, конвенций, соглашений, норм и стандартов. Словацко-чешское сотрудничество в рамках вышеупомянутых региональных и международных структур и объединений в сфере безопасности имеет двойственный характер. С одной стороны, совместные усилия Словакии и Чехии содействуют достижению целей и задач, поставленных данными организациями, а с другой — эти региональные

¹ NATINAMDS (от англ. NATO Integrated Air and Missile Defence System) — интегрированная система ПВО и ПРО стран — членов НАТО, которая обнаруживает, отслеживает, определяет и мониторит объекты в воздушном пространстве (самолеты, вертолеты, беспилотные летательные аппараты и баллистические ракеты), чтобы в случае необходимости развернуть против них наземные или воздушные силы. Данная система реализуется через миссию NIAMD (NATO Integrated Air and Missile Defence), цель которой — защита территории альянса от угрозы воздушного и ракетного нападения как в мирное время, так и при кризисе или конфликте.

и международные структуры способствуют укреплению и расширению словацко-чешского сотрудничества. Наиболее удачным примером служат внешнеполитические интеграционные приоритеты Словакии и Чехии, направленные на обеспечение безопасности и достижение экономического роста.

Вступление Словакии и Чехии в различные региональные и международные структуры и объединение усилий в сфере безопасности обеспечило обеим странам не только союзнические обязательства, но и возможность активного участия в разработке, осуществлении и укреплении общей коллективной обороны и безопасности евро-атлантического пространства, неразрывно связанной с безопасностью Словакии и Чехии. Безопасность Словакии и Чехии зависит от способности обеспечить функциональность многосторонних механизмов в рамках НАТО и ЕС. Североатлантический альянс и функциональная система коллективной обороны являются основной гарантией безопасности обоих государств. Коллективная оборона НАТО, которая четко определена и закреплена в статье 5 [2] основополагающего договора НАТО — Североатлантического договора¹, — заключается в следующем: нападение на одно из государств — членов НАТО рассматривается как нападение на всех членов НАТО [3]. Таким образом, гарантии безопасности как Словакии, так и Чехии напрямую обусловлены способностью обеих стран выполнять союзнические обязательства. Взаимозависимость Словакии, Чехии и других государств — членов НАТО, т. е. их союзников, означает обеспечение безопасности не только их национальных интересов, но и евро-атлантического пространства в целом.

Словакия и Чехия активно выступают за обеспечение безопасности и стабильности Европы и мира в целом, участвуя в миротворческих миссиях и операциях НАТО, ЕС, ООН и специальных коалиций. Кроме того, словацко-чешское взаимодействие направлено на борьбу с международным терроризмом, распространением оружия массового поражения, на контроль вооружения и разоружения, включая экспорт военной техники и товаров двойного назначения и т. д.

Ключевую значимость с точки зрения обеспечения безопасности Словакии и Чехии имеет политическая и экономическая стабильность ЕС. Словакия и Чехия совместно с другими государствами-членами участву-

¹ Североатлантический (Вашингтонский) договор является международным соглашением, которое было подписано 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне западноевропейскими и североамериканскими странами в целях объединения усилий для коллективной обороны, сохранения мира и безопасности в Североатлантическом пространстве.

ют в формировании Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (ОВПБ)¹. К наиболее актуальным вызовам и угрозам, затрагивающим безопасность и стабильность ЕС, можно отнести европейский миграционный кризис [1] и украинский конфликт [5]. Обострение военно-политической обстановки на Украине, граница которой одновременно является границей СР и внешней границей ЕС, а также продолжающийся европейский миграционный кризис, вызывают опасения в Словакии и Чехии. Поэтому оба государства уделяют значительное внимание формированию и реализации ОВПБ, внося свой вклад в Общую политику безопасности и обороны Европейского союза (ОПБО)². Оба государства поддерживают формирование благоприятных условий для создания эффективных механизмов ЕС в целях углубления системы совместной безопасности всего Союза, укрепления его стабильности и преодоления в нем потенциальных кризисов.

Словацко-чешское сотрудничество можно наблюдать на примере кооперации с ОБСЕ и его государствами-членами. Идентичное понимание Словакией и Чехией существующих проблем, угроз и вызовов, стоящих перед Европой, отражается в единообразии позиций обоих государств и их поддержке инструментов ОБСЕ. Речь прежде всего идет об укреплении стабильности и кооперативного подхода к разрешению вопросов безопасности путем осуществления миссий по наблюдению за выборами, поддержки механизмов поощрения свободы СМИ или путем принятия эффективных мер, позволяющих повысить прозрачность в контроле над вооружением. Значительная вовлеченность Словакии и Чехии также наблюдается в миссиях по содействию политической и демократической трансформации в странах ОБСЕ и др.

Таким образом, Словакия и Чехия являются партнерами в стратегически важном для обоих государств евро-атлантическом пространстве.

¹ Основная цель Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (ОВПБ) заключается в содействии сохранению международного мира и безопасности, а также поощрению ценностей демократии, правового государства и соблюдения прав человека в мире.

² Общая политика безопасности и обороны Европейского Союза (ОПБО) — ранее известная как Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО). Со вступлением в силу Лиссабонского соглашения 1 декабря 2009 г. ЕПБО трансформировалась в ОПБО. ОПБО является неотъемлемой частью Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза (ОВПБ). ОПБО обеспечивает оперативную способность ЕС, используя при этом гражданские и военные средства, которые могут быть применены во время миссий за пределами ЕС, направленных на поддержание мира, предотвращение конфликтов и укрепление международной стабильности и безопасности в соответствии с принципами Устава ООН.

Важность и функциональность международных структур в сфере безопасности, неотъемлемой частью которых являются Словакия и Чехия, заключается в адекватном участии всех государств-членов и солидарности между союзниками. Кроме того, надежность и добросовестность каждого из союзников при выполнении своих обязательств, включая участие в программах, миссиях и реализуемой политике в сфере безопасности, становится необходимым условием поддержания их способности обеспечивать коллективную безопасность и защиту своих государств-членов.

Источники и литература

1. *Гопта И.* Миграционный кризис — масштабная проблема для Старого Света. Особенности политики Словацкой Республики и Чешской Республики // *Обозреватель — Observer*. 2017. № 6. С. 81–90.
2. Коллективная оборона — статья 5. — Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_110496.htm — Дата обращения: 9 ноября 2017.
3. Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. — Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm — Дата обращения: 9 ноября 2017.
4. *Bezpečnostná stratégia Slovenskej republiky*. — Режим доступа: <http://www.mod.gov.sk/data/files/833.pdf> — Дата обращения: 7 ноября 2017.
5. *Bezpečnostné fórum 2017. Zborník vedeckých prác / J. Ušiak, D. Kollár, M. Melková*. — Banská Bystrica: Interpolis, 2017. С. 442–445.
6. *Bezpečnostní strategie České republiky*. — Режим доступа: <https://www.vlada.cz/assets/ppov/brs/dokumenty/bezpecnostni-strategie-2015.pdf> — Дата обращения: 7 ноября 2017.
7. *Koncepce zahraniční politiky České republiky*. — Режим доступа: http://www.mzv.cz/file/1565920/Koncepce_zahranicni_politiky_CR.pdf — Дата обращения: 8 ноября 2017.
8. *Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. Bezpečnostní politika*. — Режим доступа: http://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/bezpecnostni_politika/index.html — Дата обращения: 8 ноября 2017.
9. *Ministri obrany SR a ČR podpísali zmluvu o spolupráci pri ochrane vzdušného priestoru*. — Режим доступа: <http://www.mod.gov.sk/39205-sk/ministri-obrany-sr-a-cr-podpisali-zmluvu-o-spolupraci-pri-ochrane-vzdusneho-priestoru/> — Дата обращения: 9 ноября 2017.
10. *Správa o plnení úloh zahraničnej a európskej politiky SR v roku 2016 a jej zameranie na rok 2017*. — Режим доступа: <https://www.mzv.sk/documents/10182/2686701/Sprava+o+plneni+uloh+a+zameranie+ZP+2016-2017> — Дата обращения: 8 ноября 2017.
11. *Usnesení vlády České republiky ze dne 4. února 2015 č. 79 o Bezpečnostní strategii České republiky 2015*. — Режим доступа: <https://apps.odok.cz/attachment/-/down/VPRA9TLBFGUZ> — Дата обращения: 7 ноября 2017.
12. *Zeman P.* Perspektívy vývoje bezpečnostní situace, vojenství a obranných systémů do roku 2015 s výhledem do roku 2025. Česká bezpečnostní terminologie. Výklad

základných pojmov / P. Zeman. — Brno: Ústav strategických studií Vojenské akademie v Brně, 2002. — С. 82.

13. Zmluva medzi Slovenskou republikou a Českou republikou o spolupráci pri vzájomnej ochrane vzdušného priestoru. — Режим доступа: http://www.rokovania.sk/File.aspx/ViewDocumentHtml/Mater-Dokum-205110?prefixFile=m_ — Дата обращения: 9 ноября 2017.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема международно-правового статуса Каспийского моря: механизмы решения

С.С. Жильцов, И.С. Зонн, М. Сойлемезиду

Сергей Сергеевич Жильцов, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия;

Игорь Сергеевич Зонн, доктор географических наук, генеральный директор Инженерного научно-производственного центра по водному хозяйству, мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия;

Марина Сойлемезиду, Афинская академия, Афины, Греция.

Аннотация: после распада СССР прикаспийские страны выработали механизмы решения одной из ключевых проблем региона — международно-правового статуса Каспийского моря. Одним из них являются саммиты, которые позволили поэтапно приближаться к разрешению данной проблемы. Саммиты прикаспийских стран стали проводиться с начала XXI в. За пятнадцатилетнюю историю их проведения позиции прикаспийских стран по вопросу международно-правового статуса Каспия сблизились, и были созданы условия для дальнейшего решения данной региональной проблемы.

Ключевые слова: Каспий, Каспийский регион, саммиты, прикаспийские государства.

Abstract: for more than a quarter of a century since the collapse of the USSR, the countries of the Caspian region have developed mechanisms for stepwise solution of regional problems. To resolve one of the key problems of the Caspian region, the international legal status of the Caspian sea, the countries of the region are using summits, which have replaced meetings at the highest level. The summits of the Caspian countries, which is being

held since the beginning of the XXI century, brought together the positions of the Caspian countries, created the conditions for further consideration of regional issues.

Key words: the Caspian sea, the Caspian region, the summits, the Caspian littoral States.

Введение

После распада СССР на берегах Каспия появились независимые государства — Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Новые прикаспийские государства не готовы были придерживаться прежних советско-персидских и советско-иранских договоренностей и выступили за разработку нового международно-правового статуса Каспийского моря. Это поставило вопрос о выработке форм взаимодействия прикаспийских стран.

Решение международно-правового статуса Каспийского моря тесно связано с вопросами добычи и транспортировки углеводородных ресурсов, которые находятся на его месторождениях, с сохранением уникальных биоресурсов. Кроме того, регион превратился в ключевой транспортно-коммуникационный узел, который связал Средний и Ближний Восток, Центральную Азию и Кавказ. Данные факторы усилили заинтересованность прикаспийских стран в решении международно-правового статуса Каспийского моря.

Формирование переговорного процесса

Отношения России и Ирана на Каспии имеют многовековую историю. Ожесточенная борьба за доминирование на Каспии в XVIII–XIX веках в XX столетии сменилась формированием двустороннего механизма взаимодействия. Подписанные договоры (в 1921 г. между Россией и Персией, в 1940 г. между Советским Союзом и Ираном) предусматривали наличие права свободного судоходства и рыболовства (за исключением десяти-мильной рыболовной зоны), а также вводили запрет на плавание судов под флагами третьих стран. При этом договоры не регулировали вопросы недропользования и охраны природной зоны.

Распад Советского Союза нарушил сложившийся механизм советско-иранского взаимодействия. Новые прикаспийские государства — Азербайджан, Казахстан и Туркменистан — все меньше брали в расчет позицию России, проводя политический курс, ориентированный на расширение сотрудничества с западными странами [1: 56–82]. Советско-иранские договоры подверглись критике новых прикаспийских государств, поскольку не отвечали их интересам. Прикаспийские государства выступали

за то, чтобы разделить Каспийское море на национальные сектора, подчеркивая, что они не являлись участниками международных договоров, заключенных Россией и Персией (Ираном) в XIX–XX вв. Этот аргумент многократно использовался на переговорах и сформировал их последующую позицию по вопросу международно-правового статуса Каспия. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан настаивали на отсутствии у них исторических обязательств.

Россия опиралась на принцип непрерывности (континуитета) российской государственности [2]. Согласно данному принципу Российское государство (Российская империя), РСФСР, СССР и Российская Федерация являлись одним и тем же участником межгосударственных отношений, одним и тем же субъектом международного права, который продолжал осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из его международных договоров. Позиция России по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря в начале 1992 г. определялась тем, что ее правопреемство в отношении статуса Каспия новые прикаспийские государства подтвердили в Алма-Атинской Декларации от 21 декабря 1991 г. Согласно этому документу государства — участники Содружества гарантировали выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и обязательств бывшего СССР [3].

Разногласия стран региона поставили вопрос о разработке нового международно-правового статуса Каспийского моря. Каждое из новых прикаспийских государств предлагало свой вариант решения проблемы. Азербайджан апеллировал к решению 1970 г., когда министерство нефтедобывающей промышленности СССР поделило на сектора советскую часть Каспийского моря между Азербайджанской ССР, Казахстанской ССР, РФ и Туркменской ССР. За основу была взята срединная линия, общепринятая в международной практике. В то же время в своей работе президент Азербайджана И. Алиев отмечал, что разделение моря между республиками по административно-территориальным границам носило условный характер. Эти границы являлись всего лишь внутренними, а не внешними государственными линиями [4: 291].

Преобладание у Азербайджана, Туркменистана и Казахстана жесткой позиции было связано с заинтересованностью привлечь иностранные инвестиции в разработку месторождений углеводородных ресурсов и создание трубопроводов для последующего экспорта нефти и газа на внешние рынки. Кроме того, сохранение лидирующей роли России на Каспии противоречило интересам западных нефтегазовых компаний, которые активно действовали в новых прикаспийских государствах. Тем более что после распада СССР каспийская нефть вновь приобрела исключительно важное значение, став основой экономического развития

для стран региона [5: 298]. Эти факторы препятствовал конструктивному обсуждению проблемы международно-правового статуса Каспийского моря в пятистороннем формате.

Политическая ситуация в Каспийском регионе кардинально изменилась 20 сентября 1994 г., когда Азербайджан подписал контракт с крупными нефтяными компаниями о разработке нефтяных месторождений на шельфе Каспия (месторождения Азери, Гюнешли, Чираг). Соглашение получило негативную оценку в России, которая по-прежнему выступала за совместное использование Каспийского моря. Россия пыталась препятствовать переговорному процессу о разработке месторождений нефти и газа на Каспии, предложив создать механизм регионального взаимодействия. В частности, в октябре того же года Россия предложила прикаспийским странам создать региональную организацию для рассмотрения вопросов, касающихся проблем Каспия и совместной разработки углеводородных месторождений. Однако подобные предложения не нашли поддержки в прикаспийских государствах. Прежде всего, против этого выступил Азербайджан, поскольку речь шла о праве вето любой из стран Каспийского региона на разработку месторождений другой стороны без предварительного согласования со всеми участниками организации.

Поскольку идея создания региональной организации не получила поддержки, Россия изменила свою политику. Российская сторона предложила признать Каспий международным озером, поскольку правовой режим международных озер и замкнутых морей имеет отличия. Статус озера предполагает, что его воды, недра и месторождения являются общим достоянием всех прибрежных государств. Азербайджанская сторона выступила против, указывая, что Каспий является закрытым морем, а статус моря, в соответствии с Конвенцией ООН 1982 г., закрепляет суверенные права каждого из прибрежных государств на собственную экономическую зону — часть недр, шельфа, территориальные воды и т.д. Данное обсуждение не внесло ясности в вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря, поскольку прикаспийские страны не поддержали Россию.

Расхождения позиций не мешали прикаспийским государствам обсуждать вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря. В мае 1995 г. в Казахстане прошло Совецание заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств. На нем представители внешнеполитических ведомств безуспешно пытались согласовать интересы стран региона. Затем, в июне 1995 г., руководители правовых департаментов МИД прикаспийских государств провели в Тегеране свое первое совещание по вопросам правового статуса Каспийского моря.

В октябре 1996 г. состоялись пятисторонние переговоры прикаспийских государств, на которых участвовали представители МИД каждой из

стран. Несмотря на то, что переговоры выявили диаметрально противоположные позиции, страны согласились на создание нового механизма взаимодействия по решению проблемы международно-правового статуса Каспийского моря. Результатом переговоров стало решение о создании Специальной рабочей группы (СРГ) на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств. На них была возложена разработка Конвенции по международно-правовому статусу Каспийского моря.

Рабочая группа стала одним из ключевых переговорных механизмов прикаспийских стран. На заседаниях представители стран стремились сблизить свои позиции в отношении Конвенции по правовому статусу Каспийского моря. Так, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан обладали значительными запасами углеводородов и выступали за раздел Каспия на национальные сектора. Туркменистан выступил за установление 15-мильной прибрежной зоны и 25-мильной морской экономической зоны. Кроме того, Туркменистан выразил претензии на спорные с Азербайджаном месторождения Азери, Кяпаз и Чираг.

Иран предлагал использовать море совместно либо разделить его поровну, предоставляя каждому государству по 20 % дна и акватории. Иранская сторона выступила против освоения каспийских энергоресурсов до определения международно-правового статуса Каспийского моря.

Российско-казахстанское соглашение

Россия выступала против секторального раздела Каспийского моря. В то же время российская сторона была заинтересована в том, чтобы вывести переговорный процесс из тупика. Предложенная МИД России формула «Дно делим, вода — общая» сказала на позициях Азербайджана и Казахстана, одновременно позволив выйти из тупика переговорного процесса с ближайшими соседями. Раздел ресурсов, находящихся на шельфе Каспия по принципу срединной линии, которая в дальнейшем могла модифицироваться по договоренности сторон, оставлял водную поверхность моря в общем пользовании. Спорные месторождения нефти и газа было предложено делить по принципу «50 на 50», что позволяло компенсировать затраты, понесенные одной из сторон на их освоение. В результате, в июле 1998 г. было подписано российско-казахстанское Соглашение «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование», основанное на принципе срединной линии. Срединная линия, применяемая для делимитации водных пространств между государствами с противоположными и сопредельными побережьями, — это линия, каждая точка которой является равноотстоящей от соответствующих ближайших точек на побе-

режьях этих государств. Модификация срединной линии осуществляется на основе принципа справедливости и по договоренности сторон. Модифицированная срединная линия включает в себя все участки, которые не являются равноотстоящими от побережий сторон и определяются с учетом островов, геологических структур, а также с учетом других особых обстоятельств и понесенных геологических затрат [6].

В Соглашении говорилось, что «дно северной части Каспийского моря и его недра при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды, разграничиваются между Сторонами по срединной линии, модифицированной на основе принципа справедливости и договоренности сторон». Также в документе было отмечено, что «Стороны осуществляют суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии» [7].

Границы устанавливаются «на равном расстоянии от берегов двух стран по срединной линии, модернизированной на основе принципа справедливости и договоренности Сторон» (статья 1). При этом ее прохождение «определяется при помощи точек отсчета на побережьях сторон с учетом островов, исходя из уровня Каспийского моря на 1 января 1998 г.». Разграничение касалось не территории, а перспективных месторождений. Это означало, что государственные границы на Каспии и под водой между Россией и Казахстаном не устанавливались, и формально это не могло рассматриваться в качестве раздела Каспия на сектора. Фактически Россия и Казахстан пошли на политический компромисс, поскольку модифицированная срединная линия явилась результатом политических договоренностей.

Для России важным элементом Соглашения стала статья 5. В ней говорилось, что вопросы, связанные со свободой судоходства и полетов, прокладки и использования подводных кабелей, трубопроводов и с иными видами использования Каспийского моря, будут урегулированы отдельными двусторонними и многосторонними соглашениями прикаспийских государств после заключения и на основании Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Соглашение между Россией и Казахстаном о разграничении дна в целях недропользования привлекло внимание Азербайджана. В результате, в январе 2001 г. было подписано Совместное заявление президентов Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море. В нем предлагалось на первом этапе разграничить дно Каспийского моря между сопредельными и противолежащими государствами на сектора/зоны на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленных точек и модифицированной

по договоренности сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся практики на Каспии. Суть соглашения можно было охарактеризовать следующей формулой: «Дно делим — вода общая». «Стороны согласились, что за каждым из прибрежных государств в образуемом в результате такого раздела секторе/зоне будут признаваться исключительные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельностью на дне» [8]. По сравнению с российско-казахстанской Декларацией новое в этой формулировке — употребление термина «сектор/зона».

Соглашение показало, что Россия приняла решение урегулировать вопрос статуса Каспийского моря в первую очередь с Казахстаном и Азербайджаном. Россия согласилась с принципом справедливого разграничения дна, допуская также возможность «установления для каспийских государств двух прибрежных зон согласованной ширины: одной — для осуществления пограничного, таможенного, санитарного и иного контроля (до 12 миль), другой — рыболовной, в которой рыбным промыслом могли бы заниматься только суда под флагом соответствующей прибрежной страны (не более 20 миль)» [6].

Новый формат переговоров

Трудности, с которым столкнулись прикаспийские страны на переговорах по международно-правовому статусу Каспийского моря, потребовали внести изменения в сформированный механизм. Региональный формат переговоров, помимо заседания СРГ, стал включать в себя также совещания министров иностранных дел прикаспийских стран. В результате работы СРГ и совещаний министров иностранных дел удалось сблизить позиции по большинству положений Конвенции, которые касаются природоохраны, биоресурсов, судоходства и др. В то же время уровень заседаний министров иностранных дел не всегда мог разрешить противоречия, что потребовало участия лидеров стран Каспийского региона.

Россия стала инициатором проведения первого саммита глав прикаспийских государств, который состоялся 23–24 апреля 2002 г. Основным итогом саммита принято считать устное заявление президента России В. Путина о том, что пять лидеров прикаспийских стран готовы встречаться и дальше для решения широкого круга проблем. Несмотря на отсутствие подписанных документов, проведение саммита имело большое политическое значение, поскольку был создан многосторонний переговорный механизм на высшем уровне.

В 2003 г. прикаспийские государства достигли единства позиций в решении экологических проблем Каспийского моря. Была подписана Ра-

мочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря, которая стала первым многосторонним документом.

В том же году Россия, Азербайджан и Казахстан в трехстороннем формате сумели решить проблему правового статуса Каспийского моря. При этом они по-прежнему выступали за решение данной проблемы в рамках каспийской «пятерки».

Прикаспийским странам потребовалось пять лет, чтобы согласовать позиции ко второму саммиту. Он состоялся в октябре 2007 г. и завершился принятием Декларации, в которой лидеры прикаспийских государств подтвердили готовность продолжать переговоры по выработке и принятию Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, договорились относительно суверенных прав в отношении моря и его ресурсов, обеспечения режимов судоходства, рыболовства и плавания судов под флагами прикаспийских государств. Важными стали положения о мирном характере использования Каспия. В итоге Второй саммит заложил основы для продолжения переговорного процесса по решению международно-правового статуса Каспийского моря [9].

Третий саммит глав прикаспийских государств состоялся 18 ноября 2010 г. В ходе его проведения было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, в котором были отражены вопросы борьбы с терроризмом, организованной преступностью, контрабандой оружия, наркотиков и ядерных технологий, захватом судов, нелегальной миграцией, незаконной добычей биоресурсов и т. д. В документе был зафиксирован ключевой для России принцип, согласно которому обеспечение безопасности на Каспии является исключительно делом прибрежных стран.

В ходе встречи президентов было принято решение проводить саммиты глав прикаспийских государств на регулярной, ежегодной основе. Кроме того, была отмечена необходимость продолжения работы Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и сохранению формата встреч представителей внешнеполитических ведомств стран региона.

Несмотря на принятие решения о ежегодном проведении саммитов, этого достичь не удалось. Четвертый саммит не был проведен в 2011–2013 гг., а принятые ранее решения реализовывались не в полной мере. Так, Казахстан фактически самостоятельно осуществлял мораторий на вылов осетровых. Не был создан межгосударственный механизм по выполнению Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море и обеспечению взаимодействия прикаспийских стран. Не получила своего развития идея создания Организации каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС). В итоге после третьего саммита

основной акцент прикаспийские страны сделали на периодически проводимые заседания СРГ. 29–30 января 2014 г., в Астане, на 35 заседании группы состоялось обсуждение и согласование проекта итогового документа четвертого каспийского саммита.

Каждая из прикаспийских стран была заинтересована в создании четких и стабильных правил игры в Каспийском регионе, в то же время не забывая о своих национальных интересах. Наиболее четко это проявлялось в области разведки, добычи и экспорта углеводородов.

Четвертый саммит глав прикаспийских стран состоялся 29 сентября 2014 г. в Астрахани. Прикаспийские страны не приняли Конвенции по международно-правовому статусу Каспийского моря, согласовав и подписав только политическое заявление. В нем были отражены основные принципы пятистороннего сотрудничества на Каспии. В заявлении впервые был зафиксирован размер прибрежного морского пространства — 25 морских миль. Из них 15 миль признавались зоной государственного суверенитета, 10 миль — зоной исключительных прав на рыболовство. Остальная поверхность водоема оставалась в общем пользовании для судоходства. Кроме того, главы прикаспийских государств договорились, что в Каспийском море не будут присутствовать вооруженные силы третьих государств. Каспийское море было объявлено «зоной мира». Каспийская «пятерка» обсудила развитие транспортной инфраструктуры в регионе. Большое внимание было уделено транспортному коридору «Север — Юг».

На саммите в пятистороннем формате были подписаны межправительственные соглашения о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на Каспийском море, о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов, о сотрудничестве в области гидрометеорологии. По итогам встречи в Астрахани президенты сделали заявления о возможности подписания Конвенции на следующем саммите.

Несмотря на сближение позиций, в последующие несколько лет прикаспийские страны не смогли согласовать окончательный текст Конвенции. В результате на шестой (с июня 1995 г.) встрече министров иностранных дел прикаспийских стран, которая прошла в июле 2016 г., было принято решение перенести проведение саммита прикаспийских государств на 2017 г., а затем — на 2018 г.

Причин переноса саммита было несколько. Нерешенным вопросом оставался принцип раздела моря. Задержка с проведением саммита была связана с позицией Ирана, который претендовал на 20% акватории Каспийского моря. К пятому саммиту Иран должен принять решение относительно принципа раздела дна моря по срединной модифицированной линии в южном Каспии — между Азербайджаном и Туркменистаном. Этот

принцип использовали Казахстан, Россия и Азербайджан при осуществлении разграничения зон недропользования в Северном Каспии [10].

Заключение

Введение в практику такого инструмента переговорного процесса, как саммиты глав прикаспийских государств, позволило активизировать пятисторонний диалог. Данный инструмент стал наиболее эффективным механизмом в решении проблем Каспийского региона. Сложившаяся дипломатическая трехуровневая переговорная структура — Специальная рабочая группа (СРГ), совещание министров иностранных дел и саммит лидеров прикаспийских стран — доказал свою эффективность и востребованность. Отсутствие Конвенции по международно-правовому статусу Каспийского моря не снижает внимания России к региональным проблемам. Во второй половине 2017 г. правительство России утвердило стратегию развития портов в Каспийском бассейне на период до 2030 г. В октябре того же года на должность специального представителя по вопросам гуманитарного и экономического сотрудничества с государствами Каспия был назначен бывший глава Дагестана Рамазан Абдулатипов. Затем, в ноябре, в Тегеране состоялась встреча президентов России, Азербайджана и Ирана, на которой обсуждались вопросы регионального взаимодействия и, в частности, международный транспортный коридор «Север — Юг». Подобное взаимодействие президентов прикаспийских стран направлено на обсуждение региональных проблем, в том числе касающихся международно-правового статуса Каспийского моря.

Сроки проведения пятого саммита будут зависеть от результатов работы, последующих СРГ и совещаний министров иностранных дел прикаспийских стран. За время, которое прошло с момента проведения первого саммита, было согласовано значительное число статей Конвенции. Большая их часть получила одобрение в прикаспийских государствах.

Принятие Конвенции по международно-правовому статусу Каспийского моря обеспечит суверенные права прибрежных стран, создаст международно-правовую базу для их последующего сотрудничества по отдельным направлениям деятельности в регионе.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. М.: Восток — Запад, 2011. 166 с.
2. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // *Обозреватель — Observer*. 2009. № 9 (236). С. 6–15.
3. *Зонн И.С.* Каспий: иллюзии и реальность. М.: Коркис, 1999. 467 с.

4. *Алиев И.* Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. 710 с.
5. *Старченков Г.И.* Нефть Каспия и пути ее транспортировки // Мусульманские страны у границ СНГ. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2001. 307 с.
6. О правовом статусе Каспийского моря. Информация рабочей группы МИД России, февраль 2001 г. // Вестник Каспия. 2001. № 3. С. 2–4.
7. О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан // Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998–2003). М.: Эдель-М, 2003. С. 4–5.
8. Совместное заявление президентов Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море // Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998–2003). М.: Эдель-М, 2003.
9. *Абдуллаев И.И.* Проблема определения международно-правового статуса Каспийского моря: современный этап // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 2. С. 94–103.
10. *Рожков И.С.* Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 3. С. 210–220.

Геополитические перспективы современной российской политики в Каспийском регионе

А.Ш. Ногмова

Аделина Шафиковна Ногмова, кандидат политических наук, декан по подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья рассматривает современные геополитические процессы в Каспийском регионе, происходящие в результате глобализационных изменений. Анализируются события, касающиеся правового статуса Каспия, безопасности и природопользования на территориях прикаспийских государств. Автор рассматривает влияние и значение внерегиональных акторов. Анализируются научные труды отечественных специалистов, изучающих геополитику Каспийского региона. Акцентируется внимание на геополитическом положении Каспийского региона, определяются место и роль центра ответственности. В представленной работе даны рекомендации и предложения по проблеме дальнейшей активизации России в данном регионе.

Ключевые слова: Каспийский регион, геополитика, саммит, международно-правовой статус, право, угроза, безопасность, кризис, коммуникации.

Abstract: the article discusses the contemporary geopolitical processes in the Caspian region, occurring as a result of globalization changes. It analyzes developments concerning the legal status of the Caspian sea, security and environmental management in the territories of the Littoral States. The author examines the impact and value of extraregional actors. Analyzes the scientific works of Russian specialists who study the geopolitics of the Caspian region. The attention is focuses on the geopolitical situation in the Caspian region and on the place and role of the responsibility center. The article presents recommendations and proposals on the problem of further strengthening of Russia in the region.

Key words: the Caspian region, geopolitics, the summit, the international legal status, law, risk, security, crisis, communications.

В условиях, когда работа над Конвенцией о международно-правовом статусе Каспийского моря, начатая на основании решений саммита в Австрии в 2014 г., близка к завершению, в России продолжаются мероприятия,

призванные стать дополнительными площадками для обсуждения противоречий и возможных точек преткновения каспийской «пятерки» [28, 29].

Регион Каспийского моря является одним из важнейших геополитических центров, связывающим Европу, Азию и Ближний Восток. В последнее десятилетие XX и начале XXI в. Каспийский регион занял прочные позиции в международной повестке дня: благодаря географическому положению и ресурсам к региону проявляют интерес многие ведущие государства, включая страны Запада и США. Уникальность Каспия как нефтедобывающего региона и его географическое положение делают его центром региональных геополитических споров и притязаний, значение которых выходят далеко за рамки самих прикаспийских государств.

Одной из главных проблем является определение правового статуса Каспийского моря, который бы учитывал экономические, политические и военные интересы всех прибрежных государств. Окончательное урегулирование статуса Каспия разрешило бы проблемы их национальной безопасности, установило определенный режим недропользования, судоходства, использования биологических ресурсов, сотрудничество государств в экологических и гидрологических проблемах, обеспечило безопасность трубопроводов, прокладываемых по морскому дну, и многое другое [подр. см.: 17].

Полноценное урегулирование этих вопросов требует консенсуса стран-партнеров, так как взгляды их и подходы на решение указанных проблем Каспийского региона различаются. Находясь на пересечении мировых цивилизаций, имея выгодные транспортные пути, Каспий остается центром жизненно важных интересов России, Запада и мусульманского мира. Без установления стратегического баланса сил Каспийский регион может еще длительное время оставаться нестабильным геостратегическим пространством.

В последнее десятилетие в регионе обострились негативные процессы: международный терроризм, религиозный экстремизм, национальный сепаратизм, браконьерство, нелегальная транспортировка оружия и наркотиков. «Прослеживается стремление многих государств активизировать свою роль на “шахматной доске” евразийского континента» [6]. Усиливается борьба между внерегиональными игроками за контроль над транзитом каспийских нефти и газа, которая позволяет им оказывать влияние на региональные государства — поставщиков энергоносителей [см.: 12; 21; 9].

Постепенное вовлечение в конкурентную борьбу новых игроков (КНР, ЕС, США), а также нарастание нерешенных проблем в регионе усугубляют военно-политическую ситуацию в данной точке Евразии. Внешние акторы

и региональные государства пытаются путем милитаризации Каспийского моря поставить под контроль геополитическую ситуацию на Каспии.

Российская Федерация сталкивается с необходимостью реагирования на новые региональные вызовы на Каспии, связанные с активным проникновением внешних игроков. В то же время в России пока отсутствует комплексная стратегия в Каспийском регионе. Большая надежда возлагается на V Каспийский саммит прикаспийских государств, где должны разрешиться значительные спорные проблемы данного региона. По этой причине возникающая конфликтность взаимодействия внешних акторов на Каспии усиливается ввиду столкновения их геополитических интересов уже и в сопредельных регионах — Ближнем Востоке, Центральной Азии, Кавказе. В свою очередь, существующие политические противоречия в данных зонах негативно отражаются и на самом Каспийском регионе [8].

В последнее время при активном содействии внешних акторов в регионе формируются конкурентные трубопроводные энергетические коммуникации. Посредством реализации данных проектов ключевые внешние игроки пытаются управлять проблемным полем на Каспии в выгодном для них формате и блокировать продвижение конкурентов в данном регионе [10]. Таким образом, регион находится на пересечении интересов многих международных акторов. В результате сложившейся расстановки внешних сил растет практическое значение исследования таких важных проблем, как определение современного международно-правового статуса и режима Каспийского моря. Все это объясняет большой интерес отечественных ученых и многообразие литературы по различным аспектам геополитической ситуации в зоне Каспия таких авторов, как О.А. Арин [2], И.С. Зонн, С.С. Жильцов, А.М. Ушков [14; 13], А.К. Магомедов [21], Р.Х. Усманов [26; 27], П.Л. Карабущенко, Г.И. Чуфрин [9], В. Гусейнов [5] и др.

В одной из последних монографий профессор С.С. Жильцов отмечает, что в последние годы по новому определяются подходы к решению проблем Каспия, что требует от России нового осмысления региональных задач и выработки стратегических направлений. Как отмечает автор, за «прошедший период не все задачи российской политики в Каспийском регионе были реализованы, часть из них выполнена не в полной мере. Причины этого хорошо известны. Формирование российской политики проходило в ситуации острого геополитического противоборства, в условиях обострения внутривнутриполитических проблем после распада СССР» [11: 235]. Далее, в заключение работы, исследователь указывает конкретные пути и рекомендации, изложенные в шести обоснованных положениях, и констатирует, что «Каспийский регион по-прежнему остается районом мира, где пересекаются интересы внерегиональных государств и прикаспийских стран. Проблемы, не получившие своего разрешения,

все так же требуют повышенного внимания России в отношении этого стратегически важного региона» [11: 237]. Понимание важности роли данного региона отразилось в таких общегосударственных документах, как Концепция внешней политики Российской Федерации, проект Конвенции о статусе Каспийского моря, Морская доктрина Российской Федерации до 2020 г. и другие.

На данном этапе перед Россией в Каспийском регионе стоит ряд задач, требующих скорейшего решения. «Их решение осложняется неблагоприятными факторами: недалёковидной политикой правящих элит новых прикаспийских государств, основанной на националистических устремлениях или ориентированной на Запад, различными подходами прикаспийских государств в вопросе о статусе Каспия, использовании его нефтяных источников и выборе путей транспортировки углеводородов на внешние рынки, устремлениями США и их партнеров, считающих регион зоной своих стратегических интересов» [22: 56].

Как показывает практика, наиболее приемлемое решение проблем — тесное стратегическое взаимодействие и сотрудничество всех прикаспийских государств. Поэтому одной из проблем исследования является анализ эволюции внешней политики Российской Федерации по реализации военных, политических и экономических интересов страны в Каспийском регионе, а также перспектива сотрудничества с прикаспийскими государствами. Важная составляющая данной работы — решение политико-правовых вопросов и полномочий контроля за природными ресурсами Каспия и определения маршрутов их транспортировки на мировой рынок.

За последние десятилетия было принято пять концепций внешней политики Российской Федерации, последняя из которых утверждена президентом В.В. Путиным в ноябре 2016 г. Сопоставляя принятые концепции, необходимо подчеркнуть, что ведущие направления политики России на Каспии, согласно Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 28 июня 2000 г., состоят в том, что «Россия будет добиваться выработки такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе, с учетом законных интересов друг друга» [15]. Так же в Концепции внешней политики РФ записано: «Рассматривая Большое Средиземноморье как связующий узел таких регионов, как Ближний Восток, Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, Россия намерена проводить целенаправленный курс на превращение его в зону мира, стабильности и добрососедства, что будет способствовать продвижению российских экономических интересов, в том числе в выборе маршрутов прохождения важных потоков энергоносителей» [16].

В Концепции внешней политики РФ, принятой в 2008 г., говорится о том, что «Россия будет выстраивать подходы к развитию всестороннего практического взаимодействия в Черноморском и Каспийском регионах на основе сохранения индивидуальности Организации Черноморского экономического сотрудничества и укрепления механизма сотрудничества Прикаспийских государств в русле добрососедства и стабильности» [19: 19]. В Концепции 2013 г. отмечается, что «подходы России к всестороннему взаимодействию с партнерами в Черноморском и Каспийском регионах будут выстраиваться с учетом сохранения приверженности целям и принципам Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества и укрепления механизма сотрудничества пяти Прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений» [20: 13]. Последняя редакция Концепции внешней политики от 30 ноября 2016 г. указывает на особую актуальность соблюдения универсального принципа равной и неделимой безопасности применительно к Евро-Атлантическому, Евразийскому, Азиатско-Тихоокеанскому и другим регионам. Акцентируется внимание на востребованности сетевой дипломатии, предполагающей гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач. Особо отмечается, что Россия проводит линию на всестороннее развитие сотрудничества с Казахстаном, Исламской Республикой Иран и другими Прикаспийскими государствами [18]. Таким образом, исходя из обозначенных интересов, политика России направлена на решение трех основных стратегических задач:

1. Защита и усиление позиций России на Каспии.
2. Сохранение стабильности и поддержание безопасности в регионе.
3. Развитие межрегионального сотрудничества прикаспийских государств.

Сравнивая концепции 2000, 2008, 2013 и 2016 гг., подчеркнем, что во всех четырех затронута проблема Каспийского региона, при этом РФ выдвигает первоначально задачи по обеспечению безопасности прикаспийских государств, сохранение мира в этом регионе, согласованности действий в использовании природных ресурсов, которыми богат Каспий.

Из изложенного следует, что в последние годы решаются долгосрочные задачи, обозначенные в Морской доктрине еще в 2001 г.: «определение выгодного для Российской Федерации международного правового режима Каспийского моря, порядка использования рыбных запасов, месторождений нефти и газа, проведение совместной с прибрежными государствами деятельности по сохранению морской среды; обновление торговых морских и смешанных (река — море) типов судов и судов рыбопромыслового флота; недопущение вытеснения российского флота

с рынка морских транспортных услуг; организация паромного сообщения как части интермодальных перевозок с выходом в бассейн Средиземного и Балтийского морей; развитие, реконструкция и специализация существующих портов» [1].

Проводимая внешнеэкономическая и геополитическая политика России в отношении прикаспийских государств вполне приемлема и выполнима при соблюдении принципов и задач, изложенных в российских концепциях внешней политики.

В настоящее время Каспийское море соединяет Кавказ и Среднюю Азию. На берегах моря расположены Россия, Казахстан, Азербайджан, Иран и Туркменистан. В XXI в. уровень контроля той или иной страны над топливно-энергетическими ресурсами и средствами их транспортировки и обеспечения надежной защиты определяет роль государства в сохранении геополитических позиций в регионе.

Исходя из современной истории, внешняя политика России в Каспийском регионе приобретает свою периодизацию и имеет несколько этапов:

- I этап (1991–1995 гг.) — поддержка ограниченного присутствия в регионе;
- II этап (1996–1998 гг.) — определение направлений внешней политики и возвращение в регион;
- III этап (1999–2000 гг.) — начало осмысления и выработка основных подходов к выстраиванию системы взаимоотношений с государствами Каспийского региона и усиление векторов двусторонних отношений, трансформация направлений политики России в условиях изменения расстановки сил в регионе;
- IV этап (2000–2002 гг.) — определение конструктивной внешней политики, направленной на обеспечение надежной безопасности страны, соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (СНГ);
- V этап (2002–2017 гг.) — реализация непосредственного конструктивного взаимодействия со странами Каспийского региона по определению правового статуса и безопасности Каспия (совещания, конференции, I–IV саммиты Прикаспийских государств). В рамках данного этапа, в 2003 г., Россия, Казахстан и Азербайджан пришли к единому мнению относительно принципа раздела Каспийского моря, которое заключалось в том, чтобы разделить только дно, а водную поверхность моря оставить общей. Данное сближение было достигнуто в результате компромиссного подхода трех стран. Азербайджан перестал форсировать раздел Каспия на сектора, хотя и не отказался от этой идеи, а Россия смягчила свой подход, согласившись на разграничение месторождений.

Второй каспийский саммит прошел 16 октября 2007 г. в Тегеране и завершился подписанием итоговой декларации. Важными стали положения о мирном характере использования Каспия и решения на саммите вопросов о недопущении прикаспийскими странами использования своих территорий другими государствами для совершения агрессии и других военных действий против любой из них.

Третий саммит глав прикаспийских государств состоялся в Баку 18 ноября 2010 г. Его главной темой стала безопасность. Именно от решения вопросов, связанных с безопасностью, зависело решение самой главной проблемы в «каспийской повестке» — определение политико-правового статуса Каспийского моря.

Осенью 2014 г. в Астрахани прошел IV Каспийский саммит. Ключевым результатом встречи президентов прикаспийских стран стало политическое заявление, которое заложило основные принципы международной безопасности, а также взаимодействия на Каспии и его размежевания. В отличие от предыдущего саммита астраханское заявление более конкретное, затрагивает широкий спектр вопросов. Так, например, по самому сложному вопросу — решению территориальных противоречий — предлагается использовать существующие принципы и нормы международного права, но по обоюдной договоренности сторон. Впервые в официальных документах по итогам переговоров «пятерки» фиксируется размер исключительной экономической зоны, на которую распространяются исключительные суверенные права прибрежных государств — 25 миль. Остальная поверхность моря остается в общем пользовании для судоходства и рыболовства.

Таким образом, в Астрахани был сделан серьезный шаг в работе по определению международно-правового статуса Каспийского моря, что является началом построения новой архитектуры международного сотрудничества и безопасности. Все стороны договорились на следующей встрече решить вопрос по окончательному подписанию Конвенции о правовом статусе Каспия [26].

Россия заинтересована в освоении богатств Каспийского моря, что позволит обеспечить энергетическую безопасность и приток валюты в бюджет. Поэтому интересы России на Каспии состоят в том, чтобы сохранить доступ к энергоресурсам Каспия и не допустить проникновения иностранного влияния в регион. Помимо этого, как это было подчеркнуто на последнем каспийском саммите, Россия озабочена проблемой использования минеральных и биологических ресурсов Каспийского моря. Дальнейшее освоение Каспия позволит внести ощутимый вклад в экономическое развитие России, сделать регион важным звеном в системе мирохозяйственных связей. Кроме того, для более полного использования

преимуществ географического положения России, обеспечения возрастающих объемов внешнеторговой деятельности, укрепления роли ее в мировой хозяйственной системе необходимо формирование и планомерное развитие российских международных транспортных коридоров, развитие которых отвечает как внешним, так и внутренним экономическим интересам Российской Федерации. Важнейшим для России является меридиональное направление — коридор «Север — Юг»: Северная Европа — Россия (Каспийское море) — Центральная Азия — Иран (Персидский залив) — Индия. Использование этого направления для перевозок международных транзитных грузов обеспечивает существенное сокращение сроков их доставки в сообщении между странами Индийского океана и Персидского залива с одной стороны и странами Европы с другой за счет значительно меньшей протяженности маршрутов (в 2–3 раза) по сравнению с южным морским путем через Суэцкий канал [3]. Как отмечают отечественные ученые, формирование и развитие международных транспортных коридоров на территории России уже сегодня выходит за рамки транспортной проблемы на макроэкономический уровень, так как благодаря транспортным международным потокам будет не только увеличиваться бюджет РФ, но и ее геостратегическая составляющая. Действительно, в течение многих столетий Каспий выступал в качестве важнейшей транспортной коммуникации, соединяя части евразийского континента по направлениям Север — Юг, Восток — Запад. Весьма значимым фактором является то, что в этом регионе в последнее время стало акцентироваться внимание на пограничную и транзитно-коммуникационную составляющие [21].

От стратегически выверенного статуса Каспия, отвечающего исключительно интересам пяти прибрежных государств, зависит эффективность противодействия политике Запада, прежде всего США, объявивших Каспийский регион зоной своих жизненно важных интересов.

При анализе внешнеполитического курса Российской Федерации в отношении стран Каспия, а также изменений расстановки сил в регионе, начиная с 1990-х гг. и по настоящее время, и по международно-правовому режиму, и по статусу Каспийского моря все настоятельнее прорисовывается идея определения центра ответственности данного региона. Современная динамика политико-экономического развития Каспийского региона приводит к реализации идеи определения его геополитического центра, который бы координировал и консолидировал участников данного геополитического процесса для дальнейшего решения всех назревших вопросов. Разумеется, для России важно, чтобы этот центр был на ее территории.

В настоящее время имеются значимые основания для разрешения этой проблемы. Во-первых, именно Российское государство последние

400 лет определяло историческую судьбу всего Каспийского региона. Самым непосредственным образом Россия на протяжении полутора столетий присутствует в регионе. Контроль над Каспием, обеспеченный еще сначала царской Россией, а потом Советским Союзом, правопреемницей которого впоследствии стала Россия, является основанием для доминирующего положения РФ на Каспии [4]. С другими прикаспийскими странами Россию объединяют тесные исторические и культурные связи, что в значительной степени определяет большое влияние российского государства на Каспии. На основании фактических данных у России гораздо больше геополитических связей и взаимодействия, чем у других участников Каспийского региона. Она является «участником» сразу восьми геополитических регионов: Северо-Европейского, Восточно-Европейского, Кавказского, Каспийского, Средне- и Центрально-Азиатского, Дальневосточного (Тихоокеанского) и Арктического. Уклон в сторону Востока, в евразийство, позволяет современной России подтвердить свое ответственное присутствие в Евразии как стягивающего, интегрирующего и консолидирующего центра и доказать, что конфессионально разнородные регионы Прикаспия (в данном случае славяно-православный и тюрко-мусульманский) вполне могут сформировать устойчивые цивилизационные образования [23: 29]. Для обеспечения своей национальной безопасности и внутри региона, а также реализации совместных общепринятых задач, сегодня «Каспий должен стать зоной российского лидерства в XXI в. Для этого необходимо чтобы федеральные и местные (региональные) элиты договорились о скоординированных совместных политических, экономических и культурных действиях. Пора, наконец, понять, что зона важных жизненных интересов России может обеспечиваться не только за счет нашего военного или экономического присутствия, но также за счет нашего культурного (интеллектуального) влияния. XXI в. — век информационных технологий — поставит на первое место именно культурные ценности, и тот, кто будет оказывать на других свое культурное влияние, будет контролировать как политическую, так и экономическую ситуацию» [9: 257].

Источники и литература

1. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года: Утверждена Президентом Российской Федерации 27 июля 2001 г. № Пр-1387.
2. Арин О.А. Россия на обочине мира. Каспийский регион — нарождающийся узел международных отношений. М.: Линор, 2009. 292 с.
3. Бажанов Е.П. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Философские науки. 2015. № 1. С. 12–28.
4. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? // Обозреватель — Observer. 2009. № 9 (236). С. 6–15.

5. *Гусейнов В.* Каспийская проблема: геополитические и экономические аспекты // Вестник аналитики. 2001. № 2. С. 89–144.
6. *Габиева З.Ф.* Стратегия внешней политики России в Каспийском регионе: Мотивы, цели, задачи. М., 2005.
7. *Григорьева Е., Калужный В.* Надо избежать конфликтов вокруг Каспия // Известия. 2002. 5 марта.
8. *Джавад З.Д., Усманов Р.Х.* Новый вектор исследований современных геополитических процессов в Каспийском регионе в аспекте национальной безопасности государств // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 64–71.
9. *Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х.* Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России). Астрахань: Астраханский ун-т, 2004.
10. *Жильцов С.С.* Каспийский регион: новые энергетические потоки и новые вызовы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 71–78.
11. *Жильцов С.С.* Политика России в Каспийском регионе. М.: Аспект Пресс, 2016.
12. *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М.: Восток — Запад, 2011.
13. *Жильцов С.С., Зонн И.С.* США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009.
14. *Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М.* Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003.
15. *Иванов И.С.* Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М.: Олма-Пресс, 2002.
16. *Касаев Э.О.* Россия и ситуация на Ближнем Востоке // Институт Ближнего Востока. 24.12.2009. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=9870> — Дата обращения: 12.05.2017.
17. *Бажанов Е.П.* Восточный экспресс с остановками на Западе. Записки очевидца. М., 2008. 614 с.
18. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062> — Дата обращения: 11 мая 2017.
19. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> — Дата обращения: 12 мая 2017.
20. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 — Дата обращения: 12 мая 2017.
21. *Магомедов А., Никеров Р.* Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УлГТУ, 2010.
22. *Матяш В.Н.* Россия и США в Каспийском регионе — XXI век: Проблемы и перспективы: Политологический анализ. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001.
23. *Панарин А.С.* «Восточная Европа» или «Третий Рим»? М., 1996.

24. О внесении изменений в Приказ МПР России от 21.08.2001 № 599: Приказ МПР РФ от 22.01.2008 № 15. — Режим доступа: <http://lawru.info/dok/2008/01/22/n274672.htm> — Дата обращения: 12 мая 2017.
25. *Сас И.* Медлить с определением статуса Каспия опасно // Независимая газета. 2001. 2 окт.
26. *Усманов Р.Х.* Международное взаимодействие и перспективы Каспийского региона — предварительный анализ итогов Астраханского саммита // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4 (39). С. 93–102.
27. *Усманов Р.Х.* Россия в глобальном мире: институты и стратегии в политическом взаимодействии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (34). С. 327–340.
28. «Каспийский диалог, 2017» в МГИМО (У). Апрель 2017. — Режим доступа: <http://casp-geo.ru/2017/04/участники-каспийского-диалога-2017-о-про/> — Дата обращения: 11 ноября 2017.
29. Каспийский экспертный клуб: Каспийский регион в фокусе внимания внерегиональных держав. Август 2017. — Режим доступа: <http://press-unity.com/stati/10434.html> — Дата обращения: 10 ноября 2017.

Роль трансграничных рек в развитии государств Центральной Азии

А.М. Макилова

Айдана Макиловна Макилова, аспирант Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: после распада СССР одной из острейших проблем для Центральной Азии стали вопросы вододелиния ресурсов трансграничных рек. Причины данных проблем связаны с разрушением прежней системы взаимоотношений государств региона, когда учитывались интересы стран верховья и стран низовья при использовании трансграничных водотоков. Несмотря на многочисленные усилия, государства Центральной Азии не смогли выработать взаимовыгодные подходы к использованию водных ресурсов трансграничных рек. К данному шагу центральноазиатские страны не подвигли ни экономические проблемы, которые возникли в процессе принятия односторонних действий, ни вопросы экологии, которые затрагивают все государства региона. Это наглядно проявилось на примере ситуации, которая сложилась с Аральским морем: экологические проблемы практически не оставляют шансов на его восстановление. В данном контексте ставится вопрос о выработке взаимовыгодного решения по устранению экологических последствий и использованию водных ресурсов трансграничных водотоков.

Ключевые слова: Центральная Азия, трансграничные реки, Аральский бассейн, гидроэнергетика, ирригация, водно-энергетические ресурсы, Сырдарья, Амударья.

Abstract: after the collapse of the USSR, one of the most acute problems for Central Asia was the issue of water allocation of cross-border river resources. The reasons for this issue are connected with the destruction of the former system of relations between the countries of the region, when the interests of the countries of the upper and lower reaches were taken into account when using cross-border watercourses. Despite numerous efforts, the countries of Central Asia have not been able to develop mutually beneficial approaches to the use of the water resources of cross-border rivers. At this stage, the Central Asian countries have not been propelled by the economic problems that have arisen in the process of adopting unilateral actions, nor the environmental problems that affect all countries of the region. This was clearly demonstrated by the example of the situation that has evolved with the Aral Sea. His death and environmental problems

practically leave no chance for the restoration of the Aral Sea. In this context, the question is raised about the development of a mutually beneficial solution for the elimination of environmental consequences and the use of water resources of cross-border watercourses.

Key words: Central Asia, cross-border rivers, Aral Sea basin, hydropower, irrigation, water and energy resources, Syr Darya, Amudarya.

Введение

Водные ресурсы являются ключевым фактором в обеспечении социально-экономической стабильности и развития стран Центральной Азии. В горных районах государств региона формируются стоки двух крупнейших рек региона — Сырдарьи и Амударьи, — которые питают Аральское море и центральноазиатские страны. Территория региона расположена в аридной, засушливой зоне, что значительно повышает роль водных ресурсов для государств Центральной Азии. На равнинных и предгорных районах региона традиционно выращиваются сельскохозяйственные культуры, также развито животноводство. Указанные факторы ставят на первый план вопросы использования водных ресурсов трансграничных водотоков.

Советский опыт

В прошлом веке в странах Центральной Азии в условиях экстенсивного развития экономики были проведены масштабные мероприятия по освоению регулирования стоков трансграничных рек — Сырдарьи и Амударьи. Составной частью этих мероприятий стало строительство крупнейших гидроэлектростанций, рассчитанных для работы на ирригационные нужды сельскохозяйственных угодий региона, на территории стран верховья, где формируются основные стоки двух трансграничных рек, — Кыргызстана и Таджикистана [1]. Вместе с тем на территории стран низовья — в южном Казахстане, Узбекистане и Туркменистане — были расширены участки земель под нужды сельскохозяйственного производства. В целях орошения сельскохозяйственных угодий в регионе были построены ирригационные объекты. Самым крупным из них стал Каракумский канал общей протяженностью 1445 км.

В Советском Союзе большое внимание уделялось сельскохозяйственному сектору стран Центральной Азии. С середины 1960-х гг. было увеличено производство сельскохозяйственной продукции, в первую очередь хлопчатника. Основными производителями хлопка стали Узбекистан и Туркменистан, расположенные на Туранской низменности. В период 1960–2000 гг. площадь орошаемых земель в регионе, отведенных под

посев хлопчатников, возросла с 4510 до 7990 тыс. га. Также увеличилось количество используемой воды для орошения земель — с 60,6 до 105 км³. При этом среднемноголетний объем водных ресурсов в регионе составлял 116,5 км³ [2]. Сельскохозяйственное производство в Кыргызстане и Таджикистане развивалось лишь на небольших участках предгорных районов из-за преимущественно горного рельефа территорий этих государств [3].

География водных ресурсов

Водные ресурсы в регионе распределены крайне неравномерно. Средний многолетний сток реки Сырдарьи составляет 40,6 км³/год при общей ее длине 2337 км, а у Амударьи — 62,9 км³/год при длине в 2540 км. При этом более 80% стока этих рек формируются на территории Кыргызстана и Таджикистана [4]. В связи с этим страны верховья обладают колоссальным потенциалом выработки электроэнергии на трансграничных реках, протекающих по территориям двух государств. Также водные ресурсы двух трансграничных рек являются главными источниками поддержания водного баланса Аральского моря.

В 1990-е гг., после развала СССР, государства Центральной Азии объявили о независимости и приступили к выработке и реализации новой, самостоятельной политики. Вместе с тем государства региона декларировали готовность придерживаться существовавших в СССР правил водораздела и механизма компенсации водно-энергетических ресурсов. Однако намерения государств не были зафиксированы в международно-правовых актах с указанием четких правил использования водных ресурсов и порядка взаимных компенсаций [5]. В условиях обострившегося энергетического кризиса Кыргызстан и Таджикистан были вынуждены изменить режим работы крупнейших ГЭС с ирригационного режима на режим выработки электроэнергии. Это создало острую потребность воды в странах низовья в вегетационный период и привело к затоплению их территорий в зимний период.

Вместе с тем выработка электроэнергии в странах верховья не удовлетворяла их энергетическим потребностям. Кроме того, страны региона столкнулись с новыми реалиями. Так, цены на топливно-энергетические ресурсы для Узбекистана, Казахстана и Туркменистана стали формироваться на рыночных принципах. Таким образом, водно-энергетический вопрос стал постепенно усугублять взаимоотношения государств региона на фоне социальных, экономических и политических проблем [6].

В последнее десятилетие сложилась ситуация, когда страны Центральной Азии потребляют львиную долю водных ресурсов региона. Пропорция водозабора в течение последних лет распределяется следующим образом: Узбекистан — 71,69 км³ (54%), Туркменистан — 27,07 км³

(20%), Казахстан — 15,29 км³ (11%), Таджикистан — 14,29 км³ (11%), Кыргызстан — 5,3 км³ (4%) [7]. При этом на долю орошения сельскохозяйственных угодий в Узбекистане приходится 56,66 км³ воды, Туркменистане — 16,79 км³, Казахстане — 7,96 км³, в Таджикистане — 10,15 км³, в Кыргызстане — 3,1 км³ [8].

В последние годы площадь орошаемых земель стабильно увеличивается, соответственно растет и потребление водных ресурсов. Динамика увеличения сельскохозяйственных угодий и необходимого количества воды для ее орошения обусловлена климатическими, геологическими и производственными факторами [9].

Переход гидроэлектростанций стран верховья на режим выработки электроэнергии вынудил страны низовья строить новые ирригационные сооружения для накопления запасов спускаемой зимой воды, чтобы использовать ее в вегетационный период. В условиях отсутствия согласованного подхода к использованию водных ресурсов между ирригационными и энергетическими потребностями государств нижнего и верхнего течения трансграничных рек отмечается обострение конфликта интересов.

В Кыргызстане и Таджикистане активно проводятся работы по поиску инвестиций для строительства гидроэлектростанций ввиду отсутствия собственных средств. Кыргызстан и Таджикистан обосновывают свои намерения необходимостью обеспечения собственной энергетической безопасности. Реализация данных проектов должна дать возможность странам верховья экспортировать излишки электроэнергии. В свою очередь Узбекистан, Казахстан и Туркменистан выступают против строительства новых крупных гидросооружений на территории стран верховья. Пока Казахстан и Узбекистан предпринимают меры по улучшению эффективности водопользования путем сокращения потери воды в мелиоративных системах, Туркменистан объявил о строительстве искусственных водохранилищ в Каракумах, соединив их каналом с Амударьей.

В целом необходимо подчеркнуть, что предпринимаемые странами региона действия носят разнонаправленный характер, что создает условия для политического противостояния в вопросах водопользования.

Экологический фактор

Значительно возросло негативное влияние ирригации на экологию всего региона, которая ухудшается с середины прошлого века. Один из главных факторов ирригации, увеличивающий водозабор в бассейне Аральского моря, — это засоление почв, характерное засушливому климату региона, требующее дополнительных объемов воды для восстановления сельскохозяйственных угодий, потеря воды в мелиоративных системах и перманентное увеличение территорий под ирригации. Вследствие

практически полного разбора ресурсов трансграничных рек Сырдарьи и Амударьи регион столкнулся с масштабной экологической катастрофой, связанной с падением уровня воды в Аральском море.

За период с 1962 по 1990 г. уровень Аральского моря упал с отметки 53 до 19 м, а объем воды в море уменьшился на 836 км³. Подземные воды и осадки в виде дождя и снега питают море в незначительных объемах, которые теряются при испарении. В связи с этим море продолжает высыхать. Некогда полноводное море разделено на водоемы: северный (Малый Арал) и южный (Большой Арал). В Большом Арале выделяют мелководный восточный и глубоководный западный водоемы [10, 11].

Высыхание Аральского моря привело к сокращению биологического разнообразия в Приаралье и усугубило социально-экономическое положение в странах региона. В условиях глобального изменения климата сохраняющиеся последствия экологической катастрофы в Приаралье оказывают деструктивное влияние на водный баланс Центрально-Азиатского региона. Так, ледники Кыргызстана в период 1960–2000 гг. сократились на 14,9%, а в Таджикистане за тот же период сокращение ледников достигло 30% [12]. При этом в последние десятилетия данный процесс продолжается. Соответственно, страны Центральной Азии озабочены реализацией потенциала сельскохозяйственного производства и гидроэнергетики, опираясь на фиксированные объемы водных ресурсов в рамках национальных стратегий. Данный подход усугубляет конфликт экономических интересов стран низовья и стран верховья, а также угрожает нарушить хрупкий водный баланс между государствами Центральной Азии.

Вместе с тем государства региона выражают заинтересованность в улучшении водного баланса бассейна Аральского моря. Для этого были учреждены региональные институты по сотрудничеству, к решению водной проблемы активно привлекаются внерегиональные государства. Однако эти усилия пока дают незначительный эффект.

В целом высыхание Аральского моря породило масштабные социальные и экономические проблемы. В первую очередь для населения Узбекистана и Казахстана, проживающего вблизи Аральского моря. Так, существует проблема недостатка воды у населения даже для бытовых целей [13].

Заключение

В Центральной Азии вода и энергетика тесно связаны между собой, особенно в условиях быстрых темпов развития государств региона в период XX века. В связи с этим решение вопроса использования водно-энергетических ресурсов трансграничных рек имеет не только экономическое и экологическое, но международно-политическое значение.

Для решения проблемы справедливого вододеления, отвечающего интересам всех стран Центральной Азии, необходимо выйти за рамки национальных программ развития при рассмотрении водно-энергетических ресурсов. Принятие согласованного порядка использования водно-энергетических ресурсов с учетом потребностей в водно-энергетических ресурсах каждой из стран региона может разрешить сложившуюся ситуацию. Тем более, что водно-энергетический фактор является одним из основных факторов формирования в регионе экономического развития и экологической безопасности.

Источники и литература

1. Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. № 3. С. 49–62.
2. Strengthening Cooperation for Rational and Efficient Use of Water and Energy Resources in Central Asia. Special Program for the Economies of Central Asia Project Working Group on Energy and Water Resources. ECE/ESCAP, 2004.
3. Рудов Г.А. Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии // Обозреватель. 2011. № 4. С. 101–109.
4. Сидорова Л. Государства Центральной Азии: проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1. С. 92–104.
5. Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 1. С. 90–100.
6. Жильцов С.С. Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект // Вестник РУДН. Политология. 2016. № 3. С. 7–18.
7. Отчет о деятельности международного фонда спасения Арала за 2002–2008 гг. / Исполнительный Комитет Международного Фонда спасения Арала. Душанбе, 2008.
8. Петров Г. Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 3. С. 59–72.
9. Рудов Г.А. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации // Обозреватель. 2014. № 11. С. 16–28.
10. Блий Г., Муллер П. География: миры, регионы, концепты: Пер. с англ. / Предисловие и раздел «Украина» О. Шабля. К.: Либідь, 2004.
11. Глазовский Н.Ф. Аральский кризис // Природа. 1990. № 10. С. 10–20.
12. Влияние изменения климата на водные ресурсы в Центральной Азии (Обобщающий отчет) / Б.О. Байгамбетов [и др.]. Алматы: ЕАБР: ИК МФСА, 2009.
13. Жильцов С.С. Трансграничные водные ресурсы Центральной Азии: экологический аспект // Материалы XIII международной научной конференции «Экологические и природоохранные проблемы современного общества и пути их решения» (Москва, 30 марта 2017 г.). М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2017. С. 19–28.

Развитие российско-иранского сотрудничества в Каспийском регионе: на примере транспортного коридора «Север — Юг»

Вахид Хоссейнзаде

Вахид Хоссейнзаде, аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: после распада Советского Союза и появления новых прикаспийских стран Иран и Россия лишились общих границ. После почти столетней истории общего владения Каспием на побережье моря появились пять независимых государств. С этого времени проблема развития коммуникационных маршрутов в российско-иранских отношениях стала одной из ключевых. В статье изучается возможность транспортного взаимодействия как одного из направлений сотрудничества между Ираном и Россией. Исследуется роль международного проекта «Север — Юг» в сдерживании влияния третьих стран на ситуацию в Каспийском регионе.

Ключевые слова: Россия, Иран, транспортное сотрудничество, коридор «Север — Юг», Каспийский регион.

Abstract: after the collapse of the Soviet Union and the emergence of new countries in the Caspian region, Iran and Russia lost their common land borders, after centuries of close neighborhood, a geographical distance was formed, and the Caspian Sea became the only link. Since then, the problem of developing communication routes in Russian-Iranian relations has become one of the most urgent. In this article, the International Transport Corridor “North — South” is being studied as one of the areas of cooperation between Iran and Russia. The role of this project in restraining the influence of third parties in the Caspian region is also considered.

Key words: Russia, Iran, transport cooperation, corridor “North — South”, Caspian region.

Одним из важнейших направлений сотрудничества России и Ирана в Каспийском регионе является транспортная сфера. В связи с необходимостью регулирования грузопотока и обслуживания инфраструктуры эти страны заинтересованы в создании устойчивой транспортно-экономической системы, в которой будут преобладать водные виды транс-

порта. Одновременно данная система должна быть скоординирована с деятельностью наземного транспорта, обеспечивающего функционирование морских терминалов России и Ирана. На фоне актуальности этого проекта расширяются торговые возможности Ирана, а также перспективы развития взаимовыгодных отношений с другими странами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Северным Китаем [3].

Установление прочных экономических связей с Ираном имеет для России большое стратегическое значение. Об этом свидетельствует опыт успешного взаимодействия в транспортной сфере: страны являются крупными торговыми партнерами на Среднем Востоке. Кроме того, Иран стал рынком сбыта для российских машин, оборудования, транспортных средств, металлопродукции и пиломатериалов, через территорию страны проходят транзитные маршруты, количество которых может быть увеличено. В целом круг общих интересов России и Ирана в Каспийском регионе достаточно широк. В первую очередь они касаются сферы добычи и транспортировки углеводородных ресурсов, развития международных транспортных коридоров для перевозок и транзита отечественных и иностранных грузов в направлении север — юг, сохранения и рационального использования его биоресурсов [1].

Сотрудничество с Ираном в области добычи, транспортировки, переработки и распределения конечных продуктов переработки нефти и газа, а также создания эффективной инфраструктуры для перевозки углеводородного сырья для России экономически выгодно. Такое взаимодействие способно не только укрепить энергетическую безопасность обеих стран, но и упрочить внешнеполитические позиции РФ в Центральной и Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке.

Товарооборот между Россией и Ираном в последние годы испытывает потребность в организации взаимосвязанного транспортного обслуживания различными видами транспорта. Международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг» является одним из перспективных проектов, которому удалось увеличить транспортно-транзитный потенциал российско-иранских отношений [4].

Когда Советский Союз распался, Россия попала в зависимость от ряда бывших республик: Украины, Белоруссии, а также стран Балтии. Это было связано с разрушением единого пространства транспортных перевозок с различными регионами: Африкой, Азией, Европой. В результате в 1990-е гг. транзит иностранных грузов через территорию России сократился и страна понесла значительные экономические потери. Для улучшения ситуации Иран, Россия, Индия и султанат Омана в сентябре 2000 г. подписали на Евроазиатской конференции по транспорту, проходившей в Санкт-Петербурге, Межправительственное соглашение о создании

международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг». Этот международный транспортный коридор общей протяженностью 7200 км — от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи (Бомбей) — представляет собой мультимодальный маршрут транспортировки пассажиров и грузов. Основная задача МТК «Север — Юг» — привлечение на территорию России транзитных грузопотоков из Индии, Ирана и других стран Персидского залива через Каспийское море и далее — в Северную и Западную Европу [2].

Развитие МТК является одним из ключевых проектов в транспортной политике РФ, что отражено в российских документах: Транспортной стратегии РФ до 2030 года, Стратегии развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 года и Федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы Российской Федерации (2010–2015 г.)» [4]. Ожидается, что с 2018 г., после завершения проекта по созданию железной дороги между Азербайджаном и Ираном, будет сформирован МТК «Север — Юг». В этом случае Каспийский регион станет одним из крупнейших транспортных коридоров в мире, в котором есть морской, железнодорожный и автомобильный маршруты.

Для развития данного коридора на уровне лидеров трех стран — России, Ирана и Азербайджана — было проведено две встречи. Первая прошла в августе 2016 г. в Баку, вторая — в ноябре 2017 г. в Тегеране. Основной темой встреч стало обсуждение проекта «Север — Юг», было принято решение о его завершении. Президент Ирана Хасан Рухани заявил, что коридор «Север — Юг», помимо его экономической перспективы, отражает важность Каспийского региона в российско-иранских отношениях [5].

Транспортный коридор «Север — Юг» кроме экономических преимуществ имеет геополитическое значение. После распада Советского Союза Соединенные Штаты и ЕС расширили свое влияние в Каспийском регионе. Тесные отношения Грузии и Азербайджана со странами Запада, особенно с США, негативно сказались на влиянии России и Ирана на Южном Кавказе, где они исторически доминировали. Кроме того, развитие политических, экономических и военных отношений США со странами Центральной Азии (Узбекистаном, Кыргызстаном, Казахстаном и Таджикистаном) было нацелено на установлении контроля и ограничения влияния Китая и России в Центральной Азии. Активное участие крупных западных компаний в каспийских нефтегазовых проектах стало одним из способов расширения влияния западных стран в Каспийском районе. Таким образом, сотрудничество между Россией и Ираном в этом регионе становится перспективным [6]. В связи с этим МТК «Север — Юг» — чрезвычайно эффективная альтернатива гегемонии Запада в Центральной Евразии, особенно в Каспийском регионе. Хотя некоторые считают, что коридор с севера на юг является конкурентом для программы ТРАСЕКА, на самом

деле эти два проекта — части одного паззла, в котором три восточные державы (Китай, Индия и Россия) связаны друг с другом независимо от западных держав через сухопутные и морские маршруты.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что проект МТК «Север — Юг» является способом расширения деловых связей в Центральной Евразии, особенно между Россией, Индией и Ираном. С геополитической точки зрения развитие транспортного сотрудничества между Ираном и Россией, и в том числе через проект «Север — Юг», может стать альтернативой западному влиянию в Каспийском регионе. Каспийский регион — наиболее важная область для осуществления транспортного сотрудничества между Ираном и Россией, а проект «Север — Юг» — это реальная демонстрация эффективности данного сотрудничества.

Источники и литература

1. Жильцов С.С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 628–642.
2. Международный транспортный коридор «Север — Юг» // Официальный сайт МИД РФ. 01.11.2016. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy/-/asset_publisher/Wbcl0lf1FVU/content/id/2510952 — Дата обращения: 5 ноября 2017.
3. Миротин Л.Б., Лебедев Е.А., Федосеев С.М. Развитие транспортно-коммуникационных возможностей юга России // Современный транспорт: инфраструктура, инновации, интеллектуальные системы: Сборник трудов № 18 Международной транспортной академии (Материалы конференции). М., 2015. С. 162–172.
4. Миротин Л.Б., Лебедев Е.А., Торгашов А.А., Супрун О.С. Генерация грузопотоков регионов каспийского водного бассейна // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2016. № 3. С. 209–216.
5. Пресс-конференции президента ИРИ Хасана Рухани [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.irna.ir/fa/News/82716577> — Дата обращения: 5 ноября 2017.
6. Хоссейнзаде В. Политика Ирана в Каспийском регионе на современном этапе: итоги и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (3). С. 221–228.

Штрихи к портрету рыцарей-крестоносцев

А.В. Гребенюк, И.В. Колосова

Андрей Владимирович Гребенюк, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России;

Ирина Валерьевна Колосова, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности мировосприятия рыцарей-крестоносцев, исследуются понятия рыцарской чести, рыцарского братства, рассматривается аллегорический образ короля Артура и рыцарей Круглого стола как идеальный воображаемый мир, сосуществующий с миром реальности; исследуются истоки и принципы куртуазной этики, на примерах рыцарских романов раскрывается духовный смысл рыцарских подвигов и служение рыцаря Прекрасной Даме; рассматриваются социально-экономические причины крестовых походов и их основные итоги.

Ключевые слова: крестоносное движение, римский папа Урбан II, король Ричард I Львиное Сердце, король Артур, рыцари Круглого стола, куртуазная этика.

Abstract: the article considers peculiar features of the knights-crusaders' world perception, concepts of chivalric honor and knightly brotherhood, explores allegorical image of King Arthur and the Knights of the Round Table as ideal imaginary world which co-exists with reality; analyzes the origins and principles of courteous ethics, discovers through chivalric romances the spiritual purpose of noble gests and chivalric service to their

Fair Lady; considers social and economic grounds of crusades and their main outcomes.

Key words: Crusades, the Pope Urban II, King Richard the Lionheart, King Arthur, Knights of the Round Table, courteous ethics.

Крестовые походы издавна рассматриваются как феномен массовой религиозной экзальтации во имя освобождения святых мест и гроба Господня. В действительности, эта трактовка не объясняет ни подлинные мотивы крестовых походов, ни психологию рыцарей-крестоносцев.

Крестьянское, преимущественно натуральное хозяйство, существенно тормозило товарно-денежный обмен, а экономические потребности рыцарства значительно возросли и не могли удовлетворяться за счет мелкотоварного ремесла, натурального сельского хозяйства и «кормлений» с королевского или герцогского стола. В X—XI вв. на территории Европы наблюдался демографический всплеск, приведший к значительному приросту населения. В семьях, особенно среди мелкопоместного рыцарства, стали появляться «избыточные дети», которые уже не могли рассчитывать на часть наследства родителей [1]. В перенаселенных городах царил антисанитария, наблюдались вспышки чумы и дизентерии.

Следуя принципу майората, земельные уделы передавались отцами только по старшинству, младших же детей наделяли чаще всего оружием и боевыми лошадьми. В аристократической среде их называли *Impécunieux* или *Versagers*, то есть «безденежными голяками». Новые владения профессиональные безземельные воины могли приобрести только за счет завоеваний или вооруженного перераспределения существующих ленов и бенефициев, в связи с чем перенаселенной Европе угрожали междоусобные войны, что всерьез пугало Римскую папскую курию. Церковь встревожилась за судьбу собственных владений. Чтобы оградить их от двойной опасности как со стороны народных низов, так и рыцарства, церковь взялась за преобразования, смысл которых заключался в укреплении ее материальных и моральных позиций, усовершенствовании организации и поднятии ее престижа. Церковно-реформаторское движение того времени вошло в историю под названием клюнийского. Однако эта мера не возымела желаемого эффекта.

Важным фактором явилась и милитаризация западноевропейского общества. В средневековой Европе монархи не имели средств и административного умения для самостоятельного управления страной. Поэтому центральная власть стремилась вырабатывать общие задачи для себя и своих вассалов, так как в этом случае гармонично сочетались взаимопомощь и бескорыстная служба сюзерену.

Римская курия предпринимает попытку реализовать императив Аврелия Августина Блаженного, в основе которого лежит представление о развитии человеческой цивилизации от низшего «царства язычников» (*Das civitas sordibus*) к высшему «государству Божьему» (*Das civitas Dei*), когда возникает вселенское христианское сообщество, возглавляемое совершенной в своей чистоте Римско-католической церковью [2: 13–16]. Для реализации этого замысла Рим успешно использовал западноевропейское дворянство. Чтобы вывести избыточную массу населения за пределы континента под военным руководством высокородных, но безземельных рыцарей-аристократов, таких как Готфрид Бульонский, Боэмунд Тарентский или Раймонд IV Тулузский, будет создано крестоносное движение, что позволит папству стабилизировать ситуацию в Европе и распространить свою власть далеко за ее пределы.

Нормы поведения рыцарей были строго кодифицированы. Воспитание рыцаря состояло из трех этапов: до семи лет мальчики жили в семье, затем до четырнадцати лет находились в свите сеньора в качестве пажей, затем были оруженосцами. По решению сеньора за совершение достойного поступка происходила церемония посвящения молодого дворянина в рыцари. К этому времени он должен был в совершенстве овладеть «семью добродетелями»: верховой ездой, фехтованием, искусством обращения с копьем, плаванием, навыками коллективной охоты, игрой в шашки, сочинением и исполнением стихов-канцон в честь Прекрасной Дамы под аккомпанемент лютни, волынки или ротты. Одной из важнейших черт характера рыцаря считалась щедрость.

В Провансе возник особый кодекс рыцарской чести, по которому истинный рыцарь должен не только быть отважным, искусно владеть оружием, но также быть достаточно образованным с точки зрения правил поведения, щедрым, великодушным, защитником сирых и убогих, любить музыку и поэзию. Наивысшие ценности для него — честь и верность религии, сеньору и избранной Прекрасной Даме, а также знание правил поведения в обществе (*avoir faire*) и благопристойности и хорошего тона (*comme il faut*). Все это вместе взятое объединялось в категорию «куртуазности» (от фр. *courtoisie*; нем. *hovecheit*) и нуждалось в постоянном совершенствовании личности. От рыцаря требовалось обуздание своих страстей, подчинение слепых иррациональных порывов дисциплине долга [3].

К перечню добродетелей рыцаря относилась и постоянная влюбленность. Сразу же после обряда посвящения в рыцари юноша должен был выбрать себе даму сердца и получить от нее разрешение служить ей. Культ Прекрасной Дамы (*Donna angelicata*) считается важным компонентом рыцарского мировоззрения, которое с несущественными вариациями формы сохранялось в дворянской сословной среде вплоть до раннего

Нового времени, о чем свидетельствуют традиции светских рыцарских орденов XIV–XVI вв., начиная с английского Ордена Подвязки. Легенда гласит, что во время бала графиня Солсбери в сентябре 1351 г. в танце потеряла подвязку, и сам король Эдуард III ее поднял и прикрепил к камзолу в традициях поздней куртуазной рыцарской морали со словами: «Пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает». Фраза «*Honi soit qui mal y pense*» стала девизом Ордена.

Поклонение Прекрасной Даме не случайно зародилось в Провансе, находившемся на юге Франции и граничившем с мавританской Испанией, из которой через Пиренеи пролегал Золотой мост по транспортировке книг из мира арабо-мусульманской культуры в христианскую ойкумену. Культ Дамы связан с появлением трубадуров. Трубадуры были загадкой даже в свое время. Слова «“трубадур” и “тробар” почти наверняка арабского происхождения, являются производными от “тарраба” — “петь или исполнять музыку”» [4: 17]. В исламе в X в. особое значение приобрел суфизм — философско-мистическое направление, утверждавшее чувственно-мистический путь приближения к Божественному Абсолюту. Поскольку в любом мгновении соплагаются два события — уничтожение и возникновение, — мир вещей в каждом мгновении возвращается в вечность и в том же мгновении возникает как временной. Время и вечность в таком двуединстве неотъемлемы друг от друга, их нельзя представить одно без другого. Более того, невозможно однозначно решить вопрос об их приоритете, поскольку время оказывается не просто совечным вечности, но и условием, и формой ее осуществления. Дихотомия противоположностей суфизма является характеристикой полноты истины и не нуждается в снятии антитез в некоем синтезе.

Как подчеркивает суфийский писатель Идрис Шах, «суфии полагают, что внутри человечества есть элемент, активизируемый любовью, который обеспечивает средства для достижения истинной реальности» [5: 165]. Как указывает исследователь И.М. Фильштинский, суфийский поэт воспевал прекрасную возлюбленную и сравнивал ее с солнцем или свечой, а себя — с мотыльком, сгорающим в ее пламени, непременно сетуя на безнадежность своего чувства. Между тем «суфийские стихи двуплановы, за видимым “земным” планом кроется мистический подтекст: возлюбленная в суфийском словаре символов — божественная истина» [7: 554]. В интерпретации суфиев любовь теряет все свои земные качества и превращается в исключительно духовное стремление к Всевышнему [6].

В рыцарском куртуазном универсуме также правит благородная любовь, возвышающая и совершенствующая душу. Она находит свое выражение в служении — одном из главных категорий средневековой ментальности. Согласно представлениям о куртуазном кодексе, рыцарь

не должен стремиться к чувственному обладанию своим идеалом красоты, он лишь созерцает ангельскую чистоту возлюбленной [8: 52, III. 6].

Если проанализировать исходные мотивы возникновения культа Прекрасной Дамы, то он связан также и с образом Девы Марии, которая объявляется «новой Евой», искупившей грехи своей праматери. Ее рассматривают как милосердную покровительницу, сочетающую в себе духовное и нравственное совершенство.

Для Прекрасной Дамы рыцарь оставался невинным, как и она для него, а значит благодаря служению ей он укреплялся в христианской вере. Есть два непреложных правила рыцарского поведения, две страсти и обязанности: сражаться и любить. И то и другое должно совершаться абсолютно бескорыстно. Рыцарь — это герой «ради высокой любви», которая относилась к высшей сеньориальной прослойке, одевалась в яркие нарядные одежды и пребывала в роскошных дворцах.

Куртуазная любовь строится по образу и подобию вассальных отношений. Влюбленный приносит клятву своей избраннице и служит ей как сюзерену. Культ любви включает отдельные ступени посвящения, а его центральным пунктом становится испытание. Рыцарь служит во имя идеи, а Дама предоставляет ему возможность выражения его чувств и демонстрации воинской доблести — *virtus*. После призыва римского папы Урбана II идти в Святую землю спасти христианские реликвии, набожные Прекрасные Дамы отправляли своих верных паладинов на последнее испытание в Переднюю Азию, обрекая их на длительную аскезу, если не на смерть.

Средневековая художественная литература описывает Прекрасных Дам «этикетно». Всем им свойственна молодость, белокурость, стройность, голубизна глаз и белизна лица. Именно такой предстает Прекрасная Дама в самом популярном произведении средневековья «Роман о Розе». При этом для рыцаря красота внешняя не имела никакого значения как обманчивая очевидность. Им оценивалась лишь скрытая от взора духовная идеальная благодать, воспринимавшаяся как внутренний свет.

Сам уклад жизни средневекового замка, с той огромной ролью, какую в нем играла его хозяйка, и понятные ограничения, защищающие дворянскую честь в строго регламентированном обществе, сделали объектом поклонения замужнюю женщину — жену своего сеньора. Поскольку любовь к Даме носила идеальный характер, являясь для рыцаря источником духовного постижения и совершенствования через неразделенные любовные страдания, муж должен был проявлять величайшую терпимость, тем более что в мифологизированном мире поклонения Даме сердца его супружеские права обычно не подвергались ни малейшей опасности. Мужская ревность расценивалась как стремление к эгоистическому об-

ладанию олицетворением красоты и считалась тяжким грехом. Муж имел право изгнать любовников за пределы своих владений, мог отдать провинившуюся жену прокаженным и пытать ее огнем за супружескую измену, но в источниках не встречаются упоминания о применении сеньором этой меры наказания для неверной супруги. Легендарный король Артур не наказывает свою супругу Джиневру за ее любовную связь с Ланселотом, а оставляет того в составе рыцарей Круглого стола. Он в силу врожденной мудрости понимает, что женщина, попав в тиски патриархального семейного гнета, имеет право на свободу любой ценой.

Нередко поступки рыцарской элиты кажутся алогичными, а критерии ума, красоты и преданности подчас удивляют. Так, воскресное мытье королевских ног приравнивается к образцовой службе рыцаря, постоянное употребление им вместо вина воды из корыта, где мыла ноги Прекрасная Дама, рассматривается как свидетельство преданности ей. Рождение ею ребенка никак не связывается с супружеской близостью, а рассматривается как Божий промысел и воздаяние за верность христианским идеалам. Появление ребенка у Прекрасной Дамы воспринималось ее паладинами как следствие их возвышенной платонической страсти по аналогии с непорочным зачатием Девы Марии и часто оспаривалось на турнирах [9: 8, 19, 39, 59, 82]. Оказывая знаки глубокого внимания земной женщине, рыцарь, тем не менее, служил идеалу непорочности и красоты, воплощенном в ее лице и теле. Истинная рыцарская любовь всегда чиста и бесплотна. «Любовь делает нас целомудренными», — говорил трубадур Вильгельм Монтаньоль [10: 92]. При этом служение рыцаря всегда было связано с конкретным объектом и не могло соотноситься лишь с отвлеченными христианскими идеалами.

Первоначально христианские догматы в императорском Риме распространялись в упрощенной, а нередко и искаженной форме. Первый перевод Святого Писания на диалект германского племенного союза готов был осуществлен епископом Ульфилой, который не принял утвержденную Вселенскими соборами концепцию единосущия Троицы. Идея Святой Троицы в Риме не встретила понимания в силу недостаточной на тот момент философской культуры населения Западной Римской империи [11: 18]. Позже Библия была переведена Иеронимом Стридонским на разговорный латинский язык, который считался вульгарным, обыденным и деревенским: *lingua vulgaris, cotidiana, rustica*. Текст Вульгаты (латинского перевода Священного Писания) сухо регистрирует факты земной жизни Иисуса Христа, на фоне которых Божьи заповеди и Нагорная проповедь остаются непонятными [12: 203, 13: 35]. Лакуны в тексте Священного Писания неизбежно заполнялись мистическими и символическими интерпретациями, как, например у Бернара Клервоского.

Рыцарская культура отражала дихотомию «двоемирия», в котором все предметы окружающего мира являются только тенью и подобием высших божественных сущностей. Символизм и аллегоризм — две стороны неповторимого рыцарского мировосприятия. Рыцарь во всем ищет тайный мистический смысл. Так, во время битвы Карла Великого с сарацинами в «Песне о Роланде», солнце на небе остановилось, чтобы помочь франкам победить [14: 239–240]. Мистическим смыслом изобилуют и упомянутые романы из рыцарского эпоса о короле Артуре. Прообразом короля был проконсул Амвросий Аврелиан, оставшийся в Британии после ухода римских легионов. Его образ вошел в эпический фольклор под именем *Dux bellorum Arthur*, или *Artaios*, что в переводе с кельтского диалекта означает как «камень», так и «медведь». Он возглавил борьбу северных кимров-валлийцев против англов и саксов, сражавшихся под предводительством Хорсы и Хенгиста, на рубеже V и VI столетий. Реальный Артур погиб в 516 г. в сражении при Честере.

Темой великих романтических эпоей артуровского цикла является процесс внутреннего развития человека через инициацию рыцаря, посвящение, превращение и погружение в более высокую и полную жизнь, одновременно и более человеческую, и более божественную. А через взаимоотношения с женщиной рыцарь получает доступ к своей собственной душе [15: 144]. Во Франции артуровские легенды развивали авторы от Кретьена де Труа до Рено де Боже; в Германии — от Гартмана фон Ауэ до Вольфрама фон Эшенбаха.

Французский философ Эрнест Ренан писал: «Вся природа заколдована и изобилует, подобно воображению, бесконечно разнообразными созданиями. Христианство редко обнаруживается, хотя иногда и чувствуется его близость, но оно ни в чем не изменяет той естественной среды, в которой все происходит. Епископ фигурирует за столом рядом с Артуром, но его функции ограничиваются только тем, что он благословляет блюда» [16: 189].

Царство Артура распространяется по всей Европе и не имеет обозримых границ. Это не христианский град Божий Августина Блаженного, а грандиозный аллегорический образ, где мирно сосуществовали католики и язычники и который воспринимался как скрытая реальность. Мир рыцарей Круглого стола сосуществует с реальным миром бесконечно долго как воплощение истинной рыцарственности, ее опора и ее гарант.

В другом мире сарацин случаются беззакония, торжествует произвол в отношении христиан, доведенных до нищего состояния магометанами, поэтому самоотверженные рыцари «мира Артура» должны их защитить. Крестоносцы руководствовались этим мотивом. Рыцарская этика была абсолютно индифферентна к категории патриотизма, она по своему характеру интернациональна и лишена представления о родине. Отечеством

дворянина в буквальном смысле этого слова являлся его наследственный домен или бенефиций, символом же его принадлежности к тому или иному государству был его сюзерен. Он мог вступать в войско своего прежнего противника и столь же ревностно выполнять свой долг согласно принесенной тому вассальной присяге.

Естественным императивом психологии крестоносцев было чувство рыцарского братства. Ричард Львиное Сердце не раз проявляет великодушное самоотвержение и не отступает перед опасностью, когда нужно защитить ослабевшего соратника. Так, король сам бросился на помощь окруженному отряду графа Лейчестера, а когда окружающие старались его удержать, он воскликнул: «Нет, я не был бы достоин имени короля, если бы не умел презирать смерть ради защиты тех, кто сопровождал меня на войну!» [17].

У рыцарей возникает два противоположных вектора мотивации. С одной стороны, это придворная жизнь, изнеженная и праздная, с другой — полностью противоречащие им традиции странствующего рыцарства, ищущего подвигов во имя реализации собственных высших ценностей, поисков своей Прекрасной Дамы или чаши Святого Грааля. Сервантес великолепно отобразил этот дуализм мышления в образе дон Кихота. В обыденной жизни куртуазный рыцарь мог оказаться абсолютным тираном по отношению к крепостным, беззастенчивым грабителем купеческих поездов на дорогах, проходящих по территории его владений, участником еврейских погромов, преследований еретиков и разграбления православных храмов. Амбивалентное сознание средневекового рыцаря, глубоко привязанного к миру материальному и одновременно отыскивающего в каждой конкретной вещи и в каждом ощущении их сокровенный мистический смысл, позволяло ему с легкостью переходить от аскетического отвержения суетного мира к самым безудержным развлечениям и бесчеловечным массовым грабежам.

Прославленный герой крестоносцев, английский король Ричард I Львиное Сердце, был сыном самой известной Прекрасной Дамы — Алиеноры Аквитанской. Он был вспыльчив, являлся плохим дипломатом, но способным военачальником, и важнейшим его достоинством оставалось качество рыцаря без страха и упрека (*chevalier sans peur et sans reproche*). Образцовый аристократ, галантный кавалер, неизменный победитель турниров и участник самых отчаянных авантюр, Ричард в то же время отличался неистребимым коварством в отношении сарацин и «ложных христиан» (так в Риме называли тех, кто не исповедовал католицизм). Он устроил избиение православных жителей Мессины под предлогом того, что те отказались жертвовать денежные средства на Святое дело освобождения Гроба Господня [18: 147–150]. А когда после падения Аккры

французский король Филипп II вопреки договору увел свой флот обратно в Европу, Ричард Львиное Сердце безо всяких нравственных колебаний приказал убить 2700 пленных мусульман-суннитов [19]. Английский король ухитрился оттолкнуть от себя даже верных союзников фидаев, или, как их называли военные монахи-тамплиеры, ассасинов, мусульман-исмаилитов, которые развернули партизанскую войну в тылу войск египетского султана. Слово «ассасин» осталось во французском и английском языках с учетом языковых особенностей как синоним слова «убийца-заговорщик» [20]. В результате крестоносцы остались в одиночестве, и Ричард Львиное Сердце был вынужден капитулировать в апреле 1191 г. В довершение всех неудач английский король попал в плен к австрийскому эрцгерцогу Генриху VI и вернулся на туманный Альбион лишь полтора года спустя за значительный выкуп. Во время его пленения римский папа лично обратился с воззванием предать анафеме Генриха VI и Филиппа II Августа, если Львиное Сердце не будет освобожден из тюрьмы и полностью восстановлен в правах. Его поддержал и самоотверженный воин и идеолог трех самых значительных крестовых походов — Бернар Клервоский.

Вся аристократическая средневековая культура базировалась на идеале благородного дворянина, совершающего бесконечные подвиги во имя своего короля и Прекрасной Дамы. Старофранцузские эпические сказания, объединенные в циклы «Королевские деяния» (*La geste Regis*) и «Сказания о доблестных деяниях» (*La geste Francor*), идеализировавшие образы эпических героев, распевались в замках феодалов менестрелями и пользовались неизменным успехом. Так, на рубеже XII–XIII вв. широко распространилась по всей Европе от Португалии до Швеции героическая поэма «Песнь о Роланде», повествующая о битве в Ронсевальском ущелье между армией Карла Великого и войском басков. На центральных площадях городов появляются статуи Роланда; духовенство объявляет участников Ронсевальского боя святыми; на фронтонах ратуш, судебных зданий и витражах в церквях изображаются ее герои во главе с неистовым Роландом. Характерно, что в действительности Хруодланд-Роланд был низкого происхождения. Однако слушателей канцон того времени привлекает то, что Роланд — верный слуга «доброего и справедливого короля», непоколебимый защитник отечества, борец против предательства и измены знатных пэров, бессребреник, не имеющий ничего, кроме меча Дюрандаля и верного коня Вельянтифа [21: 267–268; 289–290].

Были широко распространены и любовные элегии, которые писались в духе романа «Тристан и Изольда». Роман утверждал дуализм любовного чувства: подлинная любовь прекрасна, но она и запретна. Церковный брак для героев священен. Священно и вассальное служение. Но герои нарушают и то и другое. Дихотомия между реальной предметной жизнью

и абстрактными ценностями в их поведении обнаруживается сразу, но земная страстная любовь оказывается выше долга служения. Не Божественное провидение, а языческий рок, символически реализовавшись в поднесенном Тристану на корабле кубке с приворотным любовным зельем, оказывается сильнее христианской клятвы епископу и сеньору.

Рыцарское мировоззрение никогда не порывало с языческими архетипами. Примером этому служит посвященный в языческие таинства верховный жрец друидов, маг и друг короля Артура Мерлин, который своим многомерным образом полностью вытесняет из повествования католического епископа [22: 25].

У европейцев никогда не было устоявшейся ненависти к исламу. Конечно, в народе бытовали грубые стереотипы и превратные толкования ислама, однако все это не складывалось в цельную систему предубеждений, способную сорвать людей с насиженных мест и вовлечь в опасную и дорогостоящую военную экспедицию против врагов католической веры в дальних странах [23: 17–18].

Однако в 1095 г. на Клермонском церковном соборе римский папа Урбан II призвал всех христианских императоров, королей, герцогов, рыцарей и простых горожан взяться за оружие и отвоевать Гроб Господень у неверных: «Пусть тот, кто желает спасти свою душу, не колеблется вступить смиренно на стезю Господню...Здесь, на Западе, земля, не обильная богатствами. Там, на Востоке, она течет молоком и медом, а Иерусалим — это пуп земель, земля плодоноснейшая по сравнению со всеми остальными, она словно второй рай. Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат» [24: 101].

Проповеди Урбана II получили широкий отклик еще и потому, что Ватикан освобождал участников крестового похода от личной зависимости, уплаты долгов и налогов, брал на себя охрану оставляемого имущества. Все они получали отпущение грехов. Урбан II говорил в своих проповедях, что многие паломники ездили на Восток или знали тех, кто там был и рассказывал об ужасном осквернении Святых мест турками. Независимо от правдивости этих рассказов они послужили мощным стимулом к желанию освободить главные христианские святыни. Впрочем, подавляющее большинство верующих отождествляло евреев, по чьей воле по весьма расплывчатой трактовке Вульгаты распяли Христа, с турками, а Бог-сын, согласно их цикличному мироощущению, претерпевает мучения накануне казни в настоящее время, и его надо немедленно спасать! [25: 34–62].

Понятно, почему многочисленные бедные французские крестьяне и горожане, руководимые бродячим монахом Петром Пустынником из Амьена и рыцарем Вальтером Безденежным, устраивали еврейские погромы под предлогом того, что иудеи виновны в распятии Христа [26: I, 93, 95].

В литературе, посвященной крестоносному движению, можно встретить утверждение о том, что причинами, якобы исчерпавшими терпимость к мусульманам, были разрушение храма Воскресения и Голгофы в 1009 г. по инициативе фатимидского халифа аль-Хакима, который также начал зверские гонения на христиан и иудеев, и переход Иерусалима в руки турок в 1078 г. В действительности, мало кто из жителей Западной Европы вообще знал, что такое Голгофа, и вряд ли отчетливо понимал, в какой части ойкумены расположен Иерусалим. Священное писание они знали только в невежественном пересказе Вульгаты приходскими священниками, так как сами читать не умели [27].

Поскольку католическая церковь объявила себя земной частью града Божьего, римскому папе Урбану II выпала уникальная возможность воплотить на практике фундаментальную идею Августина Блаженного и построить на Святой земле всеобщее и справедливое царство Божие, где будут жить христиане-католики в дружбе и согласии, отказавшись от скверны Царства земного [28: XVIII, 22].

15 июля 1099 г., после продолжительной осады, Иерусалим пал. Крестоносцы быстро рассеялись по всему городу, захватив богатства. Рыцари Святого креста не щадили ни евреев, ни армян, ни греков, ни женщин, ни стариков [29: 13]. В мечети Умара, где искали убежища мирные жители, было устроено массовое избиение людей: «Кровь доходила до колен рыцаря, сидящего на коне» [30: III]. После этого воины во главе с патриархом Иерусалимским направились к гробу Спасителя Иисуса Христа и загладили свою вину молитвами и пожертвованиями.

Завоевание Иерусалима означало выполнение церковной «программы» первого крестового похода. Римский папа Пасхалий II настаивал на передаче ему Иерусалима в качестве епархии католической церкви. Однако предводители крестоносцев потребовали, чтобы власть в городе передали одному из них по римскому праву. Был достигнут компромисс: формально городские святыни были переданы в управление представителю римского папы, а остальным владел Иерусалимский король Готфрид Бульонский, которому, как младшему сыну в семье, возвращаться было некуда. Западноевропейские короли и императоры стремились подчинить себе епархии военно-монашеских орденов и создать на Святой земле провинции, княжества и графства собственных вассалов. Риму они подчинялись чисто номинально, фактически переводя под свою юрисдикцию земли, приобретенные римской курией и охраняемые духовными братьями военно-монашеских Орденов.

Первый крестовый поход не оправдал надежд Рима. Крестоносцам была абсолютно не понятна идея земного Царства Божия, ибо его не было в их эклектичном «артуровском мире». Их интересовали лишь богатства,

обещанные Урбаном II. Не получилось и единого интернационального католического государства по причине значительных языковых различий между выходцами из Италии, Германии и Франции, хотя все они говорили на вульгарной латыни, но с большими заимствованиями из родоплеменных диалектов готы, франков и англосаксов.

Франкские, лотарингские, нормандские, германские и ломбардские дворяне основали на Востоке вассально-ленное общество: здесь окончательно восторжествовал принцип «вассал одного сеньора не может стать вассалом другого», который в Европе никогда последовательно в жизнь не претворялся. Большинству крестьян-переселенцев не удалось обустроить лучшую жизнь на новом месте, так как во главе новых государств оказались все те же европейские феодалы с прежними представлениями о нормах жизни. Только немногим рыцарям удалось обзавестись новыми землями, причем их приходилось постоянно защищать от набегов сельджуков или соседей-европейцев. На Святой земле сооружались замки, устраивались турниры, за победы на которых присваивались новые дворянские титулы, и разорительные пиры. Скоро работать и обеспечивать это великолепие оказалось некому. Волнения коренного населения были неизбежны. А с учетом большой протяженности восточной границы и постоянных набегов сарацин сохранять стабильность с каждым годом становилось все труднее. Да и боеспособность крестоносцев падала.

Католическое рыцарство так и не осознало, что крепостные крестьяне, безвозмездно создававшие ему все средства к существованию (основу прежней роскоши рыцарей), в Святой земле отсутствовали. В Палестине и Сирии тамплиеры и госпитальеры защищали замки, которые были проданы или переданы им разорившимися графами и баронами [31].

Византийский историк Анна Комнин с горечью писала о том, что франкских графов «объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу [Константинополь]... Лишь для вида они отправились в Иерусалим, на деле же хотели лишить самодержца власти» [32: VII, 8, 13]. Так, четвертый крестовый поход (1202–1204 гг.), организованный по инициативе римского папы Иннокентия III, имел целью подчинение православной церкви и ликвидацию старейшего христианского патриаршества в Константинополе. Однако теперь крестоносцы финансировались купеческими корпорациями Венеции и Генуи и выполняли, сами того не осознавая, их социальный заказ [33: XXXIX–XLI]. В конце концов после недолгой осады столицы Византии «освободители» Святой Земли в апреле 1204 г. штурмом взяли Константинополь и устроили его погром и разграбление [34, 35: 250–251]. После падения Константинополя крестоносное движение пошло на убыль.

Сакральный смысл походов в Святую землю исчерпал себя полностью, и превратился в доходный промысел католических рыцарей. И тогда в 1212 г. папа Григорий IX объявил о том, что Иерусалим могут освободить только дети, не обремененные еще страстями, грехами и пороками. В Марселе собралось около 50 тысяч «дев непорочных» и мальчиков из всех областей Франции и Германии, которых купцы из Венеции стали перевозить на Восток. В Александрии Египетской большинство уцелевших детей венецианскими купцами было продано в рабство, в том числе туркам-сельджукам [36].

Нашествие монгольской орды хана Батые в Европу в 1241–1242 гг. радикально изменило настроение рыцарства: крестоносцы целыми отрядами стали возвращаться в свои земли, чтобы отразить натиск могущественного противника и защитить свои дома. Хотя папа Григорий IX (1227–1241 гг.) объявил крестовый поход против монголов, никаких действенных мер против них на Западе не предпринималось из-за ожесточенных раздоров и распрей в христианском стане. Главным очагом противоречий, исключавших возможность совместного выступления католических держав против общего врага, был папский Рим. Григорий IX стремился подорвать могущество одного из влиятельнейших властителей Европы, императора Священной Римской империи Фридриха II, непрерывно сколачивая против него коалиции в надежде овладеть южноитальянскими землями Гогенштауфенов, в первую очередь Сицилией — жемчужиной императорской короны.

Его преемник, папа Иннокентий IV (1243–1254 гг.) пытался уговорить Великого князя Владимирского Александра Невского выступить против монголов, обещая ему в помощь мобилизовать всех католических рыцарей. Однако князь Александр стал первым из православных полководцев, кто не затруднил себя унижительными переговорами об уступках с Римом. Его ответом на разрушение крестоносцами-католиками цитадели православия — Константинополя — стала Невская битва. Северо-Западная Русь благодаря гению Александра Невского устояла перед натиском крестоносцев, дав понять католическому Риму, что в Восточной Европе растет могучая православная держава, к которой перейдет слава Византии [37].

Пользуясь отсутствием рыцарских резервов, в 1244 г. объединенные мусульманские войска изгнали крестоносцев из Малой Азии. Восьмой крестовый поход (1248–1254 гг.) уже осуществлялся силами одних французских рыцарей под руководством короля Людовика IX Святого, который попал в плен в Тунисе. Но египетский султан проникся таким уважением к набожному королю, что освободил его из плена под честное слово.

Борьба за идеалы Римско-католической церкви усилиями рыцарей-крестоносцев вначале выразилась в попытке колонизации более развитых в

духовном отношении государств, что закономерно окончилось неудачей, выродившись в грабительские экспедиции под руководством венецианских купцов за богатства Востока. Расширение пределов рыцарского «артуровского мира» за счет новых территорий без перемещения туда массы горожан и крестьян оказалось невозможным предприятием. Крестоносным донкихотам на Святой земле были необходимы свои Санчо Пансы.

Источники и литература

1. Кулидж О. Крестовые походы: Пер. с английского. М., 2002.
2. Wilks M.J. Augustinus' Triumphus and the Problem of Authority in Medieval society, 1230–1350. Cambridge, 1958.
3. Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания: Пер. с нем. СПб., 1907.
4. Trend G.B. Legacy of Islam. Oxford, 1968.
5. Shah I. The Sufis. London, 1964.
6. Шиммель А. Мир исламского мистицизма: Пер. с англ. М., 1999.
7. Фильштинский И.М. Лирика: арабская литература XIII–XVI вв. // История всемирной литературы. В 8 т. Т. 3. М., 1985.
8. Бернар Клервоский. Проповеди на Песнь Песней. — Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/er/nar_cler2.html — Дата обращения: 5 декабря 2017.
9. Римские деяния: Новеллы 8, 19, 39, 59, 82 // Средневековые латинские новеллы XIII в. — Режим доступа: http://librebook.me/srednevekovye_latinskie_novelly_xiii_v — Дата обращения: 5 декабря 2017.
10. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. М., 1990.
11. Каждан А.П. Книга и писатель в Византии. М., 1973.
12. Малеин А.И. Латинский церковный язык // Богословский вестник. 2003. Т. 3. № 3.
13. Мецгер Б. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения: Пер. с англ. М., 2004.
14. Песнь о Роланде. Л., 1934.
15. Heer F. The Medieval World. London, 1972.
16. Ренан Э. Собрание сочинений. Киев, 1902. Т. 3.
17. Мишо Г. История крестовых походов: Пер. с фр. С.Л. Клячко. М.: СПб., 1884. — Режим доступа: <http://palomnic.org/history/politika/krestonos/fisho> — Дата обращения: 22 августа 2017.
18. Flori J. Richard the Lionheart: Knight and King. Edinburgh, 1999.
19. Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М., 1991.
20. Вассерман Д. Тамплиеры и ассасины: Пер. с англ. СПб., 2008.
21. Песнь о Роланде. М., 1958.
22. Мортон А. От Мэлори до Элиота: Пер. с англ. М., 1970.
23. Mahmoud H.A. The Western Attitude toward Islam before and after the First Crusade. Liverpool, 1967.
24. Деяния Франков и других иерусалимцев. Новосибирск, 2010.

25. *Карсавин Л.П.* Очерки религиозной жизни в Италии в XI–XIII веках. СПб., 1912.
26. Alberti Aquensis. *Historia Hierosolymitana*. — Recueil des historiens des croisades. Historiens Occidentaux, t. IV. Paris, 1879.
27. *Райт Д.К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе: Пер. с англ. М., 1988.
28. *Августин Блаженный.* О граде Божьем. — Режим доступа: avgustin_o-grade-bozhem.pdf — Дата обращения: 5 декабря 2017.
29. *Гильом Тирский.* Иерусалимская хроника. СПб., 1897.
30. *Фулькерий Шартрский.* Иерусалимская история. М., 2009.
31. *Riley-Smith J.S.C.* The Knights of Hospitallers in Latin Syria. Cambridge, 1964; *Benveneristi M.* The Crusaders in the Holy Land. Jerusalem, 1970.
32. *Анна Комнин.* Алексиада. М., 1949.
33. *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя. М., 1980.
34. *Перну Р.* Крестоносцы: Пер. с фр. СПб., 2001.
35. *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. М., 1980.
36. *Dickson G.* The Children's Crusade: Medieval History, Modern Mythistory. London, 2008.
37. *Гребенюк А.В.* Российский ратоборец Святой князь Александр Невский // Александр Невский. Материалы общественно-политической конференции (4–5 декабря 2007 г. в МГИМО (У) МИД России). М., 2008.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Евразийские исследования в ASTANA CLUB — 2017

Т.А. Закаурцева, Е.С. Солнцева

Татьяна Алексеевна Закаурцева, доктор исторических наук, профессор, первый проректор Дипломатической академии МИД России; **Елена Сергеевна Солнцева**, кандидат экономических наук, начальник управления по общественным связям и протоколу Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: дан обзор экспертных политологических дискуссий, развернувшихся на международной научной конференции в Астане (Республика Казахстан), состоявшейся 12–14 ноября 2017 г.

Ключевые слова: Центральная Азия, КНР, «Один пояс — один путь», евразийская интеграция, Казахстан.

Abstract: an overview of the expert political discussions that took place at the international scientific conference in Astana (Republic of Kazakhstan), held on November 12–14, 2017.

Key words: Central Asia, China, “One Belt — One Road”, eurasian integration, Kazakhstan.

Очередным подтверждением того факта, что Республика Казахстан постепенно превращается в одну из авторитетных мировых диалоговых площадок, стало заседание международных экспертов в рамках третьего Астанинского клуба. Оно состоялось в столице страны 12–14 ноября этого года. Астана является самой северной из столиц азиатских государств, но прием, который казахстанцы оказывают гостям города, неизменно остается теплым и дружественным. Помимо знаменитого Астанинского процесса в последнее время здесь прошли такие знаковые международные мероприятия, как саммит ШОС, выставка «ЭКСПО-2017», посвященная

альтернативной энергетике, форум по науке и образованию Организации исламского сотрудничества, сыгравший свою роль в региональном межрелигиозном диалоге.

Программа заседания третьего Астанинского клуба была насыщенной. В фокусе внимания участников форума были наиболее актуальные темы: «Большая Евразия: есть ли шансы на успех?», «ЕС — Большая Евразия: векторы сотрудничества и развития», «Геоэкономика Евразии: раздробленная мозаика или общность проектов?», «Казахстан в процессе трансформации: как проводимые реформы изменят Казахстан и его роль в Евразии?».

Большое внимание участников привлекли выступления Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, Председателя Сената Парламента Республики Казахстан К-Ж.К. Токаева, изложивших официальные позиции страны по вопросам евразийской интеграции и обозначивших задачи, которые ставит перед собой наиболее динамично развивающееся центральноазиатское государство. Эксперты проявили неподдельный интерес к мнению руководства страны не только в связи с его экономической политикой. Был затронут широкий спектр вопросов геополитики и формирующегося мироустройства, что особенно актуально в свете грядущего с января 2018 г. председательства в Совбезе ООН.

Ряд инициатив, предложенных руководством Казахстана, а также его практическая деятельность по укреплению трансграничного экономического сотрудничества, региональной и глобальной безопасности стали предметом обсуждения экспертов из Китая, России, Турции, Великобритании, США, Австрии, Азербайджана, Индии, Японии, Пакистана, Ирана, Узбекистана, Киргизии, Финляндии, Сингапура, Чехии, Республики Корея, Малайзии, Иордании, Индонезии, Норвегии, Словении, Таджикистана, Италии, Польши, Бангладеш.

У российских политологов-международников особый интерес вызвала предложенная Президентом Казахстана идея интеграции интеграций, которая может быть взята в расчет при выстраивании российского внешнеполитического курса в регионе. Казахстан является неизменно дружественным внешнеполитическим партнером России. Геополитическое положение дает ему немало преимуществ. Страна находится в центре пересечения торговых путей, инфраструктурных и логистических векторов. Руководству Казахстана на протяжении всего периода его существования в качестве самостоятельного государства удавалось найти компромисс в отношениях с соседями, несмотря на наличие противоречий и конфликтов. Само название региона — Центральная Азия — закрепилось за ним во многом с одобрения Н.А. Назарбаева. Именно Казахстану принадлежит инициатива региональной интеграции.

Президент Назарбаев первым предложил вспомнить термин «евразийство», взглянуть на Центральную Азию как на регион, имеющий единый потенциал, страны которого почти два века прожили в одном государстве, знают друг друга лучше всех и могут успешно интегрироваться. Вскоре после провозглашения бывшими советскими республиками Средней Азии независимости он предложил создать Центральноазиатский экономический союз, который просуществовал непродолжительное время, однако, как отметил Н.А. Назарбаев, «в силу разных взглядов и мнений по поводу моделей экономического развития нам тогда не удалось достичь единения» [1]. Все же, благодаря акценту руководства Казахстана на экономику, Центральная Азия не стала зоной хаоса. Даже в ходе гражданской войны в Таджикистане проведение сдержанной политики центральноазиатских республик и военная помощь России не позволили конфликту перекинуться на страны региона.

Классическая концепция евразийства получает в современных условиях разнообразные толкования. В Астанинском клубе эксперты обсуждали содержательную состоятельность термина «Большая Евразия». Большинство европейских экспертов отмечают, что евразийский подход Казахстана для Европейского союза более предпочтителен, так как европейцы предпочитают работать с регионами в комплексе. В то же время все понимают, что та сила, которой удастся доминировать в Евразии, сыграет ведущую роль на всей азиатской геополитической шахматной доске. Европейцы среди прочих акторов мировой политики стремятся максимально усилить свое влияние на страны региона. Если рассматривать Большую Евразию в географическом контексте (как территорию от Атлантики до Тихого океана), то роль Европы может быть обоснована и достаточно велика. Поскольку Казахстан, с их точки зрения, демонстрирует приверженность идеалам демократии заметно большую по сравнению с другими центральноазиатскими государствами, ЕС готов вкладывать значительные финансовые средства в инфраструктурную перестройку его экономики.

Европейские политологи констатировали, что в настоящее время ЕС переживает не лучшие времена, погрязнув в проблемах, угрожающих интеграции. Каждые 20–30 лет Европа сталкивается с новыми вызовами и переменами. Наихудшим в политическом плане был 2016 г. Рост националистических настроений оказался связанным со страхами перед миграционными волнами и общим пессимизмом по поводу перспектив глобализации. В то же время внутренние сложности не заставили ЕС отказаться от активной внешней политики, в том числе в регионе Центральной Азии. Коммюнике ЕС по сотрудничеству с Центральной Азией предполагает ежегодное выделение миллионов евро на эти цели — пре-

жде всего на развитие информационно-коммуникационных технологий и защиту столь важных для экономики стран Центральной Азии водных ресурсов. В ходе дискуссии эксперты из Великобритании и Австрии обращали внимание на цивилизационную роль ЕС, которая, по их убеждению, заключается в защите верховенства права и демократических ценностей в странах региона. Эксперты из Европы сожалели, что у Казахстана нет зоны свободной торговли с ЕС и КНР.

Китайские специалисты в свою очередь выражали интерес к странам региона как к «сообществу единой судьбы». Политологи КНР говорили об итогах 19 съезда КПК и переходе на новую стадию развития общества. С их точки зрения, КНР вынужденно становится все более активной на мировой арене. Этого требует организация защиты ее интересов и обеспечения безопасности в региональном и глобальном масштабах. Китайские специалисты констатировали, что впервые в мировой истории Восток и Запад по уровню развития сравниваются и могут конкурировать на равных. Это очень тревожит западных лидеров, привыкших к методам доминирования в межгосударственных отношениях.

Задача сопряжения экономик и культур Европы и Азии, как это прозвучало на заседаниях Астанинского клуба, очень заманчива для государств Центральной Азии, в том числе для Казахстана. Исходным является убеждение в том, что интеграция способна снизить напряженность. Идею сопряжения Россия приветствовала. Поворот экономики Китая на Запад и увеличение его инвестиций в Центральную Азию оказали позитивное влияние, оживили экономику. Некоторую озабоченность у российских политологов вызывает соперничество стран региона за выгодные контракты. Очевидно, что в отношениях между государствами Центральной Азии нужна не гонка за выгодными проектами, а экономическая партнерская конкуренция.

Концепция евразийства изначально предполагала сохранение экономического сотрудничества с Россией, интенсивность которого была крайне неравномерной. В сложные годы мирового финансового кризиса страны региона особенно активно стали обращаться к другим партнерам.

В выступлениях китайских политологов было отмечено, что, сохраняя стратегическое партнерство с Россией, КНР стремилась к расширению сотрудничества с государствами Центральной Азии. В 2015 г. во время визита в Казахстан Си Цзиньпина было объявлено о китайском проекте «Один пояс — один путь». В Астане неоднократно отмечалось, что Казахстан проводит инициативную внешнеэкономическую политику. Он взял на себя роль интегратора и двигателя экономических реформ от имени всей Центральной Азии. Начался поиск путей сопряжения международных проектов в интересах всего региона. В связи с возрастающей ролью

логистических и инфраструктурных проектов началось сопряжение двух масштабных программ: континентальной программы КНР «Один пояс — один путь» и внутриказахстанской программы «Нурлы жол».

Все эксперты Астанинского клуба отмечали впечатляющие успехи этой политики. За два года в степи построены железная дорога протяженностью 1500 км от Китая до Каспийского моря, железная дорога к Персидскому заливу (порт Бендер-Аббас) через Туркменистан и Иран для создания возможности выхода в Индию. В результате только в 2016 г. из восточных провинций Китая в страны ЕС было перевезено 4 млн т.

Для поддержания мира Казахстан предложил избрать сугубо гуманистический подход к сотрудничеству всех стран ЦА. В этих целях были предприняты специальные усилия по реализации миротворческой миссии в региональном и глобальном масштабах. Именно евразийский подход помог сформировать объединяющую повестку в области безопасности, устойчивого развития и диалога. В связи с этим Россия является важным партнером стран ЦА. Взаимоотношения в сфере безопасности опираются на глубокие исторические корни. Военное сотрудничество стран ЦА с Россией, по мнению российских экспертов, является лучшим способом избежать вооруженных конфликтов в регионе.

Подводя итог, можно констатировать, что научный форум в Астане оказался прекрасной площадкой для обмена мнениями, сопоставления экспертных оценок и выявления направлений поиска новых путей регионального сотрудничества.

Источники и литература

1. Проекция глобального успеха // Казахстанская правда. 2017. № 222 (28601). 17 ноября.

К сведению авторов

«Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее — «Вестник») рассматривает присланные в редакцию материалы по тематике журнала для возможной публикации. Редакция информирует авторов о принятом решении. Автор предоставляет следующие сведения: Ф.И.О., место работы и должность, наличие ученой степени, имя и название статьи на английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания — 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. Объем статьи не должен превышать одного авт. листа (40 тыс. знаков с пробелами). Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммосемы — в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей.

В конце каждая статья сопровождается нумерованным перечнем использованных источников («Источники и литература»), оформленным в соответствии с ГОСТ 7.1-2003:

— *для книжных изданий*: Автор. Название: Пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. С.

— *для периодических изданий*: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С.

— *для интернет-источников*:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). — Режим доступа: (http, не URL) — Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год.

Или

2) Название сайта. — Режим доступа: (http, не URL) — Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год. (Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.)

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указываются в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Источники и литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**: 12] или [**8**: 12–14]. Пояснительные же (справочно-содержательные) подстрочные ссылки — примечания должны иметь сквозную нумерацию по статье.

Материалы следует присылать по электронной почте:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Главный редактор — Т. А. Смирнова
Художник — Т. И. Такташов
Верстка — И. А. Пеннер
Корректор — О. Л. Грозовская

Научный периодический журнал

Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир

2017. № 4 (14)

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Подписано в печать 15.12.2017. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 8.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732
Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 183-93-23
E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;
office@dashkov.ru — офис; <http://www.dashkov.ru>

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30